

ПРАВО И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

№ 3 (4) 2024

Журнал основан в 2023 году. Издается один раз в три месяца.

Периодическое печатное издание (журнал): «Право и государственность».

Учредитель: Шайхуллин Марат Селирович.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № ФС77-86059 от 13.10.2023 г.

Регистрирующий орган: Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Адрес издателя и редакции: 450059, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Р. Зорге, д. 20, оф. 7.

Издатель: Шайхуллин Марат Селирович, адрес издателя: 450059, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Р. Зорге, д. 20, оф. 7.

Адрес типографии: Российская Федерация, г. Уфа, ООО МедиаПринт, ул. 50 лет Октября, д. 20, тел.: +7 (347) 216-34-45, веб-сайт: <https://mdprint.ru>.

Дата выхода в свет: 10.10.2024. Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 7.4. Тираж 500 экз. Свободная цена.

E-mail: pravoigosudarstvennost@mail.ru. **Тел.:** +7-903-31-25-790. **Веб-сайт:** <https://lawstate-journal.ru>.

Журнал размещается в открытом доступе в Научной электронной библиотеке elibrary.ru по договору № 10-01/2024.

Подписной индекс издания 015490. Размещение в электронном подписном каталоге

ГК «Урал-Пресс» – на сайте www.ural-press.ru.

LAW AND STATEHOOD

№ 3 (4) 2024

The magazine was founded in 2023. It is published once every three months.

Periodical print publication (magazine): «Law and Statehood»

Founder: Shaikhullin Marat Selirovich.

Certificate of registration of the media: PI №. FS77-86059 of 13.10.2023.

Registration body: Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor).

Address of the publisher and editorial office: 450059, Russian Federation, Ufa, st. R. Sorge, 20, of. 7.

Publisher: Shaikhullin Marat Selirovich, publisher address: 450059, Russian Federation, Ufa, st. R. Sorge, 20, of. 7.

Printing house address: Ufa, Russian Federation, ООО МедиаПринт, st. 50 years of October, 20, tel.: +7 (347) 216-34-45, website: <https://mdprint.ru>. Release date: 10.10.2024. 62x84 1/8 format. Cond. pech. l. 7.4. Circulation of 500 copies. Free price.

E-mail: pravoigosudarstvennost@mail.ru. **Tel.:** + 7-903-31-25-790. Website: <https://lawstate-journal.ru>.

The journal is publicly available in the Scientific Electronic Library of elibrary.ru under contract № 10-01/2024

Subscription index 015490. Placement in electronic subscription catalogue

GC "Ural-Press" - on the website www.ural-press.ru.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ссылки на настоящее издание обязательны. Точка зрения авторов материалов, опубликованных в журнале, может не совпадать с точкой зрения Редакционного Совета и Редакционной коллегии журнала. При использовании материалов, содержащихся в журнале, вы должны обеспечить соответствующее указание авторства, предоставить ссылку на статьи и иные материалы, опубликованные в данном издании.

All rights reserved and protected by the copyright law of the Russian Federation. References to this edition are mandatory. The point of view of the authors of the materials published in the journal may not coincide with the point of view of the Editorial Board and the Editorial Board of the journal. When using the materials contained in the journal, you must provide an appropriate indication of authorship, provide a link to articles and other materials published in this edition.

ПРАВО И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Научно-правовой журнал

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель

Соколов Александр Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права РАН, заведующий кафедрой административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина Саратовской государственной юридической академии.

Члены редакционного совета

Белоусов Сергей Александрович – доктор юридических наук, доцент, проректор по научной работе, заведующий кафедрой теории государства и права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов);

Блинов Александр Георгиевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов);

Кожевников Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева (г. Екатеринбург);

Левушкин Анатолий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва);

Маликов Борис Зуфарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа);

Малый Александр Федорович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Казань);

Михеева Татьяна Николаевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Марийского государственного университета, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Йошкар-Ола);

Мохов Александр Анатольевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой медицинского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва);

Петров Дмитрий Евгеньевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов);

Покачалова Елена Вячеславовна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов);

Самигуллин Венир Калимуллович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа);

Соловых Светлана Жорисовна – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов);

Туманов Сергей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов);

Филиппов Петр Мартынович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, Заслуженный юрист Российской Федерации;

Чаннов Сергей Евгеньевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов);

Шапиро Людмила Геннадьевна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики Саратовской государственной юридической академии, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации (г. Саратов);

Шайхуллин Марат Селирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, адвокат, главный редактор журнала «Право и государственность».

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Шайхуллин Марат Селирович – доктор юридических наук, доцент.

Члены редакционной коллегии

Станкин Алексей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, руководитель отдела научных публикаций;

Николаева Татьяна Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, ответственный секретарь;

Герасимов Александр Михайлович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии;

Грудцына Людмила Юрьевна – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры гражданского права юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;

Колесников Евгений Викторович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии;

Киреев Валерий Витальевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Челябинского государственного университета;

Колесников Андрей Владимирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина Саратовской государственной юридической академии;

Мионов Ринат Гаянович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры права Восточной экономико-юридической гуманитарной академии (Академия ВЭГУ);

Миннигулова Динара Борисовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса Санкт-Петербургского университета МВД России;

Остапович Игорь Юрьевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева;

Хабибуллина Гульнара Рушановна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета;

Диваева Ирина Рафаэловна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России;

Королёв Станислав Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора по науке Саратовского филиала ИГП РАН;

Лакаев Олег Анатольевич – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Саратовского филиала ИГП РАН;

Нырклов Владимир Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии;

Сергеенко Юлия Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового права Саратовской государственной юридической академии;

Высоцкая Нателла Валерьевна – литературный редактор.

LAW AND STATEHOOD

Scientific and legal journal

EDITORIAL BOARD

Chairman

Sokolov Alexander Yuryevich – Doctor of Law, Professor, Director of the Saratov Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Administrative and Municipal Law named after Professor Vasily Mikhailovich Manokhin of the Saratov State Law Academy.

Editorial Board Members

Belousov Sergey Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Vice-Rector for Scientific Work, Head of the Department of State Theory and Law of the Saratov State Law Academy (Saratov);

Blinov Alexander Georgievich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal and Penal Law of the Saratov State Law Academy (Saratov);

Kozhevnikov Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev (Yekaterinburg);

Levushkin Anatoly Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Entrepreneurial and Corporate Law of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (Moscow State Law University) (Moscow);

Malikov Boris Zufarovich – Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa);

Maly Alexander Fedorovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of Kazan (Volga) Federal University, Honored Lawyer of the Russian Federation (Kazan);

Mikheeva Tatyana Nikolaevna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of Mari State University, Honored Lawyer of the Russian Federation (Yoshkar-Ola);

Mokhov Alexander Anatolyevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Medical Law, O.E. Kutafin Moscow State Law University (MGUA) (Moscow);

Petrov Dmitry Evgenievich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law of the Saratov State Law Academy (Saratov);

Pokachalova Elena Vyacheslavovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva of the Saratov State Law Academy (Saratov);

Samigullin Venir Kalimullovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa);

Solovykh Svetlana Zhorisovna – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law of the Saratov State Law Academy (Saratov);

Tumanov Sergey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of State History and Law of the Saratov State Law Academy (Saratov);

Filippov Petr Martynovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Honored Lawyer of the Russian Federation;

Channov Sergey Evgenievich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Information Law and Digital Technologies of the Saratov State Law Academy (Saratov);

Shapiro Lyudmila Gennadievna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Forensic Science of the Saratov State Law Academy, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation (Saratov);

Shaikhullin Marat Selirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, lawyer, editor-in-chief of the journal "Law and Statehood".

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Shaikhullin Marat Selirovich – Doctor of Law, Associate Professor.

Editorial Board Members

Stankin Alexey Nikolaevich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Scientific Publications;

Nikolaeva Tatyana Viktorovna – Candidate of Law, Associate Professor, Executive Secretary;

Gerasimov Alexander Mikhailovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal and Penal Law of the Saratov State Law Academy;

Grudtsyna Lyudmila Yurievna – Doctor of Law, Professor, Lawyer, Professor of the Department of Civil Law

Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation;

Kolesnikov Evgeny Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law named after Professor I.E. Farber and Professor V.T. Kabyshev of the Saratov State Law Academy;

Kireev Valery Vitalievich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theoretical and Public Legal Disciplines of Chelyabinsk State University;

Kolesnikov Andrey Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Administrative and Municipal Law named after Professor Vasily Mikhailovich Manokhin of the Saratov State Law Academy;

Mironov Rinat Gayanovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Law of the Eastern Economic and Legal Humanitarian Academy (WESU Academy);

Minnigulova Dinara Borisovna – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Civil Process of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Ostapovich Igor Yuryevich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional Law of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev;

Khabibullina Gulnara Rushanovna – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of Kazan (Volga) Federal University;

Divaeva Irina Rafaelovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Korolev Stanislav Yuryevich – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Director for Science of the Saratov Branch of the IGP RAS;

Lakaev Oleg Anatolyevich – Candidate of Law, Senior Researcher of the Saratov Branch of the IGP RAS;

Nyrkov Vladimir Vladimirovich – Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of State Theory and Law of the Saratov State Law Academy;

Sergeenko Yulia Sergeevna – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Labor Law of the Saratov State Law Academy;

Vysotskaya Natella Valerievna – literary editor.

Содержание

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Самигуллин В.К.

Теологическая теория происхождения государства и права 8

Маликов Б.З.

Религиозные нормы: их сущность, характер и значение в системе социальных отношений 21

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Булатова З.А.

Конституционные гарантии языковых отношений 35

Каримов А.С.

О некоторых проблемах правового регулирования статуса субъектов Российской Федерации 39

Гатин Б.И.

Организационно-правовые модели участия аппарата высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации в обеспечении его законопроектной деятельности 43

Татаренко Н.С.

К вопросу о публичности региональной правовой политики в правозащитной сфере 47

Набаталиев Д.И.

К вопросу о праве народов на самоопределение: конституционно-правовые аспекты 51

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Миннигулова Д.Б.

Административная ответственность несовершеннолетних: правовые коллизии 55

Рукавишников С.М.

Нарушение законодательства о рекламе: проблемные аспекты 59

Галицкая Н.В.

Продовольственная безопасность как особая составляющая национальной безопасности 64

Краснощеков А.А.

Структура административной процедуры аккредитации образовательной деятельности 70

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Андрианов В.М.

Алгоритм оценки характера гражданско-правовой нормы для выявления недействительных сделок 76

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Диваева И.Р., Шайхуллин М.С.

О некоторых аспектах уголовного правоприменения по делам о незаконной банковской деятельности 80

Прокофьев М.В.

Уголовная ответственность за нарушение требований промышленной безопасности на опасных производственных объектах: зарубежный опыт 86

Зиявудинова В.А.

Уголовное противодействие терроризму на современном этапе развития общества и государства 90

АДВОКАТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И АДВОКАТУРА

Шайхуллин М.С.

Принцип самоуправления в адвокатуре 94

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 99

THEORY OF STATE AND LAW

Samigullin V.K.

Theological theory of the origin of the state and law 8

Malikov B.Z.

Religious norms: their essence, nature, and meaning in the system of social relations 21

CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW

Bulatova Z.A.

Constitutional guarantees of language relations 35

Karimov A.S.

On some problems of legal regulation of the status of constituent entities of the Russian Federation 39

Gatin B.I.

Organizational and legal models of participation of the apparatus of the supreme executive body of state power of a constituent entity of the Russian Federation in ensuring its legislative activities 43

Tatarenko N.S.

On the issue of publicity of regional legal policy in the human rights sphere 47

Nabataliev D.I.

On the question of the right of peoples to self-determination: constitutional and legal aspects 51

ADMINISTRATIVE LAW

Minnigulova D.B.

Administrative responsibility of minors: legal collisions 55

Rukavishnikov S.M.

Violation of advertising legislation: problematic aspects 59

Galitskaya N.V.

Food security as a special component of national security 64

Krasnoshchekov A.A.

Structure of the administrative procedure for accreditation of educational activities 70

CIVIL LAW

Andrianov V.M.

Algorithm for assessing the nature of a civil law norm to identify invalid transactions 76

CRIMINAL LAW SCIENCES

Divaeva I.R., Shaikhullin M.S.

On certain aspects of criminal enforcement in cases of illegal banking activities 80

Prokofiev M.V.

Criminal liability for violation of industrial safety requirements at hazardous production facilities: foreign experience 86

Ziyavudinova V.A.

Criminal counteraction to terrorism at the present stage of development of society and the state 90

ADVOCACY AND ADVOCACY

Shaikhullin M.S.

The principle of self-governance in the legal profession 94

INFORMATION FOR AUTHORS 99

Теологическая теория происхождения государства и права

В.К. Самигуллин

Уфимский юридический институт МВД России,

Уфа, Российская Федерация

svenir@internet.ru

Аннотация. В материале автор обращает внимание на то, что среди многочисленных учений о происхождении государства и права особняком стоит такое учение, которое принято обозначать как «теологическая или божественная теория о происхождении государства и права». Анализируя эту теорию, автор отмечает, что в разное историческое время существовали различные религиозного характера учения о происхождении государства и права, в которых можно обнаружить общее и особенное. Особенное – разъединяет, общее – соединяет. Это достаточно выразительно проявляется при рассмотрении основ особенно мировых религий – христианства и ислама – и взглядов их наиболее ярких представителей – богословов и философов – на происхождение человека, образование (и разрушение) государства и правовых систем. Степень религиозности населения, взятого в мировом масштабе и в разрезе отдельных национальных суверенных государств, остается достаточно высокой. Но значительна и доля атеистов, а также просто неверующих. В этой связи отношение к теологической теории происхождения государства и права неоднозначное. На взгляд автора данного материала, несмотря на мистический антураж религиозных учений о происхождении государства и права, особенно тем, что развиваются в рамках христианства и Ислама, присущи гуманистические начала. И в этом привлекательность теологической теории происхождения государства и права, хотя ученый мир и оценивает ее как ненаучную.

Ключевые слова: Бог, теория, государство, право, происхождение, религия, теология христианство, ислам.

Для цитирования: Самигуллин В.К. Теологическая теория происхождения государства и права // Право и государственность. 2024. № 3 (4). С. 8–20.

Theological theory of the origin of the state and law

V.K. Samigullin

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

Ufa, Russian Federation

svenir@internet.ru

Abstract. In the material, the author draws attention not to the fact that among the numerous teachings on the origin of the state and law, such a doctrine stands apart, which is usually designated as "theological or divine theory about the origin of the state and law." Analyzing this theory, the author notes that at different historical times there were various religious teachings about the origin of the state and law, in which one can find general and special. Special - disconnects, common - connects. This is quite expressive when considering the foundations of especially world religions - Christianity and Islam - and the views of their most prominent representatives - theologians and philosophers - on the origin of man, the formation (and destruction) Of the state and legal systems. The degree of religiosity of the population, taken on a global scale and in the context of individual national sovereign states, remains quite high. But the proportion of atheists, as well as simply unbelievers, is also significant. In this regard, the attitude to the theological theory of the origin of the state and law is ambiguous. In the opinion of the author of this material, despite the mystical entourage of religious teachings about the origin of the state and law, especially those that develop within the framework of Christianity and Islam, humanistic principles are inherent. And this is the attractiveness of the theological theory of the origin of state and law, although the scientific world evaluates it as unscientific.

Keywords: God, theory, state, law, origin, religion, theology Christianity, Islam.

For citation: Samigullin V.K. Theological theory of the origin of the state and law // Law and statehood. 2024. № 3 (4). P. 8–20.

Среди многочисленных учений о происхождении государства и права принято выделять такое специфическое учение, ко-

торое обозначают иногда – теологическая теория, а иногда – божественная теория. Приемлемы оба эти обозначения, так как

в понятийном отношении они являются синонимичными.

Считается, что теологическая / божественная теория происхождения государства и права является исторически первой. Уяснить суть обозначенной теории без знания хотя бы основ религии сложно. В этой связи рассмотрим вопрос о религии, вдаваясь в природу этого феномена лишь в той степени, в какой это необходимо и важно для понимания проблемы.

Принято считать, что религия – слово, которое восходит к латинскому глаголу «religare», что значит связывать. Религия включает в себя несколько разнородных компонентов: верования и представления, составляющие систему догматов. Догматика ранних форм религии мифология. Догматика же более поздних форм ее получает закрепление в церковных документах и в богословской литературе; культ – совокупность магических действий, выполняемых в соответствии с догматикой соответствующей религии под руководством и контролем определенной религиозной организации (например, церкви); устойчивый социальный институт, объединяющий последователей той или иной религии на основе общности верований и обрядов; специфический менталитет, в основе которого эмоциональные (чувственные) переживания, связанные с верованиями и культом определенной религии; религиозно окрашенные социальные нормы, которые находят оправдание в системе догматов данной конкретной религии.

Кратко можно сказать так: религия – это всеобщая связь. Сущность религии в том, что она, чрезвычайно специфически отражая реальный мир человека, оправдывает этот мир. Специфику религии определяет основной признак: верования и представления; вера в реальность сверхъестественных явлений и процессов. Так, по Ф. Энгельсу, «... Всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, отражение, в котором земные силы принимают форму неземных» [7, с. 328].

Благодаря настойчивости ученых и специалистов различных направлений достиг-

нуты впечатляющие успехи в изучении Древнего мира, Античности, Средневековья, Нового времени. Обнаружены цивилизации в таких местах, которые еще совсем недавно считались лишь прибежищем дикарей и варваров. Но все равно окружающий человека мир во многом остается тайной. Ясно одно: во все времена – на Востоке и на Западе, на Юге и на Севере – религия играла значительную роль в жизни и деятельности людей.

Аниматизм, фетишизм, тотемизм, анимизм, магия – формы религии древних. Принято различать национальные религии: индуизм, брахманизм, конфуцианство, даосизм, синтоизм, иудаизм.

Христианство и Ислам – мировые религии. Некоторые к мировым религиям относят еще и буддизм. Но это мнение оспаривается. Оппоненты полагают, что буддизм – это, скорее, не религия, а философия, облаченная в религиозную форму. Все известные нашему современнику древние народы (шумеры, этруски, квириды, эллины, египтяне, майя, ацтеки и др.) давали божественное объяснение своим законам и властным структурам, особенно если они достигли высокого уровня государственности в определенной форме.

В Древнем Египте считали, что поколению земных правителей предшествовало поколение богов и полубогов. Ими почитался Ра, который не только создатель, но и повелитель всего сущего – царь богов и людей. Ра – первый фараон. А Хор – прообраз всех фараонов, а фараоны – земное воплощение их. Каждый реальный фараон – потомок Ра и Хора.

Сегодня многие авторитеты в науке склоняются к тому, что религиозные представления древних (в особенности, шумеров) о возникновении государства и права, а также о многом другом лежат в первоизданном или переработанном виде в основе религиозных взглядов более поздних народов.

Археологами обнаружен каменный столб высотой в 2,25 метра, на котором высечены законы Хаммурапи – шестого царя Вавилона, правившего страной с 1793 года по 1750 год до н.э. Всего 282 статьи, которые охватывают практически все стороны жизни вавилонского общества. На монолите име-

ется изображение, демонстрирующее божественное происхождение этих законов: царь стоит перед Богом Солнца Шамашем и почтительно принимает от него законы. Исследователи отмечают поразительное сходство в композиции и в деталях текста законов Хаммурапи с текстом Ветхого Завета.

Для древности характерно то, что народы поклоняются не одному богу, а целому пантеону их. Формируется могущественная каста жрецов, которая, возникновение и разрушение государств и правовых систем объясняет тем, что так угодно богам. Премудрые и хитроумные жрецы управляют держателями верховной власти, которые даже тогда, когда в их руках оказывается значительная власть и ими предпринимаются попытки взять верх над жрецами, оказываются зачастую их марионетками. Причем, жрецы осуществляют управление прямо и косвенно властью имущими столь успешно, что некоторые государства, например, Древний Египет, благодаря искусству их влиять на умы, настроения и поведение людей, существуют чрезвычайно продолжительное время.

Нередко одно и то же лицо могло быть верховным правителем государства и одновременно главой влиятельной религиозной конфессии. Ардашир (правил в 224/225 – 240/241 гг. н.э.) – царь царей Ирана и одновременно глава общегосударственной религии – зороастризма – поучал своего сына Шапуру (правил в 240/241 – 271/272 гг. н.э.): «Знай, что вера и царствование – братья и не могут существовать друг без друга. Вера – это основа царства, а царство защищает его» [4, с. 70].

Античность – новая ступень в развитии человечества. В греческих полисах – крошечных городах-государствах – возникает гигантская культура, которая достигает высшей точки развития в V в. до н. э. Рим, заимствуя достижения греков в духовной сфере (а они питают восточные и западные цивилизации поныне) придает особое значение государственности и праву.

На протяжении всей истории Древней Греции (XXX до н.э. – I до н.э.) и Древнего Рима (753 г. до н.э. – 476 г. н. э.) религия оказывает сильнейшее влияние на формирование отношения к государству и праву.

В обширном пантеоне греческих и римских богов многие из них, особенно Зевс (у греков), Марс (у римлян), предстают как устроители и разрушители стран.

В Древней Греции правосудие имело божественную покровительницу – Фемиду. Хотя в Древнем Риме правовая система была в значительной степени секуляризирована, а государство имело примат над духовными институтами, являлась тотальной самодовлеющей структурой, римские императоры были не только высшими должностными лицами и не только полководцами и верховными судьями, а еще и обладали прерогативами первосвященника, верховного жреца. В отдельные исторические периоды император почитался как Бог.

Христианская точка зрения на происхождение государства и права. Известно, что христианство возникло более двух тысяч лет тому назад в еврейской среде Палестины, оказавшейся в зависимости от правителей Древнего Рима. Первые христиане представляли собой небольшую общину, и члены ее, как и другие иудеи, верили в мессию, но несколько в ином смысле, чем иудеи, верных Яхве и Библии, состоящей из трех частей: Торы, «Исторических» книг, Книги пророков. Христос в переводе с греческого языка означает «мессия» [5, с. 331]. Христианская община, разросшись по мере развития социума, перестав быть состоящей только из евреев, стала полиэтничной, масштабной и влиятельной силой. Ее идеи овладели умами многих в разных частях Земного шара, в ряде стран христианство стало даже государственной религией. В 301 году христианство становится государственной религией в Армении, в 324/326 году – в Грузии. В IV веке, при императоре Феодосии (347 – 395 гг.), христианство становится единственной религией в Восточной Римской Империи – Византийской империи или просто Византии, образовавшейся после разделения единой Римской империи в 395 году на две части: Восточную Римскую империю и Западную Римскую империю

У ранних христиан существование Бога не вызывает никаких сомнений. Папаян Р.А., опираясь на библейские тексты, обосновывает, что, по представлениям христиан, пер-

вое государство, которое образовал Господь Бог, – это Эдем, а первый закон, который Он дал людям – предписание «Не ешь!» [8, с. 172]. Эдем – Царство Божие, где Бог и человек обитали вместе. С грехопадением человека уже различаются Царствие Божие (Царствие Небесное, Царство Небесное, Царство Христово, Царство спасения) и Царство Земное.

Чем отличаются друг от друга эти два царства? Каково их происхождение? Главное отличие: Земное Царство – видимо. Небесное же – невидимо. Иисус Христос оставил своим последователям заповедь: «Итак, не заботьтесь и не говорите «что нам есть?» или «что пить?» или «во что одеться?» Потому что всего этого ищут язычники и потому что Отец наш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды его, и это приложится вам (Мф. 6:31 – 33). В Библии, священной книге христиан¹, даны правила поведения, часть которых может рассматриваться в качестве правовых норм.

Оставаясь верными основным догматам новой религии (их 12), со временем, однако, христиане расходятся в понимании символа веры. Встречаются и еретики, которые преследуются истинными христианами.

В 1054 году произошел раскол христианства на восточное христианство – православие (центр Константинополь) и западное христианство – католицизм (центр Рим).

В Средневековье, в котором принято различать три периода Раннее, Классическое и Позднее Средневековье, теологическая теория происхождения государства и права становится особенно популярной. Так, средневековые тюрко-татары мыслили так: Отец наш – Небо, Мать – Земля. Бог – на Небе. Хан (каган) – посланник Неба, властитель на Земле. Его слово – Закон, и он – указ для всех тех, кто дети Неба (отца) и Земли (матери). Этим оправдывались действия хана (кагана) как верховного правителя, а также образование и разрушение государственных образований. Христиане настаивают на том, что государство и право своим возникновением и существовани-

ем обязаны Богу. Церковь, руководствуясь принципом «кесарю кесарево, а Богу Божие», настойчиво отстаивает идею, что Церковь выше государства, и по мере своего усиления претендует на место государства в жизни человека и общества. Среди и православных, и католиков появляются богословы и философы, которые обосновывают эту идею.

Православные (Иоанн Дамаскин [675/676 – 749]) обосновывают, что все сущее на Земле от Бога. Отсюда – возникновение и падения государств, изменения законов происходят по усмотрению Бога при активном участии человека, созданного по образу и подобию Бога, наделенного им разумом и волей. Византийскими богословами и императорами (особенно Юстинианом [527 – 565], Василием II [958 – 1025]) предпринимались шаги по становлению и развитию Византии как самостоятельного государства, обеспечению ее (Византии) престижа и влияния. Закладываются доктринальные основы взаимоотношений Церкви и государства. Исходя из идеи «Закон от Бога», усиливается деятельность элиты в направлении признания церковных канонов в качестве государственных законов.

Византийская империя, пережив фрагментацию и падение Западной Римской империи в V веке нашей эры, существовала еще тысячу лет. Несмотря на исчезновение Византийской империи с исторической арены (в 1453 году столица империи пала под натиском турок-сельджуков, возглавляемых Мехметом II Завоевателем (Фатихом) [1432 – 1481]), для православных Константинополь остается важным центром христианства поныне. Идея о том, что власть императора (*imperium*) и власть церкви (*sacerdotium*) являются двумя божественными дарами, исходящими из одного источника – Бога, сохраняет свое значение, служа ориентиром для организации функционального и институционального соотношения светской и духовной сфер в жизни и деятельности людей, прежде всего, православных.

В Западной Римской империи, а после в государствах, образовавшихся после

¹ Библия, по-гречески, книга. Она состоит из Ветхого завета (39 книг), который полностью заимствован у иудеев, и Нового Завета (27 книг), отвергаемого иудеями. Новый Завет создавался во второй половине I и II вв. н. э. и состоит из четырех жизнеописаний Иисуса Христа.

ее распада, укореняется католичество. Вместе с тем появляются новые направления в христианстве: протестантизм (начало формирования приходится на XVI в.), лютеранство (основатель Мартин Лютер [1483 – 1546]), кальвинизм (основатель Жан Кальвин [1483 – 1546]), англиканство (начало формирования относят к 1534 г. и связывают с английским королем Генрихом VIII Тюдором [1491 – 1547, король с 1509 г.]), баптизм (возник в Англии в 1609 г.), адвентизм (возник в США в 30-е годы XIX в.), пятидесятники (образовались в США в начале XX в.), методизм (возник в Англии в первой четверти XVIII в., основатель священник Джон Уэсли [1703 – 1791]), свидетели Иеговы (возникли в США в 1870 г., основатель Чарльз Рассел [1852 – 1916]). Известны также и такие направления в христианстве, как арианство, несторианство, которые, однако, осуждены как ереси.

В XII – XIII вв. в Западной Европе приобрела популярность теория «двух мечей». По одной версии данной теории Бог дал Папе Римскому два меча: один – Папе Римскому, второй – королю. По другой версии этой же теории Бог дал два меча: один меч Церковь вложила в ножны и оставила при себе, так как не приставало Церкви самой использовать меч, второй же меч она (Церковь) вручила государям для того, чтобы они могли уверенно вершить земные дела.

Если следовать первой версии теории «двух мечей», то получается: светская власть независима от церковной власти. Если же следовать второй версии этой теории: светская власть является вторичной по отношению к религиозной власти. Но в обоих вариантах теории «двух мечей» власть – от Бога.

Надо сказать, некоторые, признавая, что церковная власть имеет первенство по отношению к государственной власти, проповедовали, что государство – творение Дьявола. Власть королей и князей греховна. Она ведет свое начало от незнающих Бога. От тех, кто гордостью, хищничеством, коварством, обманом, убийствами обрели власть, чтобы господствовать, слепой страстью и невыносимой гордостью, высокомерной неправдой, находясь под воздействием чар Дьявола. Но вот, что удивительно, даже при этой

версии происхождения государства, эти проповедники утверждали, что государственная власть и в этом случае является божественной и поэтому необходим союз Церкви с ней. Так, Григорий VII – Папа Римский в 1073 – 1085 гг. – утверждал: «Папа так превышает императора, как солнце превосходит луну, а потому власть апостольского трона стоит далеко выше могущества королевского престола». Среди католиков особенно почитаются два теолога и философа: Аврелий Августин и Фома Аквинский.

Учение Аврелия Августина. Аврелий Августин Иппонийский (лат. Aurelius Augustinus Hipponensis [354 – 430]) – богослов, философ, и епископ Гиппона Царского в Нумидии, римской Северной Африке. Он известен также как Блаженный Августин. Наиболее значительные труды его «О граде Божьем», «Христианская этика», «Исповедь». Августин признан святым в Католической церкви, Восточной Православной церкви и Англиканской церкви. Он также является выдающимся католическим учителем церкви и покровителем августинцев. Его память отмечается 28 августа, в день его смерти.

По Августину, Бог сотворил материю и наделил её различными формами, свойствами и назначениями, тем самым сотворив все сущее в мире. Деяния Бога есть благо. Следовательно, все сущее, именно потому, что оно существует, есть благо. Зло не субстанция-материя, а недостаток, её порча, порок и повреждение, небытие. Зло – не некая сила, существующая сама по себе, а ослабленное добро, необходимая ступень к добру. Бог – источник бытия, чистая форма, наивысшая красота, источник блага. Мир существует благодаря непрерывному творению Бога, который перерождает всё умирающее в мире. Мир один. Следовательно, нескольких миров быть не может. Материя характеризуется через вид, меру, число и порядок. В мировом порядке всякая вещь имеет своё место. Время – мера движения и изменения. Мир ограничен в пространстве, а бытие его ограничено во времени.

Августин обосновывал и оправдывал существование имущественного неравенства людей в обществе. Он утверждал, что неравенство – неизбежное явление социальной

жизни и бессмысленно стремиться к уравнению богатств; оно будет существовать во все века земной жизни человека. Но все же все люди равны перед Богом и потому Августин призывал жить в мире. По Августину, государство – наказание за первородный грех. Оно является системой господства одних людей над другими, и оно предназначено не для достижения людьми счастья и блага, а только для выживания в этом мире. Справедливое государство – христианское государство. Назначение государства – обеспечение правопорядка, защита граждан от внешней агрессии, помогать Церкви и бороться с ересью. Необходимо соблюдать международные договоры. Войны могут быть справедливыми и несправедливыми. Справедливые же – те, что начались по законным причинам. Например, в связи с необходимостью отражения нападения врагов. Человечество в историческом процессе образует два «града»: светское государство – царство зла и греха (прототипом которого был Рим) и государство Божие – христианская церковь.

«Град земной» и «Град Небесный» – символическое выражение двух видов любви, борьбы эгоистических («любовь к себе, доведённая до пренебрежения к Богу») и моральных («любовь к Богу вплоть до забвения себя») мотивов. Эти два града развиваются параллельно, переживая шесть эпох. В конце шестой эпохи граждане «града Божия» получают блаженство, а граждане «земного града» будут преданы вечным мучениям.

Августин доказывал превосходство духовной власти над светской властью. Восприняв августиновское учение, церковь объявила своё существование земной частью Божьего града, выставляя себя в качестве верховного арбитра в земных делах. Согласно Августину, библейские тексты не должны пониматься буквально, если это входит в противоречие с тем, что известно науке. Он объясняет, что в намерения Святого Духа не входило размещать в Священном Писании научные знания, поскольку это не относится к вопросам спасения.

Учение Фомы Аквинского. Фома Аквинский (иначе Фома Аквинат, Томас Аквинат, лат. Thomas Aquinas, итал. Tommaso d'Aquino [1225 – 1274]) – итальянский теолог

и философ. Наиболее значительные труды его «Сумма теологии», «О правлении государей». В 1323 году Фома Аквинский канонизирован католической церковью как святой, систематизатор ортодоксальной схоластики, учитель Церкви, Doctor Angelicus, Doctor Universalis, «princeps philosophorum» («князь философов»), основатель томизма, член ордена доминиканцев. В 1879 году в энциклике Aeterni patris папы Льва XIII Фома Аквинский признан наиболее авторитетным католическим теологом.

Фома Аквинский разграничивает области философии и теологии. Если предметом первой являются «истины разума», то предмет второй – «истины откровения». Философия находится в услужении у теологии и настолько же ниже её по значимости, насколько ограниченный человеческий разум ниже Божественной премудрости. Теология – священное учение и наука, основывается на знании, которым обладает Бог и те, кто удостоен блаженства. Приобщение к Божественному знанию достигается через откровения. Теология может что-то позаимствовать у философских дисциплин. Но не потому, что испытывает в этом необходимость, а лишь ради большей доходчивости преподаваемых ею положений. По Фоме Аквинскому, истины науки и истины веры не могут противоречить друг другу; между ними существует гармония. Мудрость – стремление постичь Бога, наука же – способствующее этому средство.

Мир – совокупность субстанций, зависящих своим существованием от Бога. Только в Боге сущность и существование нераздельны и тождественны. Фома Аквинский различает два вида существования: существование самосущностное или безусловное; существование случайное или зависимое. Только Бог – подлинное, истинное бытие. Всё остальное существующее в мире (даже ангелы, стоящие на высшей ступени в иерархии всех творений) обладает не подлинным бытием. Чем выше стоят «творения» на ступенях иерархии, тем большей автономией и самостоятельностью они обладают.

По своему положению человек – промежуточное существо между существами или сущностью живого и ангелами. В ряду

телесных созданий – он высшее существо, его отличает разумная душа и свободная воля. В силу этого человек ответственен за свои поступки. А корень его свободы – мудрость. Будучи первопричиной всех вещей, Бог, вместе с тем, является конечной целью их устремлений. Конечной целью благих человеческих действий является достижение блаженства, состоящее в созерцании Бога. Все остальные цели должны соответствовать конечной цели. Уклонение от них представляет собой зло, коренящееся в недостатке существования и не являющееся некоторой самостоятельной сущностью. Фома Аквинский отдавал должное деятельности, направленной на достижение земных, конечных форм блаженства. Началами собственно нравственных деяний с внутренней стороны являются добродетели, а с внешней – законы и благодать.

По Фоме Аквинскому, божественное начало, будучи первоосновой всего, управляет природой, человеком, обществом, мировым порядком и отдельными государствами. Право – закон, представляющий собой любое повеление разума, которое провозглашается ради общего блага тем, кто печётся об общественности. Фома Аквинский различает следующие виды законов: вечный (божественный), естественный, человеческий.

Тот закон вечный, посредством которого божественное провидение управляет миром, не делая, однако, излишним другие виды закона, проистекающие от него. Естественный закон – закон совместного существования, выживания и сохранения рода. Основной постулат его – надлежит стремиться к благу и совершать благое. Зло же надлежит избегать. Человеческий закон, конкретизируя постулаты естественного закона, регулирует поведения людей, внушая страх, контролируя и наказывая порочных людей; тех, которые бессовестны, а потому не поддаются убеждениям и наставлениям. По Фоме Аквинскому, исторически сложившееся позитивное законодательство, являющееся продуктом человеческих установлений, может быть при определённых условиях изменено. Однако при этом нельзя забывать о том, что благо отдельного человека, общества и государства определя-

ется божественным замыслом, и нарушение человеком божественных законов является действием, направленным против его собственного блага.

По учению Фомы Аквинского, вся власть на Земле от Бога. Для человека общественная жизнь естественна, но она требует управления, которая шести видов, что зависит от принадлежности власти одному, немногим или многим, а также от того, исполняет ли данная форма правления надлежащую цель – сохранение мира и общего блага, или же преследует частные цели правителей, противоречащие общественному благу. Справедливые формы правления – монархия, аристократия и полисная система, несправедливые – тирания, олигархия и демократия. Наилучшая форма правления – монархия, поскольку движение к общему благу наиболее эффективно осуществляется, направляясь единым источником; соответственно наихудшая форма правления тирания, поскольку зло, осуществляемое волей одного, больше, чем зло, проистекающее из множества различных волей. Демократия лучше тирании тем, что служит благу многих, а не одного. Фома Аквинский оправдывает борьбу с тиранией, особенно если установления тирана явно противоречат божественным установлениям (например, принуждая к идолопоклонству). Единовластие справедливого монарха должно учитывать интересы различных групп населения и не исключает элементов аристократии и полисной демократии. Церковную власть Фома ставил выше светской власти, ввиду того, что первая направлена на достижение божественного блаженства, в то время как вторая ограничивается преследованием лишь земного блага. Но и при решении этой задачи она не может обойтись без помощи высших сил и благодати.

В течение ряда веков учение Фомы Аквинского, развиваясь в узко-конфессиональных рамках, не играла заметной роли. Однако с конца XIX века оно начинает вызывать широкий интерес и стимулировать актуальные исследования теологической и философской направленности под общим названием – неотоцизм.

Основателем неотоцизма является Жак Маритен (1882 – 1973), который отстаи-

вает положение о «первоинициативе» Бога во всех человеческих начинаниях. Следовательно, также в образовании и развитии государства и права. У протестантов популярен Мэ́ртин Лю́тер (монашеское имя — Августин) (нем. Martin Luther [1843 – 1546], который своими знаменитыми 95 тезисами (31 октября 1531 г.) и своей предшествующей им и последующей деятельностью посеял сомнения в массах в справедливости католических догматов. Так, он считал, что достижению спасения способствуют только вера, благодать и Писание; духовенство не является необходимым посредником между Богом и человеком; нет труда благородного или презренного; мёртвые ничего не знают; право не от Бога, право – не против Бога, оно лишь без Бога. Вместе с тем он способствовал упрочению христианства в версии протестантизма среди немцев, формированию немецкого национального духа, становлению немецкого литературного языка. Заметим, Мартин Лютер перевел первым «Библию» с латинского языка на немецкий язык.

Учение о божественном происхождении государства и права в Древней Руси. Под влиянием Византии в Древней Руси, которую именуют еще Киевская Русь, православие начало распространяться с VIII века и к концу X века оно официально утверждается как государственная религия. Принято считать, что в 998 г. Киевская Русь приняла крещение. При этом, замечают многие исследователи, население и знать не вполне отошли и от языческих традиций, которые проявляли себя в народной среде даже в XV – XVI вв. С крещением стержнем официальной идеологии Киевской Руси становится учение о божественном происхождении княжеской власти. Однако это учение несколько отличается от учения о божественном происхождении власти, распространенной среди православных в Византии и католиков на Западе.

В Древней Руси верховной правитель именуется различно: «князь», «великий князь», «единодержец», «самодержец», «царь», «каган». При этом, древнерусская православная традиция, отстаивая божественное происхождение государства и права, акцент делает не на божественности лидера, а на его

обязанностях. Бог избирает конкретного человека на роль главы государства не для того, чтобы он, почивая на лаврах, быть только правителем, перстом указующим, а для того, чтобы служить всей Земле Русской: поддерживая порядок в ней, защищая ее от врагов, отправляя правосудие, украшая ее. Идеальный правитель тот, который труженик, воин, устроитель, даже церковный проповедник и организатор церкви. Так, видный церковный деятель Киевской Руси митрополит Никифор (XI век – 1121) в Послании князю Владимиру Всеволодовичу Мономаху, в крещении Василий (1053 – 1125) говорит: «Ведай, благоверный княже, что душа наша создана дуновением Божиим и по образу Божиему. В ней три части, или силы: разум (словесное), чувство (яростное), воля (желанное). Разум выше других ... чувство – выражается в ревности по Боге и в неприязни к врагам Божиим ... воля – при добром употреблении ее человек постоянно имеет желание к Богу, забывая обо всем прочем».

По митрополиту Никифору, князь есть не только государственный, а и религиозный деятель. Он воплощает собой не насилие над обществом, а душу подвластного ему общества. Монах псковского Спасо-Елеазарова монастыря Филофей (1465 – 1542) писал: «Да вѣси, христороубче и боголюбче, яко вся христианская царства приидаша и конецъ снидошася во единое царѣство нашего государя, по пророчѣскимъ книгамъ то есть Ромейское царство. Два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти». По Филофею, Древний Рим и Византия образы «Ромеева царства» в смысле идеального царства как царства Господа Бога. После их крушения этот образ перешел на Московское царство. Два образа «Ромеева царства» пали, может пасть и третий образ, то есть Московское царство. Если даже падет Московское царство, «Ромеево царство» как царство Господа Бога не разрушится, так как оно неразруσιμο, ибо идеал бессмертен. Только, к несчастью для православных, если не станет православного Московского царства, то, по Филофею, стремиться к этому идеалу будет уже некому. Отсюда – концепция «Москва – Третий Рим», которая с крушением Византийской

империи получила распространение в Московии – молодом христианском государстве. В Новое время уже в Имперской России популярным стал лозунг «Православие, самодержавие, народность», в основе которого сходная с древнерусскими идеями представление о божественном происхождении государства и права.

Ислам о происхождении государства и права. Ислам возник в VII веке. В переводе с арабского языка на русский язык слово «ислам» означает послушание, подчинение. Ислам – это мир, в котором человек может достичь гармонии между телом и душой, если будет послушен Аллаху – господу Вселенной. Те, кто следует Исламу, – мусульмане – люди преданные Аллаху, послушные и справедливые. Ислам предполагает, чтобы мусульмане были тверды в вере (Имане). Ислам не может существовать без Имана. Где нет Имана, нет и Ислама. Где нет Ислама, там Куфр, природа и форма которого могут быть самыми разнообразными.

Принято считать, что Ислам самая молодая мировая религия. С этим можно согласиться. Вместе с тем, хотелось бы обратить внимание на следующее. Имеются определенные основания считать, что в основе Ислама древнейшая монистическая религия, модернизированная применительно к вызовам своего времени с учетом данных иудаизма, христианства и некоторых других религий. Например: зороастризм, манихейства. По существу Ислам представляет собой облеченный в религиозную форму инновационный социальный проект обустройства жизни средневековых жителей Аравийского полуострова. По мере укрепления позиций Ислама его последователи претендуют уже на большее – на исламизацию населения всей Земли.

Основные заповеди ислама сводятся к следующему: «Нет бога, кроме Аллаха, а Мухаммад – пророк его»¹. Намаз (салат) – обязательная пятикратная молитва. Ураза – пост в месяц Рамазан / Рамазан / Рамадан. Закат – пожертвование в размере 2,5 процента от дохода состоятельных лиц тем, кто нуждается. Хадж – паломничество в святыне места (в Мекку). Джихад – защита Ислама.

Некоторые полагают, что Ислам рассматривает Аллаха как личность, антропоморфное существо мужского пола. Между тем, если следовать Исламу, то Аллах не только один и един, а еще и бестелесен, неизменен, пребывает нигде и везде одновременно. Он беспол, у него нет ни мужа, ни жены, ни матери, ни детей, он не родивший и не рожденный. При этом Аллах всемогущ. Его слово есть истина. Он знает тайное (сокровенное) и явное. Аллах – творец Вселенной и человека, всего живого и неживого, прошлого, настоящего и будущего. Качества и возможности Аллаха передают его 99 прекрасных имен.

Словом, по Исламу, Аллах – мусульманское первобожество, которое никак не тождественно богам других религий, в том числе иудаизма и христианства. Существует мнение, что Ислам своим происхождением обязан пророку Мухаммаду (570 – 632). Некоторые называют его даже «основателем Ислама». Его ставят на второе место после Аллаха. Затем идут праведные халифы: Абу Бакр (632–634); Умар ибн аль-Хаттаб (634 – 644); Усман ибн Аффан (644 – 656); Али ибн Абу Талиб (656 – 661), Однако, истинные мусульмане, убеждены в том, что Ислам – религия всех пророков. Они твердо стоят на том, что все пророки принесли от Всевышнего одинаковое послание; они не создатели Ислама, а только его посланники.

Некоторые авторы, мысля категориями, не свойственными Исламу, утверждают, что Мухаммаду вместе со своими сподвижниками, опираясь на Ислам, удалось создать новое государство. Между тем, в мусульманской доктрине говорится об умме, которое ни то, что государство в светских учениях о нем. А Халифат и Имамат – не монархия и не республика в той интерпретации, что можно встретить в отечественных учебниках по теории государства и права или по конституционному праву.

Умма – это мусульманская община с некоторыми элементами теократической государственности, а халифат и имамат – настоящие теократические государства. Все они возникают по воле Аллаха. Только Он – глава этих образований, но-

¹ Приведенное шахада мусульман-суннитов, шахада же мусульман-шиитов несколько иное: «Свидетельствую, что нет богов, кроме Аллаха, и еще свидетельствую, что Мухаммад – посланник Аллаха и Али – наместник Аллаха».

ситель суверенитета их. Политические лидеры, придя к верховной власти тем или иным легитимным способом, могут заниматься исполнительно-распорядительной, законодательной и судебной деятельностью, но в рамках мусульманского права. Их деятельность не может противоречить канонам Ислама, нарушать слово Аллаха. Иное – ведет к катастрофе.

Мусульманское право – специфический культурологический и цивилизационный феномен. Мусульмане относятся к нему как к ценности, различая в нем божественное, естественное начало (шариат) и рукотворное, человеческое начало (фикх). То, что относится к области творения человека (рассудка, разума) – относительная ценность, а то, что относится к области божественного, естественного начала – абсолютная ценность. Так, Абдул А ла Мауди пишет: «Человеческие знания очень ограничены. На любом этапе своей жизни человек не знает, что хорошо и что плохо для него, что опасно и что полезно. Поэтому Бог избавил его от испытаний и ошибок и дал ему Закон, который является правильным и полным кодексом жизни для всего человечества.

С течением времени преимущества этого кодекса (его правдивость, другие достоинства) становятся все более ясными для людей, хотя есть такие, которые не оценивают всех его достоинств. Дальнейший прогресс знаний покажет преимущества этого кодекса в еще более ясной перспективе. Люди, которые отрицали Божественный кодекс и возлагали свою веру на человеческий разум, после совершения грубых ошибок и печальных экспериментов начинают понимать предписания Шариата. Но все это ценой больших потерь [1, с. 156].

Индусы почитают Веды, зороастрианцы – Авесту, иудеи – Ветхий Завет, христиане – Ветхий Завет и Новый Завет, считая эти книги священными. Представители каждой религии убеждены в том, что только их книга (и, соответственно, вера) является правильной. Для мусульман «Книгой книг» является Коран (аль-Кур'ан) – чтение. Ко-

ран представляет собой солидную книгу на арабском языке объемом более 500 страниц [12, с. 7]¹. Он разбит на написанные рифмованной прозой суры (главы), состоящие из аятов. Всего в Коране 114 сур и большое число аятов. Мусульманская традиция подразделяет все суры Корана на мекканские и мединские. Коран – книга предвечная, боговдохновенная, слово Аллаха. Согласно каноническим мусульманским преданиям, Аллах надиктовал пророку Мухаммаду Божественную книгу через своего посланца – Архангеля Гавриила (Джабраиля).

Священные персонажи в Коране те же, что и в Библии, но их имена арабизированы. Например: Соломон – Сулейман, Моисей – Муса, Иисус – Иса. Также арабизации подверглись и библейские истории, носящие, однако, здесь отрывочный, несистематизированный характер. Коран – первоисточник мусульманского права в том смысле, что из его сур выводятся многие правовые нормы, в особенности шариата; на нем присягают и дают клятву, нарушений которых тягчайшие грех и преступление. Кроме того, Коран и шариат служат «вдохновением» для развития законодательства (позитивного права) тех государств, где Ислам является государственной религией и играет значительную роль в жизни человека и общества.

Вместе с тем с определенными оговорками Ислам в качестве источников права рассматривает также сунну, мнение сахабов, кияс, урфу.

В Исламе существуют несколько течений, но главных два: суннизм и шиизм. Также в Исламе сформировались несколько школ, именуемые мазхабами: ханифитский (основатель Абу Ханифа ибн Сабит [699 – 767]; маликитский (основатель Малик ибн Анас [713 – 795]; шафиитский (основатель Абу Абдуллах Мухаммад ибн Идрис аш-Шафин [767 – 819]; ханбалитский (основатель Ахмад ибн Ханбал [780 – 855]; джифаритский (основатель Джафар ас - Садик [702 – 765]).

Сунниты и шииты, мазхабы, расходясь по отдельным вопросам, в целом стоят на одних и тех же принципиальных пози-

¹ Существуют тексты Корана и на других языках: французском, немецком, английском, татарском, башкирском. Переведен он и на русский язык. Первым переводчиком Корана непосредственно с арабского языка на русский язык является Гордий Семенович Сабдуков (1804 – 1880). Он родом из селения Аскино, ныне поселение Архангельское, что в Республике Башкортостан. Не путать с Асино, что в Иркутской области, а также с Аскино, что административный центр самого северного района современного Башкортостана.

циях. На их развитии время сказывается таким образом, что различия между ними все более отодвигаются на задний план. Ведущей тенденцией становится усиление интегративных начал. В основных принципах и нормах сунниты и шииты, мазхабы сходятся. Так, каждый мусульманин в выборе поступков связан следующими типами вариантов поведения: фарз (ваджиб), халяль – харам, мандуб (мустахабб), макрух, мубах.

Формирование властных структур в Исламе своеобразное, но в целом образование уммы, а в дальнейшем – халифатов и имаматов, мусульманского права, в основе которого шариат, мусульманами рассматривается как производные от воли Аллаха. Мусульмане убеждены в том, что Аллах велик, и без Его участия в мире ничто не совершается [6, 9, 10, 11, 13].

Итак, попытаемся подвести итог нашим рассуждениям о теологической теории происхождения государства и права.

При основательном погружении в предмет выясняется, что существуют различные религиозно окрашенные взгляды на происхождение государства и права, в которых можно обнаружить общее и особенное. Некоторые из этих учений имеют такой уровень концептуального оформления, что вполне могут оцениваться даже как доктрина. Но даже в таком качестве ни одно религиозного характера учение о происхождении государства и права не получило всеобщего признания. В пространстве и во времени ни одно такое учение не утвердилось в качестве абсолютно истинной доктрины, если даже на продолжении значительного времени оно упорно претендует на то.

Общим для всех религиозного характера взглядов на происхождение государства и права являются некоторые исходные посылы: теоцентрическая направленность, обоожествление личности политического лидера, религиозный характер ключевых принципов и норм, направленных на регулирование поведения определенного круга лиц; требование, не сомневаясь, верить в истинность этих принципов и норм.

Вместе с тем каждое религиозного характера учение о происхождении государства и права имеет особенности различия

в деталях: в символе веры, в обозначении Первобожества, в объяснении его взаимоотношений с верховными правителями, религиозной и светской властью, населением в целом. Немаловажное значение имеет языковое оформление текстов предписаний правовых систем.

Особенности учений о божественном происхождении государства и права, взятые в отдельности и в совокупности, не позволяют отождествлять их, создают сложности на пути объединения их в одно целостное и завершенное учение. Вместе с тем то общее, что присуще им, открывает возможность вести о теологической теории происхождения государства и права, разумеется, с известными условностями и допущениями.

Важнейшая особенность теологической теории происхождения государства и права – теоцентризм и теократизм. Последовательное развитие любого религиозного учения на происхождение государства и права ведет к идее политического боговластия, которая предполагает институционализацию публичных структур властвования в устойчивые образования, похожие на государственные учреждения, а иногда и в само государство. Но это в теории. На практике это удается не всегда.

В результате, несмотря на теоцентризм и теократическую направленность религиозных учений о происхождении государства и права и об их дальнейшем развитии, на деле формируются системы, которые могут быть обозначены как теократия, цезаропапизм и иерократия. Если при теократии духовенство формально (а нередко и фактически) управляет государством, то при цезаропапизме правитель не допускает самостоятельной власти священников (церкви) и подчиняет ее себе, а при иерократии духовенство обладает определенной самостоятельностью.

Как должен вести себя по отношению к теологической теории происхождения государства и права тот, кто претендует на статус объективного исследователя – ученого? Развенчать эту теорию как несостоятельную? Или прославить ее как могущественное учение, в полном объеме объясняющее не только возникновение го-

сударства и права, а и развитие их? Степень религиозности населения, взятого в мировом масштабе и в разрезе отдельных национальных суверенных государств, остается достаточно высокой. Но значительна и доля атеистов, а также просто неверующих. В этой связи отношение к теологической теории происхождения государства и права неоднозначное. Одни считают ее верной, другие – нет. И первые, и вторые в обосновании своей позиции приводят доводы, ориентируясь на то, что, с их точки зрения, имеет решающее доказательственное значение. Если не уходить полностью в область фантазии, то никто из них не может освободиться от того, что образует область мифов, что относится к артефактам, религиозным текстам. Большое значение для понимания сути этой теории, ее содержания, характера, назначения имеют произведения теологов (богословов), философов, ученых, специалистов.

Теологи большее внимание уделяют происхождению закона божьего, божественного права. Происхождение и существование светского государства и права они часто увязывают с образованием религиозной организации, главой которой в зависимости от особенностей религиозной конфессии признается определенный лидер, который священными узами связан с первопричиной всего – Всевышним. Он же опять же в зависимости от конфессии и составляющих ее людей может именоваться по-разному. Например, Великий дух, Ра, Ахура Мазда, Зерван, Тангре, Яхве, Один, Бог, Аллах.

Атеист или просто неверующий может оставить обозначенную теорию без внимания. Нельзя же всерьез рассматривать вопрос о происхождении государства и права, как и, впрочем, других явлений и процессов, которые обусловлены божьей волей, божьим промыслом, если для атеиста или неверующего Бога нет или, по меньшей мере, существование его весьма сомнительно. В этой связи те авторы, которые симпатизируют атеистам и неверующим теологическую теорию происхождения государства и права в учебники и учебные пособия по курсу теории государства и права или права и государства не включают. Другие

же подобные им авторы, если и включают эту теорию в те или иные дидактические пособия, освещают ее поверхностно, безапелляционно относя к разряду ненаучных, следовательно, вредных теорий. В Союзе ССР, где атеизм достиг апогея, теологическая теория происхождения государства и права признавалась не соответствующей марксизму-ленинизму как научному учению о развитии человека и общества. А это же учение считалось единственно верным, а потому непобедимым. И его должен был знать всякий, кто считает себя просвещенным человеком. Более того, ему же он был обязан неукоснительно следовать в своей повседневной жизни. По существу, в Союзе ССР марксизм-ленинизм был светской религией.

Нередко происхождение государства и права объясняется, понимая государство и право весьма абстрактно. В этом случае не учитывается то, что реальные государственно-правовые системы – это одно, а государство и право как понятия – другое. И совсем иное государство и право как идея.

Реальные государства и правовые системы, будучи взаимосвязанными, появляются и исчезают. Исчезают даже те государственно-правовые системы, которые претендовали на вечное существование. Случается, что они, перестав существовать в одно время, в другое время возрождаются. Известны и случаи, когда государства не стало, а право, которым оно руководствовалось, продолжает существовать и действовать, благодаря подвижничеству тех, кто остался верен этому праву.

Как понятия же государство и право – результат мыслительной деятельности. В этом отношении они служат инструментом интеллектуального познания. Идеализированные же государство и право, – государство как Царство Божие, а право как Слово Бога, – для верующих людей, к какой бы религиозной конфессии они не принадлежали, служат нравственной, морально-психологической опорой в жизни и в повседневной деятельности. В таком качестве они позволяют в духовном отношении удерживать отдельного человека, группы (страты) и массы в определенных рамках приличия, свойственного цивилизованному

и культурному обществу и его государственности. Несмотря на мистический антураж религиозным учениям о происхождении государства и права, особенно тем, что развиваются в рамках христианства и Ислама, присущи гуманистические начала. И это делает такие учения привлекательными, хотя ученый мир и считает их ненаучными.

Следовательно, теологическая теория происхождения государства и права, данная в различных версиях в зависимости

от исторической обстановки, вызовов времен, требует внимания и анализа. Вдумчивый исследователь, для которого истина превыше всего, может извлечь много пользы, если изберет путь, поставив себе целью понять суть, содержание, формы и проявления этой теории для решения теоретически и практически значимых задач в условиях современности, веря, надеясь, любя, не отрываясь вместе с тем от реалий действительности.

Список литературы

1. Абдул А.Л. Основы Ислама / пер. Шейх И. Мухаммада, 2001. – 182 с.
2. Бернард Дж. Вайсс. Дух мусульманского права / Пер. с англ. М. – СПб. : Издательство «ДИЛЯ», 2008. – 320 с.
3. Галютдин И. Ислам против террора. Казань, 2005. - 27 с.
4. Луконин В.Г. Культура Сасанидского Ирана, М., 1969. – 244 с.
5. Каутский К. Происхождение христианства: Пер. с нем. М.: Политиздат, 1990. – 463 с.
6. Кучер О.Н. Семотюк О.П. Ислам. Ростов н/Д «Феникс», Харьков: «Торсинг», 2004. – 288 с.
7. Маркс К. и Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Соч. Т.20. – 858 с.
8. Папаян Р.А. Христианские корни современного права. М.: Издательство НОРМА, 2002. – 416 с.
9. Попов В.В. Выдающийся деятель исламского мира профессор Экмеледдин Ихсаноглу (Генеральный секретарь Организации Исламская Конференция). Москва – Нижний Новгород: ИД «Медина», 2010. – 320 с.
10. Самигуллин В.К. Ислам и право: опыт постижения. – Уфа, 2006. – 240 с.
11. Самигуллин В.К. Восток: мозаика правовых традиций. – М.: Монография, 2021. – 208 с.
12. Самигуллин В.К. Правовые новеллы. – Уфа, 2021. – 168 с.
13. Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право. – М.: Наука, 1986. – 256 с.

References

1. Abdul A.L. Osnovy Islama / per. Shejh I. Muhammada, 2001. – 182 s.
2. Bernard Dzh. Vajss. Duh musul'manskogo prava / Per. s angl. M. – SPb. : Izdatel'stvo «DILYA», 2008. – 320 s.
3. Galyautdin I. Islam protiv terrora. Kazan', 2005. - 27 s.
4. Lukonin V. G. Kul'tura Sasanidskogo Irana, M., 1969. – 244 s.
5. Kautskij K. Proiskhozhdenie hristianstva: Per. s nem. M.: Politizdat, 1990. – 463 s.
6. Kucher O.N. Semotyuk O.P. Islam. Rostov n/D «Feniks», Har'kov: «Torsing», 2004. – 288 s.
7. Marks K. i Engel's F. Anti-Dyuring. Soch. T.20. – 858 s.
8. Papayan R.A. Hristianskie korni sovremennogo prava. M.: Izdatel'stvo NORMA, 2002. – 416 s.
9. Popov V.V. Vydayushchijsya deyatel' islamskogo mira professor Ekmeleddin Ihsanoglu (General'nyj sekretar' Organizacii Islamskaya Konferenciya). Moskva – Nizhnij Novgorod: ID «Medina», 2010. – 320 s.
10. Samigullin V.K. Islam i pravo: opyt postizheniya. – Ufa, 2006. – 240 s.
11. Samigullin V.K. Vostok: mozaika pravovyh tradicij. – M.: Monografiya, 2021. – 208 s.
12. Samigullin V.K. Pravovye novelty. – Ufa, 2021. – 168 s.
13. Syukiyajnen L.R. Musul'manskoe pravo. – M.: Nauka, 1986. – 256 s.

Информация об авторе (авторах): Самигуллин Венир Калимуллович, профессор кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России (450103, Россия, Уфа, ул. Муксинова, 2), доктор юридических наук, профессор.

Information about the author(s): Samigullin Venir Kalimullovich, professor at the Department of Constitutional Law of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (450103, Russia, Ufa, Muksinova St., 2), Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 12.07.2024; одобрена после рецензирования 02.08.2024; принята к публикации 25.09.2024.

The article was submitted to the editorial office of the 12.07.2024; approved after 02.08.2024 review; accepted for publication 25.09.2024.

УДК 348.02

DOI: 10.70569/2949-5725.2024.4.3.002

Религиозные нормы: их сущность, характер и значение в системе социальных отношений

Б.З. Маликов*Уфимский юридический институт МВД России,**Уфа, Российская Федерация**malikov_bz@mail.ru*

Аннотация. Автор настоящего материала отражает свой взгляд на проблемы теории права и положения ряда отраслевых научных исследований, ставящих в один ряд по юридическому (нормативному), социальному, научному и культурологическому значению нормы позитивного обычного и официального общего и отраслевого права, с одной стороны, а также нормативные религиозно-церковные установления, – с другой стороны. Научная дискуссия по этим сложным мировоззренческим аспектам и положениям теории права, политологии, философии, онтологии, социологии имеет актуальное значение и практический смысл. Ведь сейчас делаются не только попытки сблизить значение знаний в социуме науки и религии, но и уравнивать ряд юридических понятий и достижений в науке теории права с положениями религиозно-церковных (богословных) учений и нормативности. Тогда как современная наука о государстве и праве отмечает, что мировые правовые системы исторически, как религиозная нормативность, выстраивались на основе базовых норм обычного права и диалектики жизненной практики, порой принимая навязанные религиозные взгляды и церковные методы жизненной организации, и не редко противодействуя им на основе знаний науки, особенно в сфере регулирования общественных отношений. Автор материала не стремился оценивать значение религиозных норм и их определенность в конкретных источниках, а лишь затронул сущность их нормативной и целевой определенности, форму выражения с позиции требований, предъявляемых к социальной нормативности и в частности к нормам права.

Ключевые слова: социология, социальные нормы, право, нормативность, источники права, религия и её нормативность, религиозно-церковная идеология и власть, церковно-религиозная информация, научные знания.

Для цитирования: Маликов Б.З. Религиозные нормы: их сущность, характер и значение в системе социальных отношений // Право и государственность. 2024. № 3 (4). С. 21–34.

Religious norms: their essence, nature, and meaning in the system of social relations

B.Z. Malikov*Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,**Ufa, Russian Federation**malikov_bz@mail.ru*

Abstract: The author of this material reflects his view on the problems of the theory of law and the provisions of a number of branch scientific studies, which put on a par in legal (normative), social, scientific and cultural significance the norms of positive customary and official common and sectoral law, on the one hand, as well as normative religious and church regulations, on the other hand. Scientific discussion on these complex ideological aspects and provisions of the theory of law, political science, philosophy, ontology, sociology has a topical significance and practical meaning. After all, now attempts are being made not only to bring together the importance of knowledge in the society of science and religion, but also to equate a number of legal concepts and achievements in the science of the theory of law with the provisions of religious-ecclesiastical (theological) teachings and normativity. At the same time, the modern science of state and law notes that world legal systems have historically been built on the basis of the basic norms of customary law and the dialectics of life practice, sometimes accepting imposed religious views and church methods of life organization, and often opposing them on the basis of scientific knowledge, especially in the field of regulation of social relations. The author of the material did not seek to assess the meaning of religious norms and their definiteness in specific sources, but only touched upon the essence of their normative and target definiteness, the form of expressions from the standpoint of the requirements for social normativity and, in particular, for the norms of law.

Keywords: sociology, social norms, law, normativity, sources of law, religion and its normativity, religious-church ideology and power, church-religious information, scientific knowledge.

For citation: Malikov B.Z. Religious norms: their essence, nature, and meaning in the system of social relations // Law and statehood. 2024. № 3 (4). P. 21–34.

Человечество и его форма социального бытия в планетарном масштабе во все периоды истории действия объективных факторов несли и несут в себе, колоссальный позитив и негатив их проявлений, что порождало постоянные наслоения противоречий, которые на протяжении многих тысячелетий сопутствуют ему, оставаясь в своей основе не полностью разрешенными. В этой связи до настоящего времени остаются риторическими вечные три вопроса: 1. Так на что же обрекло себя человечество, вынужденное формировать и обустраивать на планете Земля социальное пространство с наличием общих правил для себя, не приведенных под единый знаменатель, разнообразие видов ответственности? 2. Помогали ли ему, как человеку и личности, выжить и состояться в качестве социально активной единицы, высшие силы через форматы религии и церковности? 3. Какова роль религии и церкви, религиозного мировоззрения, религиозно-церковной идеологии, церковной нормативности в становлении социального пространства и институтов общества?

Современная философия и теория права дают на них пока не совсем вполне исчерпывающие и определенные ответы. В них кроются философские научные оценки и мировоззренческие подходы к пониманию и объяснению сущности человека, его бытия и роли его в нем, а также делается особый акцент на объективной востребованности нормативной формы упорядочивания взаимодействий людей. Как мы полагаем, вопреки позиции социолога и философа Ф. Хайека о предпочтительности в социуме проявлений спонтанности, как основной формы социальной саморегуляции и оптимизации общественных отношений, именно нормативность, способствует человечеству иметь и сохранять предсказуемое социальное пространство, а человеку на основании таковой избирать не правонарушающее поведение, а значить быть в нем позитивным индивидом.

Что касается вопроса присутствия и участия в делах человека на планете Земля высших сил, то наука отрицает наличие такого проведения, как, лишённых доказательств реальности и объективности своих проявлений.

Сама же наука пока еще находится в начале пути познания природы происхождения человека, получения более определенной оценки о его сущности, физических, интеллектуальных и духовных способностей и пределов, а также всего спектра социальных возможностей, форм взаимодействия людей на основе представлений и идей о всеобщем благе, равенстве и неравенстве. Не уходят из её поля зрения вопросы этичности и допустимости эгоистичных устремлений к материальным благам и властным «высотам» при скудности личных духовных начал и культуры в сфере потребления меньшинства «богатых» лиц, а также «выживания» в условиях вынужденной материальной сдержанности и бедности значительной части социума людей с доходами менее среднего уровня (проблемы бедности и чрезвычайной «сытости», «неограниченности прав» и бесправия, беспредела власти и незащитности, разумности в действиях и необузданности в поведении, культуры и вредоносности, созидания и истребления, добра и зла). Отмеченные обстоятельства и явления в механизмах социума пока не позволяют утверждать об определяющей роли в нем отношений, выстроенных на принципах добра и исключительно позитивной «солидарности». Поэтому для человека и социума требуется наличие четких правовых ориентиров на добропорядочность, регуляторов правомерного поведения и ответственности за правонарушения.

Природа человека является в своей основе биологической, но человек не был бы человеком, если бы он, не имел бы в ней нечто, что не только его отделило от остального живого мира, позволило ему занять особое место в нем благодаря созданию им самим благодатной формы социального бытия. Ведь биология интеллекта и разума наделили его исключительными и неординарными в живом мире способностями и поведенческими особенностями, превращая его из ординарного природного обитателя в социального индивида, творца и созидателя. Главная в биологии человека генетическая особенность заключается не столько в обеспечении репродукционной своей функции, а сколько в способности ак-

тивизировать и приумножить жизненный ресурс организма и духовных сил. На этой основе специально развитой своей биологии, – высоко организованного интеллекта и многофункционального в физическом смысле организма и тела в целом человек стал обеспечивать сбережение прежнего жизненного опыта и использовать его, стремиться к накоплению знаний и получению новой информации, обогащать жизнь научными знаниями и достижениями, активно участвовать и в приумножении материальных и духовных творений. Для этого человек обязан был научиться взаимодействовать вне своей семьи и вне круга бытовых обязанностей, выходить на уровень постоянных, обширных по своему разнообразию взаимодействий, формируя устойчивые общественные отношения в сферах сначала общезначимого объединения сил и умений, а затем в областях формирования производительного труда, выполнения обязанностей и повинностей во имя общего блага. Эти особенности широкого спектра человеческих способностей и талантов были на протяжении тысячелетий вплетены в трудный и противоречивый процесс формирования социума и личности человека, как двух фундаментальных составляющих основ развития человечества и превращения человека в главную функциональную социальную единицу.

Возвращаясь к нашим основным постановочным вопросам еще раз более четко отметим, что процесс выхода человека из состояния «дикости» в цивилизованное общество шел естественным образом, но на основе поступательного преобразования условий жизни, накопления знаний и опыта, наращивания экономического потенциала в опоре на достижения науки и величайших затрат сил человечества, больших жертв и нередко за счет неоправданных людских и материальных потерь. По оценкам антропологов, биологов, ботаников, экологов, метеорологов, физиков, химиков, онтологов, философов, историков изначально планетарное земное обитание для жизни первых людей оказалось весьма «неприветливым», достаточно суровым и даже угрожающим. Оно устрашающе «приняло» реальное ничем не защи-

щенное естество человека. Для устройства и приспособления человека в открытой природной среде без наличия, как у диких животных естественных значимых физических сил, средств защиты и нападения, без биологической и физической специфичности организма принимать в качестве пищи сырую и не обработанную природную «еду», он выступил в единоборство за жизнь с самой природой и окружающей средой.

Кроме того, человек, встраивая себя в неведомые условия природы обитания, долго был не способен оценить планетарные, атмосферные и космические явления: землетрясение, действие вулканов, цунами, грозовой энергии, затмения солнца и луны, движение комет, падение «небесных» тел, бездну лазурного неба и загадочную пространственность мерцающих звезд на ночном небосводе и др. Все это будоражило его воображение, психику и поведение, а также заставляло искать ответы на возникающие проблемы и вопросы, а также вырабатывать защитные механизмы, адекватные психологические и иные компенсаторы.

В такой ситуации фатального страха и сложностей выживания людей в планетарном масштабе человечеству приходилось разными способами бороться за свою жизнь, приспособляться к естественным вызовам, как единолично, так и объединяя усилия в группах. В силу биологического естества человек объективно был вынужден не только взаимодействовать с себе подобными особями, но и обречен к коллективному образу жизни. Недостаточность знаний, опыта, практик, сил и страхи перед опасностями окружающей среды и природы заставляли его также искать психологические формы и инструменты сбережения внутренних сил, формировать религиозные защитные «зонтики» и церковные «прибежища», находить объяснения явлениям природы и бытия в легендах о действиях высших Божественных сил в проявлениях их жизни, судьбе и природе, прибегать к поиску способов связи с ними через прямое обращение к ним, через жрецов, шаманов и иных культово-обрядовых деятелей. От упрощенных форм и видов религиозных представлений, верований, действий индивидов и малых групп религиозность

вырастала в масштабные религиозные объединения с церковно-властной основой организации. Религиозность, как своеобразная идеалистическая система и совокупность не научных знаний, отражавших опыт становления верований, традиций, взаимодействия верующих лиц на основе сложившейся религиозной практики религиозных учреждений (управления, осуществления религиозных дел), на протяжении не одного тысячелетия внедрения в повседневную обыденность людей, в социальную и государственную их организацию, стало более масштабным, внешне объективно определенным, структурно, организационно и содержательно более оформленным.

Деятельность религиозных мыслителей сформировала текстовое, сложное и обширное информационное освещение религиозных знаний, неся в себе значительный опыт, формируя свое учение в соответствии с изменением самой динамики жизни, накапливая особые черты духовной внутренней культуры, обрядности, нормативности, яркого внешнего колорита таинств, властного влияния, божественной и земной возвышенности в архитектуре церковных строений, художествах, скульптурных формах, риторике, музыке, песнопениях, облачениях и др. Однако, все это не меняло идеалистической, мифологической сущности и содержания их «учений» и верований, а также властного предназначения Церкви. Эти труды и их результаты лишь отражали своеобразие религиозной философии и миропонимания, в котором человек и его жизнь не признавались обыденной реальностью, конкретной и значимой сущностью. Поэтому тысячелетние творения мудрых богословов, религиозных деятелей, создателей религиозно-церковной монументальности и культуры, лишь несли и несут в себе отражение и проявление великих достижений народа, социума и отчасти науки, а в самих их творениях не позволяли усмотреть каких-либо научных результатов, а в механизмах процедур нормативности и практик применения таковой, – наличия использования юридических средств и форм. С другой стороны, на примере анализа современной нормативности Ислама отдельные исследователи отмечают

в её содержании наличие совмещения двух подходов: а) сохранения традиционной мусульманской нормативности, отраженной в основных религиозных источниках Ислама; б) реализации «современных взглядов на право и социально-нормативного регулирования в целом» [1, с. 80]. Совмещение религиозной и юридической нормативности имело место еще во времена античности и проявилось в Индуизме и Иудаизме. Это является свидетельством того, что фундаментальность религиозных идей оказывается недостаточной для целей непосредственного идейно-нормативного воздействия на общественные отношения в религиозном мире. Для этого возникает необходимость прибегать к использованию и юридических форм в государствах с сильными и устойчивыми религиозными традициями.

Отмечая особенность не научной специфики религиозно-церковных знаний и нормативности, а также основанной на них церковной деятельности и результатов таковой, можно упомянуть о наличии оценочного тезиса о сущности и социальной ценности науки М. Вебера в интерпретации А.Б. Гофмана. «В отличие от таких нормативных сфер, как религия, мораль или право, наука прежде всего говорит и должна говорить нам не о должном, а о сущем, не о том, что должно быть, а о том, что есть и почему. Иначе она изменяет самой себе, своему истинному предназначению и не может именоваться наукой. Выдавая себя за науку, но не являясь ею в действительности, она оказывается не только научно, но и этически несостоятельной» [2, с. 112]. Полагаем, что эта оценка, в настоящее время весьма актуальна в связи с тем, что сейчас делаются попытки подмены понятий и переоценок сущности видов не научной деятельности под формат и образцы науки в сфере религии, религиоведения, церковно-идеологического творчества. На первый и не достаточно просвещенный взгляд может показаться, что на протяжении не одного тысячелетия творения в мировом масштабе по религиозной проблематике такие, как памятники культуры, создавались только в интересах Веры и верующих лиц, социума, разными способами за счет

верующих лиц, социума и государства. Однако, это не совсем так. Через формат религии и церковной деятельности утвердились церковно-религиозная сознание, нормативность, духовность, психология, идеология и церковная власть. Вся сопутствующая религиозная атрибутика имела своей целью сформировать, постоянно символизировать и отражать религиозную и социальную культуру своего времени, нести в себе дух и требования особого рода религиозно-культурного поведения и церковно-обрядовой деятельности на постоянной основе, утверждению значимости религиозно-церковной властной элиты и службы, со своими приходами и прихожанами, объединенных на основе единой Веры, сформированных на философско-религиозных идеях различных теологических оценках и богословной мудрости.

Религиозность, богословность и церковная деятельность совершенствовались в процессе становления самого социума и государственности из естественной потребности человека в необходимости упорядочивания жизненного обыденного взаимодействия с себе подобными, как одна из первых проявлений организованных форм, способных в дальнейшем наряду с государством, либо самостоятельно, либо подменяя или дублируя отдельные его функции или иных организационных форматов и структур, формировать сам социум. Их основной целью было стремление влиять на социальные процессы в сферах этики, эстетики, культуры, нормативности, а также осуществлять официально значимые процедуры, не охваченные или недостаточно обеспечиваемые в рамках содержания государственной деятельности или же при отсутствии должных институтов в самом социуме [3].

Религиозная жизнь утверждалась в социуме посредством формирования рели-

гиозных органов управления, накопления и распространения религиозных знаний, утверждения религиозных верований и традиций в жизни социума, обучения церковной деятельности и передачи опыта ее осуществления новым поколениям служителей церковного дела, поддержания всей церковной системы религиозного взаимодействия с верующими лицами. Церковная деятельность на основе своей религиозной идеи перевоплощалась в первый мощный идеолого-властный механизм. Это позволило мировым религиям, – христианству и исламу, достичь впервые в практике человечества небывалых ранее результатов влияния в социуме, тесня официальную власть, а порой подменяя её. Отмеченные мировые религии и их церковная деятельность стали первыми проявлениями и формами социальной глобализации¹. Они утвердились на основе религиозного мировоззрения, идеалистического по своей сущности, а также активного действия идеологического церковно-властного инструментария на массы, своеобразной религиозной культуры, накопленного массива не научных знаний (теология, религиоведение²), основанных на мифологии и вымышленных идеях, либо знаний, заимствованных из обыденной жизни и переформатированных в религиозных текстах в своих интересах. Главное религиозное откровение, – «мир человека и он сам, – божественное или иное сверхестественное творение. Он – не познаваем и не изменяемый по естественным законам и социальным проявлениям, а человек в нем, – раб высших сил». Данный религиозный посыл по своей социальной сущности не конструктивен, а по характеру реалит религиозного закрепощения сознания личности, – консервативен. Он не позволял и не позволяет человеку осознавать себя деятельным и активным создателем. Поэтому, отмечая великие заслуги уче-

¹ Второй формой и вторым уровнем социальной глобализации после утверждения мировых религий и продвижения их по континентам можно считать переформатирование Мира на основе социалистической идеи и практики после Октября 1917 г. в Советской России и СССР, в Китае, Вьетнаме, Северной Корее. Социалистический вектор социальной глобализации заставил по-новому оценить значение социальных сил и их потенциалы, роль человека в них, религии, как своеобразного социального вектора и культуры, а также церковной власти.

² В нашем понимании ни философия религии, ни её формы: теология и религиоведение, – не ставят перед собой цели дать оценку сущности религиозным знаниям с позиции научной методологии и учета значения категорий, понятий и законов диалектики. Богословные тексты характеризуют религиозные знания, как «посланные» верующим. Религиозная нормативность также является частью таких знаний, но она привносит определенные сложности в понимание её сущности и значения в структуре социальной нормативности.

ных философов и социологов Буржуа Л., Дюркгейма Э., Хайека Ф.А., создавших основу теории социологии, следует обратить внимание на те аспекты теории, на которых они особо сосредотачивали свое внимание, таких свойствах социальных явлений и связей, как «солидарность», «спонтанность», «нормативность», «религия», отражая уровень развития социума и науки своего времени. Они теоретически оценивали их смысл и значение, как основных, а порой и определяющих проявлений в системе социальных концептуальных оценок. Гиперболизация их значения постепенно уводила исследователей, на наш взгляд, от должного учета наличия и действия других актуальных, а порой значимых и противоречивых проявлений в социуме, а также в его отдельных составных структурных элементах, а также и самом индивиде. Например, Дюркгейм Э., характеризуя религию, как социальное явление, отмечал: «...религия – это целостная система верований и практик, которые относятся к сакральным, то есть отделенным и запрещенным, вещам и объединяют в одно моральное сообщество, называемое Церковью, всех тех, кто привержен этим верованиям и практикам. Вторая часть, ...понятие религии неотделимо от понятия Церкви, ... религия – явление по существу своему коллективное» [7, с. 19, 20], а то, что религия и деятельность церкви в своем единстве представляют мощный идеологический механизм, не определял.

У современных социологов и политологов также можно наблюдать в оценочных суждениях лишь учет действия внутренних противоречий явлений, ослабляющих и даже разрушающих социальную систему путем «самоликвидации», либо стремление к полному одобрению оценок, сделанных социологами в период еще начала формирования этой науки. На примере СССР, выделяли «слабое звено», которое и привело к его распаду, – «прочность социальной солидарности». В оценках причин «самоликвидации» СССР у современных исследователей нельзя не отметить предвзятость в оценках и ограниченность в полноте и всесторонности взгляда на мировые социальные процессы и в частности в Европе и России в конце 19 и начала

20 веков. Что касается социально-политической ситуации в РСФСР, а затем СССР, то следует иметь в виду, что изначально еще не окрепшие экономически, политически, социально, как новые неординарные социальные системы, бросившие смелый вызов традиционной, «спонтанно» развивающейся, а по сути грабительской капиталистической системе, с первых дней своего существования столкнулись с мощным комплексным сильным в военном отношении и экономически агрессивным «солидарным» внешним давлением, нацеленным на уничтожение Советской России и СССР. Развал СССР был запрограммированной стратегией ряда государств Европы и США [4, с. 195, 196].

Вопрос религии в истории России был всегда актуальным в силу того, что христианство пришло к народам ещё не состоявшегося государства на полудобровольной основе и получило оно свое выражение в основном в форме государственной религии, – Православия в X веке. У Ислама на землях будущей России в период VII-VIII веков складывалась своя «биография» в социуме еще раздробленной Руси. Крещение Руси шло более активно, а «приход» Ислама на территории и земли Руси осуществлялся через Кавказ путем военного захвата территорий вместе с соответствующими этносами, которые сами ещё только начали формировать свою культуру мусульман. С Кавказского региона Ислам стал проникать на территории Поволжья, Урала и Сибири.

Феномен религии, церковности и многообразия религиозного мировоззрения будет актуален еще не одно столетие или тысячелетие, как предмет исследования для философов, социологов, правоведов, психологов, политологов и политиков. Ведь это противоречивое явление имеет свое историческое социальное предназначение. Одним из главных его противоречий является то, что человек через религиозное мировоззрение признан не способным адекватно оценивать себя, потенциал своих сил, а видеть в себе только «подневольное» естество, склонное принимать за истину иллюзорное могущество, власть и владычество Высших сил, считать мировоззрение и образ мышления, основанных на Вере, лишавшей воз-

возможности её внешней критической оценки, единственно верной интерпретацией всего и вся, превращали верующих лиц в последовательных исполнителей «прописанной воли и нормативности, адресованной ему из вне». Такое безоговорочное принятие Веры, кроме учения Буддизма, исключает возможность человеку более всесторонне осмысливать свое бытие и свою роль в нём. Как правило, религия и церковность, прочно связывает личность верующего с религиозной жизнью, а порой и зомбировало его. История воплощения религиозных идей, осуществляемых посредством церковной деятельности и воздействия на верующих знает и негативные стороны такого проявления.

Через два тысячелетия после начала утверждения мировых религий человечество на основе научных знаний обеспечило себе высокий технический и технологический прогресс, что определило поступательное и устойчивое развитие самих условий его жизни и социума в целом. Процесс накопления знаний шел и идет преимущественно в опоре на достижения науки. Дюркгейм Э. отмечал, что «... именно наука, а не религия научила людей тому, что вещи сложны и понять их непросто» [7, с. 90]. Авангардная роль науки в социуме позволяла более реально оценивать и постигать объективные реалии, а человека воспринимать и продвигать в качестве единственного ответственного одушевленного субъекта активной жизни и творца. Тем самым, наука своими знаниями и открытиями закономерно заужала значимость религии в социуме.

Следует отметить, что религиозная форма и методология оценки жизни не полностью лишена признания и отрицания объективной реальности и, основанной на ней социальной действительности. Она стала формировать и соответствующие способы организации религиозной жизни верующих лиц, что находило соответствующее отражение в канонах, нормах и культуре с учетом обыденных правил и представлений. Как было отмечено выше, религиозность была соответствующей «защитной реакцией» людей и первой «социальной оболочкой» при отсутствии необходимых знаний, объясняющих его «мир, бытие, нача-

ло жизни и ей окончание». Она сделала возможным появление ритуалов поклонения и богослужения, создания соответствующих церковных служб и религиозно-церковных систем, оценочных форматов эстетики, этики, элементарной культуры и ответственности. Религиозно-церковная практика включила в свое содержание богатый опыт жизни, людей, по-другому и быть не могло, стремясь создать и использовать в своих интересах зачатки организации образования, культуры и будущих университетских начал, аккумуляции и распространения общезначимых знаний, и их применения на практике. В этом проявился определённый исторический универсализм церковных учреждений при отсутствии в социуме учреждений образования, культуры и системного поиска новых знаний [4, с. 159, 160].

В настоящее время в период технического, технологического и информационного прогресса, значимых достижений науки и культуры в социуме, религиозный формат жизни и власти сохраняет свое влияние на дела человечества. Религиозная жизнь за тысячелетие своего продвижения прочно объективировала себя именно церковной и иной организационно-социальной деятельностью. В социальных сетях приводятся цифры принадлежности жителей всех континентов к той или иной религии. Из 8 млрд предполагается 6 млрд людей связывают свою жизнь с религиозностью или признают религиозные традиции значимыми в своей жизни. Игнорируют религиозность 1,2 млрд человек. Показатели эти весьма условные и относительные. В религиозной сфере можно отмечать лишь явно проявляющиеся тенденции: 1) характер воздействия религиозных норм, правил, принципов; 2) значимость ритуалов; 3) степень религиозной консолидации, солидарности и стремлений принести себя в жертву за «веру»; 4) значимость канонической ответственности; 5) наличие механизмов вовлечения с момента рождения детей в религиозное сообщество и удержание в нем верующих до окончания жизни и погребения.

Научные исследования антропологов и социологов прошлого и настоящего после работ социолога Дюркгейма Э. близко подошли к оценке и пониманию на уровне

социальной науки формулирования понятия религия. Об этом есть свидетельства отдельных попыток вычленения признаков такого определения. В трудах К. Гирца (1973 г.), отмечается, что под религией понимается: «система символов, которая способствует возникновению у людей сильных, всеобъемлющих и устойчивых настроений и мотиваций, формируя представления об общем порядке бытия и придавая этим представлениям ореол действительности таким образом, что эти настроения и мотивации кажутся единственно реальными» [5]. В настоящем определении от имени науки отмечается, что религия – это восприятие не обстоятельств бытия, а результат воздействия символов, способных создавать иллюзии включенности верующих лиц в сферу Божественного либо иного проявления, имеющего место быть в реальной действительности, дающих им непосредственно силы и мотивацию для реализации себя в жизни. Тем самым, религия, если её более определенно характеризовать, как часть реальной социальной действительности, является одним из видов идеалистического мировоззрения, отражающего систему взглядов, оценок и нормативов, обличенных в специфическую оболочку «неопровержимой веры», заданных представлений. Таковые способны формировать должные запрограммированные идейные, духовные, нравственные и обыденные представления для формирования конкретного поведения. Данное мировоззренческое построение, являясь идейно-иллюзорным представлением, воздействуя на верующих лиц, форматирует их сознание и поведение людей. Тем самым, в религии не объективность сущего отражается, а, используется метод воздействия для достижения целей: а) реализации церковной власти; б) выстраивания запрограммированного поведения. Сопутствующими позитивными ценностями не абсолютно религиозного свойства являются состояния и виды деятельности: а) образование; б) культура; в) этика, г) эстетика; д) нормативность; е) прообраз деятельности социальных институтов.

В содержательной части религиозных идей заложен формат деформаций должного восприятия всего реального до уровня

представлений в варианте той или иной Веры. Психологически такая трансформация на уровне человека происходит через систему ощущений и эмоций, возникающих в процессах «постижения» религиозной веры, выполнения религиозных смысловых символов, ритуалов и действий, – всего того, что должно порождать чувство «реальности», воображаемых, проецируемых обстоятельств, в которые «погружается» верующее лицо. Религиозно-церковные форматы призваны оказывать мощное эмоциональное, психологическое воздействия на психику и сознание верующих лиц.

Основоположник науки социологии Дюркгейм Э. не мог обойти проблему роли религии в механизме формирования социума, особенно на фоне бурного развития науки. Тем не менее, его исследования по данной проблематике были проведены в период до второй по значению и планетарным социально-гуманитарным изменениям, последовавшим в пределах двух, полутора тысяч лет после продвижения мировых религий. Таким глобальным социальным и бесповоротным мировым событием стала практическая реализация в России и в ряде других стран осуществление социалистических преобразований общества. Коренному изменению было подвергнуто содержание социальных отношений, в которых по-новому была обозначена роль личности, общества и самого социалистического государства. В этой связи в социальном пространстве появились новые значимые для развития и повышения активности человека институты, которые наполняли жизнь широких народных масс здоровым оптимизмом. Более того, Дюркгейм Э. в своих исследованиях идей «о коллективном сознании, т.е. коллективных убеждениях и связанных с ними нравственных отношениях», социального и индивидуального, а также во взглядах на религиозно-церковную деятельность, не мог учитывать, «разрывающих» его теорию на противоречивые части, и привносящий в социальную реальность негативы «нацистских» взглядов об «исключительности» отдельных наций, и реализации целей тотального геноцида. На основе этой теории было стремительно и не ожидаемо

осуществлено негативное переформатирование коллективного сознания и коллективной воли, захватнической и смертоносной «солидарности» социума, проявленных в фашистской Германией и милитаристских устремлений стран Западной Европы и Японии. В ходе Второй мировой войны были вовлечены широкие массы обычных и верующих людей в истребительные и бесчеловечные процессы геноцида, зверских убийств и насилия. Данный негатив социума показал то, что никак не укладывается в его теорию социального позитива, социальных практик, верований. Тяжкое военное преступление государственного уровня, – варварское воздействие на незащищенных преимущественно мирных граждан: детей, женщин, стариков, больных и инвалидов, жителей городов Хиросима (380 тыс. чел.) и Нагасаки (263 тыс. чел.) в августе 1945 г., было осуществлено вооруженными силами США в целях устрашения всего человечества наличием у себя ядерного оружия массового поражения. Создание ядерного оружия и его применение, что не успел осуществить нацистский режим 3 Рейха, могло привести мир на грань существования человечества. Ядерный же акт устрашения США подтверждает то обстоятельство, что социум, на уровне мирового сообщества, отдельных государств пока не поднялся до понимания необходимости отказа от применения силы и агрессии, способности к компромиссам и позитивной солидарности.

Своеобразные оценки и теоретические обобщения, касающиеся личности и социума получили отражение в работах Ницше Ф., который отрицал возможность достижения социумом должного уровня позитивной стабильной и внутренней гармонии, не видел социального позитива в религиозно-церковной деятельности, формулировал идеи развитой личности с качествами сверхчеловека.

В современном мире движение к достижению гармонии в социуме будет всегда наталкиваться на проявления проблем противоречивости самой личности человека, негативы его деятельности и ее результатов: человек как единство биологического и социального, несет в себе и проявляет во вне

качества и позитива, и негатива. Человек всегда был и остается включен в форматы деформаций социального неравенства, невежества и бескультурья, криминальной эксплуатации человека человеком, мошенничества, коррупционных отношений. Эти негативные объективные обстоятельства обязательно должны учитываться в науках об обществе и государстве, бытие, правопорядке, ответственности и религии.

За последние сто лет мир и человечество качественно достиг колоссальных результатов и нового опыта, а степень социального динамизма на основе достижений научно-технического прогресса, применения совершенных технологий практически во всех сферах жизни и деятельности человека, получения новых актуальных знаний, в разы изменили социум, наполнили жизнь новыми взглядами человека на жизнь, убеждениями, возможностями, эмоциями, страстями, вскрыли и потенциал человека, и обнажили хрупкость социальной устойчивости личности, а значит и позитивных проявлений самого социума, поставили под сомнение теорию социальной солидарности, спонтанности начал либерализма. Видимо, не должен оставаться в тени трудный и болезненный вопрос объективной и не лукавой оценки роли религии в делах социума России. Надо ли признавать наличие религиозно-церковной идеологии в социуме и как таковую учитывать в политике государства, в жизни и делах всего социума? Ведь религиозные эмоции во внешнем негативном проявлении отдельных верующих лиц, мы имеем ввиду факты экстремистского криминального поведения, есть не что иное, как некий отголосок идеологического характера конфессиональной идейности, внутренней четко не определенной солидарности верующих лиц, и готовности к определенному действию с учетом уровня их личной культуры, а также степени и характера адекватности восприятия и понимания религиозных ценностей различных конфессиональных направлений.

Отмеченные нами оценки теории социологии всего лишь констатация необходимости критического отношения к теоретическому наследию основоположников социологии, как, еще в своей концептуаль-

ной и содержательной части, пока еще не получившей полного охвата всех основных проявлений социума и отношений в нем. Мир человека и характер социальных отношений достаточно многогранен, противоречив и беспределен, что пока не получило достаточно адекватного научного отражения в теории социологии, государства и права, политологии, а значит эти знания, как цельное и систематизированное в своей основе учение пока не стоит считать завершенным.

Надо отметить, что современные исследователи теории социологии не в полной мере обстоятельно и критично оценивают результаты основоположников этой науки, легко перенося их значение в наше время по прошествии более 100-летнего периода противоречивого, а порой трагичного для народов истории XX-го и начала XXI веков.

Нами уже отмечено, что религия в современном мире способна занимать устойчивые позиции в социуме только при опоре на сильную церковность и власть Церкви. Она без механизма воспроизводства соответствующих отношений церковными учреждениями и иерархией религиозно-церковной власти была бы «истощена» до уровня упоминания её лишь в религиозных текстах, светских летописях, памятниках архитектуры и скульптурно-изобразительного творчества. Тенденция истощения процесса религиозно-церковных практик христианства наблюдается в XXI веке в странах Западной Европы и США. При этом значительно возрастает церковно-религиозной практика Ислама за счет роста этнического населения, исповедующего это направление религии. Среди мусульман сильно выражен контекст и принцип солидарности, личной ответственности за Веру. В Исламе более выражена обязательность, последовательность, определенная ритуальность и обрядность. Ее важной идеолого-религиозным компонентом и значимой традицией является Хадж в Мекку для совершения главного религиозного поклонения святыням Ислама. Эта религиозная традиция Ислама усиливает солидарность верующих лиц и укрепляет их Веру.

Сам дух религии для верующих лиц имеет значение своеобразного формата

обязательной священной нормативности для внутреннего и внешнего проявления. Однако, религиозные каноны, будучи по своей природе и характеру весьма консервативными, достаточно не всегда учитывают уровень общей культуры общества и значительной части людей, что порождает противоречия в межгрупповом поведении, основанных на религиозных традициях и современной укладности, этичности и нормативности.

Отмечая кратко, особенности двух основных мировых религий и их устойчивости в современном динамичном мире научно-технического прогресса, прорывов в сфере информации и телекоммуникаций, следует отметить, что понятие Дюркгейма Э. «религия», как социальное явление, нуждается в коренной научной оценке, но обязательно в связке с церковной деятельностью, а применительно к действительности России с учетом формата светских начал государства (ст. 14 Конституции Российской Федерации).

Достаточно значимый исследователь социальных отношений Хайек Ф.А. считал социум, саморазвивающейся и самодостаточной системой. Будучи убежденным либералом, он позиционировал себя последовательным противником внешнего вмешательства в социальные процессы, отрицал возможность социальных и социалистических экспериментов. В его оценках социальные процессы должны, «организуя ту или иную область жизнедеятельности, ...максимально опираться на спонтанные силы общества и как можно меньше прибегать к принуждению» [10, с. 21]. Религию он характеризовал, как один из видов социального проявления, но не отмечал в ней и церковной деятельности, идеологического и властного вторжения в социальные дела.

Да религия, – это часть социального проявления, возникшее в процессе становления общества и государства. Однако, социальными истоками для религиозных идей и нормативов были и остаются обыденная жизнь людей и их проблемы, что является общим и для формирования обычного права, а не наоборот, как пытаются в этом убедить научное сообщество отдельные исследователи в области права,

используя научную форму получения «новых знаний» [11, с. 11-14, 19, 20].

Вместе с тем, следует отметить, что не научная сущность и характер самого религиозного мировоззрения и религиозных знаний очевидны. Религиозные знания, а точнее оценочные положения религиозного мировоззрения о социальном бытии, действиях в нем высших сил, нормативности, предложенных социуму в религиозных текстах, не научных по своей сущности, как правило, не отражают явления объективной действительности, а их положения и выводы изначально имели и имеют специфическую трактовку практически всех сфер реальной действительности [7, с. 711]. К примеру, следует отметить, что за не одно тысячелетие своего существования церковных учреждений, разных религиозных направлений было создано и накоплено колоссальное количество религиозно-церковных источников, документов, нормативных текстов, книг, отражающих церковно-религиозную деятельность и жизнь. Религиозными источниками разнообразной информации заполнены храмовые библиотеки и книго-хранилища духовных учебных заведений. Однако, все эти церковные знания имеют лишь локальное адресное религиозное предназначение и в позитивном значении имеют культурную ценность, значимость в сферах предметной теологии, письменности (арабской, славянской), книжного и печатного дела. При всем этом, они – религиозные источники (тексты, обобщения, нормативы, документы) в своей совокупности не были способны отражать научных знаний и не вписывались в контекст общих или специальных научных знаний. По ним допустимо лишь косвенно, с большими оговорками оценивать отдельные исторические события. Как источники формирования языковой культуры (9-10 века), а точнее продвижения кириллицы в славянской культуре можно говорить с учетом того, что кроме церковных учреждений практически не существовало в социуме других учреждений, способных одновременно продвигать новую письменность и печатное дело. Общее образование в Русском государстве начало развиваться на основе православных церковных учреж-

дений в 16 веке, что совпало с распространением печатного дела [6, с. 46]. Отмеченные значимые функции возвышали роль церкви в государстве, а посредством участия в организации начального образования церковные учреждения усиливали свою полезность в социуме, не забывая за счет указанных дел продвигать свои религиозные интересы.

В целом в мировых процессах усиление церковности шло параллельно с процессами развития государственности, формирования нормативно-правового регулирования в социальном пространстве, общей культуры и цивилизации. Религиозная жизнь и церковная деятельность возникли из потребности обозначения своего духовного и организующего значения, как социального фактора и своеобразного формата мировоззрения и культуры. Кроме того, применительно к действительности России конца XIX века, К.П. Победоносцев, будучи последовательным сторонником единства церкви и монархического устройства государства, отмечал в своих трудах, что они в своем взаимодействии являются опорой друг друга [12, с. 205]. Он исходил из того, что церковно-религиозные дела в России не одно столетие переплетались с организацией государственной деятельности и это получало соответствующее отражение в законодательстве России.

Вполне справедливо профессор И.А. Иванников не только в познавательных, но и в научных оценочных значениях отмечал: «Большую часть моральных правил составило естественное право. Возникшие со временем государства нормативные акты обычного права закрепляли в качестве норм позитивного права ряд моральных и естественно-правовых норм. Основатели мировых религий также не могли не учитывать общепризнанные нормы морали при написании своих священных книг. Поэтому мораль, право и религия взаимосвязаны. Библейские заповеди и некоторые суры Корана имеют моральное происхождение. Реализация христианской максимы «Богу Богово, а кесарю кесарево» привела к новым проблемам и созданию в пределах одного государства двух властей – светской и духовной» [7, с. 159, 160].

Поэтому религиозная нормативность пронизывала большинство общественных отношений прямо или косвенно, что не позволяло проводить четкой грани между светскими и религиозными нормативными установлениями.

По этим и другим причинам, теоретики права современности в априори религиозно-церковную нормативность оценивают в качестве самостоятельного правового явления, якобы, обеспечивающей регулирование всеобщих по своему характеру и значению общественных отношений, как сущностно и качественно близкую по своим свойствам к юридической форме. Подобную теоретическую позицию можно отметить в каждом учебнике по курсу Теории государства и права России в разделах, характеризующих виды права, правовые семьи, источники права или правовые системы, социальные и правовые ценности [8, с. 176, 177; 9, с. 237-253; 10, с. 226, 227].

Более того, в специальных учебных курсах по теории права религиозная нормативность рассматривается как одна из равнозначных общепризнанных самостоятельных, но специфических форм права. Тем самым, религиозной нормативности придается статус «права» почти равный, а с учетом фактора историчности более раннего её становления в сравнении юридической природой светского права, даже делаются попытки отметить, что светское право «вышло из религиозной нормативности» [11]. Думается, такая даже условная теоретическая параллель не допустима, ибо она привносит сложности в понимание светскости права, как юридического направления деятельности именно светского государства. Позитивное право имеет юридическую, а не религиозную природу нормативности и практики правоприменения, которая предусматривает законотворчество, формирование правовой системы, правопорядка, законности, правосудия, правосознания и правовой культуры, правовой ответственности, влечет наличие системы учреждений юстиции, правоохраны и видов правового государственного контроля. Право в светском государстве, как правило, опирается прямо или косвенно на волю народа, нормотворчество

и строгий порядок введения в действие новых законов и норм, имеет законодательно четко выраженную правовую политику. Совершенство правовой материи гарантируется иерархией нормативных правовых актов, определением порядка их действия, наличием органов власти и управления с законодательным установлением их компетенции и властных полномочий в сфере правотворчества и правоприменения. Все это обеспечивает легитимность права, доверие к нему большинства народа вне зависимости от ментальности, религиозных предпочтений, формируя достаточно значимый уровень должной правовой и общей культуры.

Церковно-религиозная власть и ее нормативность опираются на сложные для понимания лиц разной веры, не верующих и атеистов религиозное мировоззрение, религиозную этичность, традиции, а нормативные источники в процедурах формирования поведения имеют лишь строго адресную ориентацию на верующих лиц, исповедующим конкретную религию. Тем самым, они дифференцируют всех в социуме на множество своеобразных групп людей по религиозной принадлежности или на свободных лиц от религиозной Веры. В этом смысле выделяются в социуме неоднозначные по духовно-нравственным началам и личной культуре, разной религиозной ориентации со своеобразной внутренней идеей, специфической нормативностью и укладностью жизни и неоднозначных по внешнему проявлению общности, группы лиц и отдельные представители гражданского общества.

Конституцией Российской Федерации определены и выражены в федеральном законодательстве два формата социального бытия, жизни и деятельности, – светский и религиозный. В этой связи возникает проблема повышения роли права, а в их нормах определения четких нормативных предписаний, как регуляторов всеобщего бытия, единой культуры России, единых социальных ценностей вне зависимости от этнических, национальных, религиозных или свободных от религии предпочтений. Сейчас идет трудный процесс формирования общей культуры народов России

на благоприятной и благодатной социальной, экономической, культурной основе и исторического наследия. В этой связи ценность права, как государственной нормативно-правовой основы возрастает и она важна, не только как регулятора общественных отношений. Ведь право в современной России является политико-культурным феноменом, отражающим своеобразие организации бытия, жизни и общей высокой духовности всех народов многонациональной России, воплотившего в себе опыт, величие истории и достижений страны, устойчивых и высоких идейных и патриотичных начал устремленности к достойной жизни народа в настоящем и будущем.

Ценность права, как всеобщего юридического формата, проявляется в его признаках, вобравших в себя наиболее актуальные черты социального бытия человека, правового механизма организации взаимодействия всех элементов социальной системы в государстве: 1) отражает, как правило, светские начала в том или ином государстве; 2) легитимирует государствен-

ную власть, ценность человека, его жизни и здоровья, семьи, социальных институтов; 3) выступает гарантом прав и свобод, чести, достоинства человека и гражданина, права собственности; 4) закрепляет основы реализации права человека на свободу совести и вероисповедания, обеспечение религиозной деятельности; 5) регулирует общественные отношения в сферах: поддержания здоровья населения страны, производства, распределения, обмена, воспроизводства, культуры, получения знаний, научной деятельности и других; 6) минимизирует наличие социальных конфликтов; 7) определяет режим законности, правопорядка и правосудия.

Автор настоящего исследования отстаивает мнение, что правовая система, сформированная на основе естественно сложившихся коммуникаций людей, морали, обычаев и традиций, отражающих традиционно установившиеся ценностные и социальные ориентиры, является единственным отражением объективной действительности и юридическим выражением таковой.

Список литературы

1. Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское уголовное право: теоретические основы и современная практика // Современное уголовное право и криминология. Сборник научных трудов. - М.: Изд-во ИНИОН РАН, 2007. С. 80-106.
2. Гофман А.Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социальная солидарность и альтруизм: Социологическая традиция и современные междисциплинарные исследования. Сб. науч. тр. Отв. ред. Д.В. Ефременко. - М.: РАН. ИНИОН, 2014. - С.97-167
3. Бастрыкин А.И. Отношения государства и церкви в России // <https://proza.ru/2019/06/09/1358> (дата обращения: 13.07.2024).
4. Иванников, И.А. История философии права в России: периодизация, основные направления, идеалы и особенности: Монография.– Ростов-на-Дону: ЮФУ. 2014. – 208 с.
5. Гирц К. Интерпретация культур / Пер. с англ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 560 с.
6. Ивлинова Е.А. Азы православия в первых русских печатных азбуках XVI века. Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. 2020. Вып. 58. С. 46-56.
7. Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / пер. с франц. В. В. Земсковой; под ред. Д. Ю. Куракина.– М., 2018. – 808 с.
8. Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В.В. Лазарева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2001. – 520с.
9. Мелехин А.В. Теория государства и права: учебник с учебно-методическими материалами (второе дополненное и переработанное издание). – М.: 2009. – 545 с.
10. Теория государства и права: учебник / Российский университет дружбы народов, Юридический институт; под ред. д.ю.н., проф. А.А. Клишаса. – М.: Статут, 2019. – 512 с.
10. Хайек Ф.А. Дорога к рабству. – М.: Экономика: МП «Эконов», 1992. – 175 с.
11. Козлов Т.Л. Религиозная правовая традиция (теоретический аспект): Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М.: РПА Минюста России. 2008. – 22 с.
12. Победоносцев К.П. Из черновых бумаг // Красный архив. М.; Л., 1926. Т. 5. С. 205.

References

1. Syukiyajnen L.R. Musul'manskoe ugovolnoe pravo: teoreticheskie osnovy i sovremennaya praktika // *Sovremennoe ugovolnoe pravo i kriminologiya. Sbornik nauchnyh trudov.* - M.: Izd-vo INION RAN, 2007. S. 80-106.
2. Gofman A.B. Solidarnost' ili pravila, Dyurkgejm ili Hajek? O dvuh formah social'noj integracii // *Social'naya solidarnost' i al'truizm: Sociologicheskaya tradiciya i sovremennye mezhdisciplinarnye issledovaniya.* Sb. nauch. tr. Otv. red. D.V. Efremenko. - M.: RAN. INION, 2014. - S.97-167
3. Bastrykin A.I. Otnosheniya gosudarstva i cerkvi v Rossii // <https://proza.ru/2019/06/09/1358> (data obrashcheniya: 13.07.2024).
4. Ivannikov, I.A. Istoriya filosofii prava v Rossii: periodizaciya, osnovnye napravleniya, idealy i osobennosti: Monografiya.– Rostov-na-Donu: YUFU. 2014. – 208 s.
5. Girc K. Interpretaciya kul'tur / Per. s angl. – M.: «Rossijskaya politicheskaya enciklope-diya» (ROSSPEN), 2004. – 560 s.
6. Ivlyanova E.A. Azy pravoslaviya v pervyh russkih pechatnyh azbukah XVI veka. Vestnik PSTGU. Seriya IV: Pedagogika. Psihologiya. 2020. Vyp. 58. S. 46-56.
7. Dyurkgejm, E. Elementarnye formy religioznoj zhizni: totemicheskaya sistema v Avstralii / per. s franc. V. V. Zemskovoj; pod red. D. Yu. Kurakina.– M., 2018. – 808 s.
8. Obshchaya teoriya prava i gosudarstva: Uchebnik / Pod red. V.V. Lazareva. – 3-e izd., pererab. i dop. – M.: Yurist», 2001. – 520s.
9. Melekhin A.V. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik s uchebno-metodicheskimi materialami (vtoroe dopolnennoe i pererabotannoe izdanie). – M.: 2009. – 545 s.
10. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik / Rossijskij universitet druzhby narodov, Yuridicheskij institut; pod red. d.yu.n., prof. A.A. Klishasa. – M.: Statut, 2019. – 512 s.
10. Hajek F.A. Doroga k rabstvu. – M.: Ekonomika: MP «Ekonom», 1992. – 175 s.
11. Kozlov T.L. Religioznaya pravovaya tradiciya (teoreticheskij aspekt): Avtoref. dis. ...kand. yurid. nauk. M.: RPA Minyusta Rossii. 2008. – 22 s.
12. Pobedonoscev K.P. Iz chernovyh bumag // Krasnyj arhiv. M.; L., 1926. T. 5. S. 205.

Информация об авторе (авторах): Маликов Борис Зуфарович, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России (450103, Россия, Уфа, ул. Муksiнова, 2), доктор юридических наук, профессор.

Information about the author (s): Malikov Boris Zufarovich, professor, department of criminal law and criminology, Ufa law institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (450103, Russia, Ufa, Muksinova St., 2), Doctor of law, Professor.

Статья поступила в редакцию 18.07.2024; одобрена после рецензирования 19.08.2024; принята к публикации 25.09.2024.

The article was submitted to the editorial office of the 18.07.2024; approved after 19.08.2024 review; accepted for publication 25.09.2024.

Конституционные гарантии языковых отношений

З.А. Булатова

Казань, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются конституционные гарантии языковых отношений. Исследуемые общественные отношения анализируются в фокусе конституционных прав на сохранение, развитие, использование государственных языков, родных языков. Автор отмечает, что Конституция Российской Федерации создала все необходимые базовые правовые условия для охраны и защиты языковых отношений. Автор придерживается позиции, согласно которой весьма объемный подход к гарантированию сохранения, развития и использования языков, обеспеченный за счет установления конституционных гарантий языковых отношений, демонстрирует высокий уровень демократии и правового государства в России. По мнению автора, на право выбора языка воспитания и обучения должно влиять мнение родителей, которые выполняют установленные законодательством требования по воспитанию детей.

Ключевые слова: конституционные гарантии, языки, языковые отношения, государственные языки, родные языки, Конституция Российской Федерации.

Для цитирования: Булатова З.А. Конституционные гарантии языковых отношений // Право и государственность. 2024. № 3 (4). С. 35–38.

Constitutional guarantees of language relations

Z.A. Bulatova

Kazan, Russian Federation

Abstract. The article examines the constitutional guarantees of language relations. The studied social relations are analyzed in the focus of constitutional rights to preserve, develop, use state languages, native languages. The author notes that the Constitution of the Russian Federation has created all the necessary basic legal conditions for the protection and protection of such relations for linguistic relations. The author adheres to the position that a very voluminous approach to guaranteeing the preservation, development and use of languages, ensured by the establishment of constitutional guarantees of linguistic relations, demonstrates a high level of democracy and the rule of law in Russia. According to the author, the right to choose the language of upbringing and education should be influenced by the opinion of parents who fulfill the requirements established by law for raising children.

Keywords: constitutional guarantees, languages, language relations, state languages, native languages, Constitution of the Russian Federation.

For citation: Bulatova Z.A. Constitutional guarantees of language relations // Law and statehood. 2024. № 3 (4). P. 35–38.

Проблематика реализации конституционных гарантий языковых отношений будет сохранять свою актуальность еще продолжительное время. В российской конституции содержится достаточно объемный потенциал гарантий, предусмотренных для сохранения и развития таких отношений. В соответствии с ч. 2 ст. 19 Конституции Российской Федерации¹ государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от языка. Это означает, что органы государственной власти и другие субъекты, уполномоченные субъекты власти

будут гарантировать охрану и защиту прав человека и гражданина, несмотря на то, какой язык он использует на территории Российской Федерации. Как справедливо отмечает М.С. Шайхуллин, конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина являются важнейшими составляющими общего государственного механизма обеспечения эффективного регулирования социальных отношений. Даже в том случае, когда лицо использует язык, который не относится к языкам народов, проживающих на территории Российской Федерации,

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 2020. 4 июля.

такому гражданину предоставлены права, в том числе универсальные, позволяющие ему защищать себя не запрещенными законом способами. Тем более что в указанной конституционной норме одновременно с правогарантирующей конструкцией предусмотрен правовой запрет на любые формы ограничения по языковой принадлежности. Это значит, что Конституция Российской Федерации создала все необходимые базовые правовые условия для охраны и защиты языковых отношений.

Для русского языка предусмотрена конституционная гарантия того, то он имеет статус языка государствообразующего народа. Несмотря на это, республики вправе самостоятельно устанавливать свои государственные языки, что никак не нарушает общую гармонию в языковых отношениях многонационального государства. В 1953 г. по заказу ЮНЕСКО были разработаны два определения, относящиеся к исследуемому вопросу: «государственный язык выполняет интеграционную функцию в рамках данного государства в политической, социальной и культурных сферах и выступает в качестве символа данного государства; официальный язык – это язык государственного управления, законодательства и судопроизводства» [1, с. 51].

С точки зрения интегративного правопонимания через принцип равноправия народов следует признавать и принцип языкового равноправия, так как язык является одним из главных признаков того или иного народа. Конституционные гарантии в области использования языков определяют охрану и защиту равноправия в анализируемой области общественных отношений. Язык признается важнейшим элементом культуры, принадлежности человека к тому или иному народу, поэтому ограничения в языковом равноправии совершенно недопустимы. Гарантии права каждого на пользование родным языком установлены международно-правовыми нормами.

С принятием Закона Российской Федерации от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации»¹ повысился уровень государственных гарантий в области языковых отношений и защиты права на использование языка. На наш взгляд, необхо-

димо разграничивать языковые отношения на те, которые возникают в публичной сфере, и те, которые происходят в быту. Положения данного закона не устанавливают юридические нормы использования языков народов Российской Федерации в межличностных неофициальных взаимоотношениях, а также в деятельности общественных и религиозных объединений и организаций. Это означает, что государство не вмешивается в отношения по использованию языков в бытовой сфере, в области межличностной коммуникации. Однако здесь действует универсальное правило – необходимость в защите права возникает в случае его ограничения. Если же таких ограничений не было, то нет никакой необходимости вторгаться в сферу межличностной коммуникации. В этом смысле язык бытового общения между людьми свободно выбирается сторонами по их взаимному согласию. При этом конституционные гарантии языковых отношений распространяются на языковой суверенитет. А.С. Каримов справедливо отмечает, что языковой суверенитет в российском законе определяется как совокупность прав народов и личностей на сохранение и всестороннее развитие родного языка, свободу выбора и использование языка общения. В данном аспекте речь идет об использовании языка в публичной или общественно-деловой сферах, поскольку маловероятно, что в бытовой сфере возникает необходимость во всестороннем развитии родного языка. Другое дело – использование родных языков в образовательных организациях, трудовых коллективах и т. п.

В соответствии с Законом Российской Федерации от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» гражданам Российской Федерации, не владеющим государственным языком Российской Федерации и государственным языком республики, предоставляется право выступать на заседаниях, совещаниях, собраниях в государственных органах, организациях, на предприятиях и в учреждениях на том языке, которым они владеют. В случае необходимости обеспечивается соответствующий перевод. Следует согласиться с Е.В. Колесниковым в том, что посредством закона обеспечиваются социальные ценности, к которым необходимо

¹ О языках народов Российской Федерации : закон Российской Федерации от 25 октября 1991 г. № 1807-1 // Ведомости Съезда НД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 50. Ст. 1740.

отнести языковые отношения в многонациональном государстве. Граждане, используя возможности ст. 33 Конституции Российской Федерации, также могут обращаться в органы государственной власти и органы местного самоуправления на государственном или родном языке, а также на том языке, которым они владеют. Такой весьма объемный подход к использованию языков, обеспеченный за счет установления конституционных гарантий языковых отношений, демонстрирует высокий уровень демократии и правового государства в России. Естественно, обращения, направленные в органы власти на языке, которыми владеют граждане, может осложнять работу тех, кому они направлены, т. к. потребуются перевод таких обращений как минимум на русский язык.

Конституционные гарантии, системно взаимосвязанные с гарантиями, закрепленными в отраслевом законодательстве, позволяют гражданам Российской Федерации, проживающим за пределами своих национально-государственных и национально-территориальных образований, а также гражданам, не имеющим таковых, представителям малочисленных народов и этнических групп получать образование на родном языке из числа языков народов Российской Федерации в соответствии с их потребностями и интересами. Гарантии языковых отношений распространяются на сферу обслуживания, поскольку законодательство не допускает всевозможные отказы в обслуживании граждан под предлогом незнания языка. Практика обслуживания гостей, приезжающих на территорию Российской Федерации, показывает, что в основном проблем с обслуживанием иностранцев «на кассе» не возникает, поскольку в процессе покупки товара сложности чаще всего возникают в связи с ознакомлением с информацией о приобретаемом товаре. В этом плане законодательные гарантии в языковой сфере не распространяются на обязанности лица, ответственного за обслуживание потребителей, информировать иностранцев о составе товара, подлежащего продаже.

Конституционные гарантии языковых отношений распространяются на сферу образования. Так, в соответствии с Федераль-

ным законом от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»¹ в России гарантируется получение образования на государственном языке Российской Федерации, а также выбор языка обучения и воспитания в пределах возможностей, предоставляемых системой образования. Если образовательные программы предусматривают обучение на языке субъекта Российской Федерации – республики, то образовательные организации должны обеспечить достаточный объем материала для изучения родных языков, наиболее подходящие для детей методики их изучения. В Соединенных Штатах Америки равные возможности в сфере образования представителям языковых меньшинств обеспечены Законом о двуязычном обучении 1968 и 1974 гг. [2, с. 86]. Такие же гарантии (с определенной долей условности) существуют и в Финляндии. В Италии проблематика языковых отношений разрабатывалась национальным Парламентом в течение длительного времени. Парламентарии считали возможным наряду с официальной традиционной топонимикой использование языка меньшинства на дорожных знаках [3, с. 133]. Данные примеры свидетельствуют о закономерностях развития языковой сферы, обусловленных соблюдением прав населения, являющегося национальным меньшинством в государстве.

Необходимо отметить, что на право выбора языка воспитания и обучения должно влиять мнение родителей, которые выполняют все требования по воспитанию детей, поскольку есть и такие родители, которые их не соблюдают. Существенной особенностью конституционно-правового регулирования в сфере языкового общения является то, что не устанавливаются никаких правовых норм использования языков народов России в межличностных неофициальных взаимоотношениях, а также в деятельности общественных, религиозных объединений. Это одна из конкретных гарантий действительно свободного выбора языка общения.

В России осуществление права свободного выбора языка воспитания и обучения объективно ограничено имеющейся системой образовательных учреждений, но на государстве лежит обязанность ее развивать, в частности

¹ Об образовании в Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53. Ст. 7598.

создавать образовательные учреждения, детские сады, в которых обучение и воспитание ведется на государственном языке. При этом право на свободное пользование родным языком очень важно для развития национального самосознания личности, сохранения самобытной культуры этнической общности, упрочения общественных связей. В то же время для расширения доступа личности к ценностям отечественной и мировой культуры, духовного обогащения существенное значение имеет овладение языками других народов, прежде всего русским, который является не только государственным языком Российской Федерации, но и средством межнационального общения.

Конституционные гарантии в языковой сфере распространяются и на области уголовного, гражданского, административного судопроизводства. Участники судебного процесса, не владеющие языком, на котором ведутся судебные заседания в рамках конституционного, уголовного, гражданского или административного судопроизводства, могут использовать свой родной язык. Соответствующие нормы содержатся в нормах текущего

законодательства, а также в положениях актов толкования права. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» отмечается, что суд по ходатайству участвующих в деле лиц обязан обеспечить им право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства и выступать в суде на родном языке¹.

Таким образом, языковые отношения играют ключевую роль в социальной организации общества, коммуникации людей. Важно, что они являются основой для сохранения культурного наследия, необходимого для поддержания государственности, институтов политической системы общества. Поскольку языковые отношения имеют существенное значение для сохранения самобытной культуры этнической общности, упрочения общественных связей, они обеспечиваются конституционными гарантиями, позволяющими охранять и защищать такие отношения в стабильном, а также развивающемся состоянии.

Список литературы

1. Дьячков М. Народ и язык // Российские немцы: политика, культура, образование. 1998. – 137 с.
2. Червонная С.А. Обеспечение прав меньшинств в США // США. Экономика, политика, идеология. 1995. № 7. С. 86–96.
3. Васильева Т.А. Правовой статус этнических меньшинств в странах Западной Европы // Государство и право. 1992. № 8. С. 133–142.

References

1. D'yachkov M. Narod i yazyk // Rossijskie nemcy: politika, kul'tura, obrazovanie. 1998. – 137 s. 2023. № 1 (1). S. 24–31.
2. Chervonnaya S.A. Obespechenie prav men'shinstv v SSHA // SSHA. Ekonomika, politika, ideologiya. 1995. № 7. S. 86–96.
3. Vasil'eva T.A. Pravovoj status etnicheskikh men'shinstv v stranah Zapadnoj Evropy // Gosudarstvo i pravo. 1992. № 8. S. 133–142.

Информация об авторе (авторах): Булатова Зульфия Азатовна, кандидат юридических наук (450103, России, Казань, ул. Кремлевская, 18).

Information about the author(s): Bulatova Zulfiya Azatovna, Candidate of Law (450103, Russia, Kazan, Kremlin St., 18).

Статья поступила в редакцию 09.07.2024; одобрена после рецензирования 17.08.2024; принята к публикации 25.09.2024.

The article was submitted to the editorial office of the 09.07.2024; approved after 17.08.2024 review; accepted for publication 25.09.2024.

¹ О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 // Российская газета. № 247. 1995. 28 декабря.

УДК 342.552.3
DOI: 10.70569/2949-5725.2024.4.3.004

О некоторых проблемах правового регулирования статуса субъектов Российской Федерации

А.С. Каримов
Уфа, Российская Федерация
balkan100@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые вопросы статуса субъектов Российской Федерации в современных условиях. Автор придерживается позиции, согласно которой равноправие субъектов Федерации определяется одинаковыми возможностями регионов по реализации конституционных и иных прав и интересов, объемом правомочий и прав, образованных на конституционной основе. С позиции территориальных, экономических и иных особенностей все субъекты Федерации являются особенными и не похожими друг на друга. По мнению автора статьи, федеративное состояние российской государственности доказало возможности для развития субъектов Российской Федерации. При этом категории «статус субъекта Федерации» и «конституционно-правовой статус субъекта Российской Федерации» не являются равнозначными. Автор отмечает, что важной особенностью взаимоотношений субъектов Российской Федерации является договорное взаимодействие о социально-экономическом, научно-техническом и ином сотрудничестве регионов, в котором не имеет существенного значения конституционно-правовой статус субъекта Федерации, поскольку важно другое – улучшение социально-экономического состояния регионов и, как следствие, создание комфортных условий для быта и трудовой деятельности людей.

Ключевые слова: правовое регулирование, статус субъектов Российской Федерации, сложносоставные субъекты, права и обязанности, полномочия.

Для цитирования: Каримов А.С. О некоторых проблемах правового регулирования статуса субъектов Российской Федерации // Право и государственность. 2024. № 3 (4). С. 39–42.

On some problems of legal regulation of the status of constituent entities of the Russian Federation

A.S. Karimov
Ufa, Russian Federation
balkan100@yandex.ru

Abstract. The article discusses some issues of the status of the constituent entities of the Russian Federation in modern conditions. The author adheres to the position that the equality of the subjects of the Federation is determined by the equal possibilities of the regions for the realization of constitutional and other rights and interests, the volume of powers and rights formed on a constitutional basis. From the standpoint of territorial, economic and other features, all subjects of the Federation are special and not similar to each other. According to the author of the article, the federal state of Russian statehood proved the possibilities for the development of the constituent entities of the Russian Federation. At the same time, the categories «status of a subject of the Federation» and «constitutional and legal status of a subject of the Russian Federation» are not equivalent. The author notes that an important feature of the relationship between the constituent entities of the Russian Federation is contractual interaction on socio-economic, scientific, technical and other cooperation between regions, in which the constitutional and legal status of the constituent entity of the Federation does not matter, since another is important - improving the socio-economic state of the regions and, as a result, creating comfortable conditions for people's life and work.

Keywords: legal regulation, status of constituent entities of the Russian Federation, complex constituent entities, rights and obligations, powers.

For citation: Karimov A.S. On some problems of legal regulation of the status of constituent entities of the Russian Federation // Law and statehood. 2024. № 3 (4). P. 39–42.

Современная российская государственность строится на базовых конституционных принципах, смыслом которых является осуществление правовой политики, обеспечение социальных прав граждан, развитие демократического порядка. Конституция Российской Федерации является основой для закрепления федеративных

начал и является фундаментальным источником права, позволяющим сохранить государственность и социальные отношения в стабильном состоянии. Правовой статус субъектов Российской Федерации находит свое отражение непосредственно в нормах Основного закона. Другие нормативные положения о статусе субъектов Российской Федерации развиваются в федеральном и региональном законодательствах, а также имеют договорную основу взаимодействия и правового регулирования.

Очевидно, что соседствующие субъекты Федерации взаимодействуют друг с другом. Их взаимоотношения обусловлены необходимостью в социально-экономическом развитии регионов. Одной из особенностей конституционно-правового статуса субъектов Российской Федерации является то, что он может быть изменен по взаимному согласию Российской Федерации и субъекта Российской Федерации¹. Вместе с тем сводить взаимоотношения федерального уровня власти с субъектами Федерации к аспекту «согласий» в настоящее время весьма противоречиво. Наоборот, требуется системное взаимодействие центральных властей с регионами для оперативного решения социальных вопросов, а также тех, которые имеют для страны стратегически важный характер. От субъектов Федерации требуется, чтобы они, в контексте социально-правовой обусловленности, в оперативном режиме приводили региональные нормативные правовые акты в соответствие с федеральным законодательством, поскольку жизнь не стоит на месте и общественные отношения развиваются настолько динамично, что требуют от парламентских органов быстрого реагирования на вызовы современности.

Сложности становления современной российской государственности заключаются в том, что Россия состоит из 89 равноправных субъектов Российской Федерации. Ни одна федерация в мире не может похвастаться таким достоянием. Субъекты Федерации подразделены на шесть видов: республики, края, области, города федерального значения, автономную область и автоном-

ные округа, что только усиливает ведущие позиции России в социально-экономическом, политическом и ином отношениях. Особенности функционирования субъектов Федерации заключаются в их общности. Неслучайно если в одном субъекте Федерации возникают проблемы, на помощь к нему приходят другие. Как справедливо отмечает Л.М. Карапетян, эта общность подтверждается положением Конституции о равноправии субъектов Федерации между собой во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти [1, с. 83]. Вместе с этим В.А. Лебедев отмечает, что субъекты Российской Федерации не равны по размеру территории, численности населения, национальному составу, экономическому потенциалу и т. д. [2, с. 8]. Представляется, что их равноправие определяется одинаковыми возможностями регионов по реализации конституционных и иных прав и интересов, объемом полномочий и прав, образованных на конституционной основе. С позиции территориальных, экономических и иных особенностей все субъекты Федерации являются особенными и не похожи друг на друга.

Федеративное состояние российской государственности доказало возможности для развития субъектов Российской Федерации. При этом категории «статус субъекта Федерации» и «конституционно-правовой статус субъекта Российской Федерации» не являются равнозначными. Так, в процессе исследования статуса субъекта Федерации сложилось несколько концепций данной категории конституционного права. По мнению Н.К. Филиппова, правовым статусом необходимо именовать совокупность предметов ведения субъекта Федерации, которые определяют его место в качестве субъекта государственно-правовых отношений [3, с. 73]. С.Л. Сергевнин отмечает, что в содержание статуса субъекта Федерации должны включаться лишь права и обязанности, в то время как предметы ведения и полномочия конкретизируются в правах и обязанностях [4, с. 80]. По мнению В.К. Самигулина, существует особый правовой статус у республик

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 2020. 4 июля.

в составе Российской Федерации [5, с. 14]. С точки зрения А.А. Ливеровского, конституционно-правовой статус включает в себя статический, функциональный и юрисдикционный компоненты [6, с. 92]. Конституционно-правовой статус республики, входящей в состав Российской Федерации, определяется Конституцией Российской Федерации и конституцией республики, что характеризует специфические особенности законодательного регулирования статуса такого субъекта Федерации. Конституционно-правовой статус других субъектов Федерации устанавливается Конституцией Российской Федерации и уставом субъекта Федерации, принимаемым региональным парламентским органом, что также является особенностью правового регулирования статуса регионов.

Особенностью правового регулирования отношений автономных округов, входящих в состав края или области, является регулирование взаимоотношений с помощью принятия как федеральных законов, так и договоров между субъектами Российской Федерации. Между тем важной особенностью взаимоотношений субъектов Федерации, как представляется, является договорное взаимодействие о социально-экономическом, научно-техническом и ином сотрудничестве регионов, в котором не имеет существенного значения конституционно-правовой статус субъектов Федерации, поскольку важно другое – улучшение социально-экономического состояния договаривающихся сторон. Прав М.С. Шайхуллин, говорящий о том, что конституционно-правовые гарантии в договорных отношениях играют существенную, если не сказать решающую, роль в процессе создания условий для развития экономических отношений между регионами.

В свое время Конституционный Суд Российской Федерации указывал на то, что

правоотношения между областью (краем) и автономным округом должны соответствовать определенным требованиям. В частности, вхождение автономного округа в край, область порождает обязанность обеих сторон строить свои отношения с учетом интересов друг друга, не предпринимать односторонних действий, если они затрагивают общие интересы края, области и автономного округа, нарушают принцип равноправия, не основаны на федеральном законе и не вытекают из договора¹. По смыслу положений статьи 66 Конституции Российской Федерации федеральная власть создает законодательные гарантии взаимоотношений субъектов Федерации, в случае если имеется необходимость создания нормальных отношений между субъектами Федерации. Для этого может быть принят федеральный закон, который определяет объем права и интересов как Российской Федерации, так и ее субъектов.

Для наиболее правильной модели правового регулирования статуса субъектов Федерации в части установления правового положения «сложносоставного субъекта Федерации» необходимо придерживаться, во-первых, преимуществ конституционно-правового регулирования статуса таких субъектов государственно-правовых отношений; во-вторых, учета мнения органов государственной власти субъектов Федерации, которые лучше знают обстановку на местах и обладают законотворческой инициативной; в-третьих, договорного регулирования между субъектами Федерации, в котором определяющее значение следует отводить интересам населения. Взаимоотношения между субъектами Федерации должны обеспечиваться различными правовыми условиями и использованием соответствующих правовых инструментов (гарантий), в том числе возможностей института «федерального вмешательства».

Список литературы

1. Карапетян Л.М. Федеративное устройство Российского государства. М. : НОРМА, 2001. – 352 с.
2. Лебедев В.А. Конституционно-правовой статус субъектов Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 1 (255). С. 5–12.

¹ По делу о толковании содержащегося в части 4 статьи 66 Конституции Российской Федерации положения о вхождении автономного округа в состав края, области : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 1997 г. № 12-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 29. Ст. 3581.

3. Филиппов Н.К. Республики в составе Российской Федерации: конституционные аспекты взаимоотношений. Чебоксары, 1997. – 157 с.
4. Сергевнин С.Л. Субъект Федерации: статус и законодательная деятельность. СПб., 1999. – 215 с.
5. Самигуллин В.К. Конституционное развитие Башкортостана : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. – 49 с.
6. Ливеровский А.А. О статусе субъекта Российской Федерации // Правоведение. 2000. № 2. С. 82–101.

References

1. Karapetyan L.M. Federativnoe ustrojstvo Rossijskogo gosudarstva. M. : NORMA, 2001. – 352 s.
2. Lebedev V.A. Konstitucionno-pravovoj status sub"ektov Rossijskoj Federacii // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 1 (255). S. 5–12.
3. Filippov N.K. Respubliki v sostave Rossijskoj Federacii: konstitucionnye aspekty vzaimootnoshenij. Cheboksary, 1997. 157 s.
4. Sergevnin S.L. Sub"ekt Federacii: status i zakonodatel'naya deyatel'nost'. SPb., 1999. – 215 s.
5. Samigullin V.K. Konstitucionnoe razvitie Bashkortostana : avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 1998. – 49 с.
6. Liverovskij A.A. O statuse sub"ekta Rossijskoj Federacii // Pravovedenie. 2000. № 2. S. 82–101.

Информация об авторе (авторах): Каримов Азат Салаватович (450059, Россия, Уфа, ул. Р. Зорге, 20), кандидат юридических наук.

Information about the author(s): Karimov Azat Salavatovich (450059, Russia, Ufa, R. Sorge St., 20), Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 01.07.2024; одобрена после рецензирования 17.08.2024; принята к публикации 25.09.2024.

The article was submitted to the editorial office of the 01.07.2024; approved after 17.08.2024 review; accepted for publication 25.09.2024.

УДК 342.531.151

DOI: 10.70569/2949-5725.2024.4.3.005

Организационно-правовые модели участия аппарата высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации в обеспечении его законопроектной деятельности

Б.И. Гатин*Казань, Российская Федерация**kon-kafedra@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящается вопросам участия аппарата высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации в обеспечении его законопроектной деятельности для последующего внесения разработанного им проекта регионального закона в законодательный (представительный) орган государственной власти. На основе проведенного исследования автор выделил наиболее типичные региональные организационно-правовые модели такого участия.

Ключевые слова: государственный аппарат, высший исполнительный орган власти, субъект Российской Федерации, законопроектная деятельность.

Для цитирования: Гатин Б.И. Организационно-правовые модели участия аппарата высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации в обеспечении его законопроектной деятельности // Право и государственность. 2024. № 3 (4). С. 43–46.

Organizational and legal models of participation of the apparatus of the supreme executive body of state power of a constituent entity of the Russian Federation in ensuring its legislative activities

B.I. Gatin*Kazan, Russian Federation**kon-kafedra@yandex.ru*

Abstract. The article is devoted to the participation of the apparatus of the supreme executive body of state power of a constituent entity of the Russian Federation in ensuring its legislative activities for the subsequent introduction of the draft regional law developed by it into the legislative (representative) body of state power. Based on the study, the author identified the most typical regional organizational and legal models of such participation.

Keywords: state apparatus, supreme executive authority, constituent entity of the Russian Federation, legislative activity.

For citation: Gatin B.I. Organizational and legal models of participation of the apparatus of the supreme executive body of state power of the constituent entity of the Russian Federation in ensuring its legislative activity // Law and statehood. 2024. № 3 (4). P. 43–46.

В конституционно-правовой и административно-правовой науках орган исполнительной власти определяется как структурное подразделение государственно-властного механизма (государственного аппарата), создаваемое специально для повседневного функционирования в системе разделения властей с целью проведения в жизнь законов в процессе руководства экономической, социальной, культурной и административно-политической сферой

жизни общества [1, с. 151]. Вместе с тем орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации, включая высший коллегиальный орган общей компетенции, можно трактовать в виде обособленного звена государственного аппарата, приоритетными задачами которого выступают, с одной стороны, обеспечение исполнения региональных законодательных актов, а с другой – возможность оказывать прямое влияние на законодательную деятельность,

а значит, и на региональный законодательный процесс, организуемый в представительном органе государственной власти субъекта Федерации. При этом к основным направлениям такого влияния относятся прежде всего реализацию высшим исполнительным органом государственной власти конституционного (уставного) права законодательной инициативы, которая может иметь свою специфику в зависимости от предметной сферы осуществления (к примеру, область бюджетных и налоговых правоотношений); планирование собственной (внешней для регионального органа народного представительства) законопроектной деятельности; участие на началах сотрудничества и координации в планировании законопроектной деятельности законодательного (представительного) органа государственной власти; присутствие с правом совещательного голоса на заседаниях законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации и его органов.

В контексте рассматриваемой темы актуализируется вопрос о моделях участия аппарата высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации в обеспечении данных процессов.

Первая организационно-правовая модель фактически делегирует полномочия главы субъекта Российской Федерации соответствующим аппаратам и департаментам органов исполнительной власти специальной компетенции в осуществлении законопроектной деятельности, предусматривая за ними специальные функции (например, участие в разработке актов стратегического планирования, анализ проектов нормативных правовых актов). К примеру, исходя из содержания Постановления Главы Администрации Тамбовской области от 4 октября 2022 года № 8 «Об утверждении Положения о правовом департаменте Правительства Тамбовской области»¹, в круг его задач входят правовое обеспечение деятельности Главы Тамбовской области и Правительства

Тамбовской области по реализации их полномочий; координация законопроектной деятельности структурных подразделений Правительства Тамбовской области и исполнительных органов Тамбовской области и т. п. Достаточно общий характер полномочий главы субъекта Федерации в области законотворчества проявляется в том, что анализ проектов законов возлагается на компетентные структуры аппарата правительства субъекта Федерации. Впрочем, такая картина наблюдается и в других субъектах Федерации.

Следовательно, первую организационно-правовую модель участия аппарата высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации в обеспечении регионального законодательного процесса посредством содействия осуществлению законопроектной деятельности указанному органу можно назвать абсолютно ограниченной. Как справедливо отмечает М.В. Дулинов, в законопроектной деятельности необходимо устанавливать достаточно жесткие требования к содержанию концепции и технического задания на разработку законопроекта [2, с. 98]. В этом смысле участие исполнительных органов государственной власти субъектов Федерации в законопроектной деятельности должно отвечать самым современным стандартам.

Вторая организационно-правовая модель отличается большей гибкостью и несколько расширяет формы участия аппарата исполнительного органа общей компетенции в обеспечении законопроектной деятельности администрации (правительства, кабинета министров), осуществляемой, с одной стороны, с целью сотрудничества властей в региональном законодательном процессе, а с другой – реализации принципа разделения властей в субъектах Российской Федерации. К примеру, согласно Постановлению Губернатора Еврейской автономной области от 19 февраля 2015 года № 37 «Об аппарате губернатора и правительства Еврейской автономной области»² им обеспечивается организация правовой экспер-

¹ Об утверждении Положения об аппарате главы администрации области : постановление Главы Администрации Тамбовской области от 9 марта 2017 г. № 16 // Тамбовская жизнь. 2017. 10 марта.

² Сборник правовых актов Еврейской автономной области и иной официальной информации // Официальный портал органов государственной власти Еврейской автономной области / Департамент цифрового развития и связи Еврейской автономной области. URL: <https://www.eao.ru/?p=4083> (дата обращения: 26.07.2024)

тизы проектов законов области, разработка проектов законов области для внесения их губернатором области в Законодательное Собрание области в порядке законодательной инициативы, а также официальное опубликование областных законов. При этом важно, чтобы проект закона был представлен на общественное обсуждение [3, с. 149].

Таким образом, вторую организационно-правовую модель участия аппарата высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации в обеспечении регионального законодательного процесса, получившую наибольшее распространение в субъектах Российской Федерации и выражающуюся в содействии указанному органу исполнительной власти общей компетенции в осуществлении собственной законопроектной деятельности, можно назвать относительно ограниченной.

Третья организационно-правовая модель участия аппарата высшего органа государственной власти субъекта Российской Федерации в обеспечении участия органа исполнительной власти общей компетенции в региональном законодательном процессе, на наш взгляд, отличается тем, что при его организации главным ориентиром выступают формы и способы, характерные для аппарата законодательного (представительного) органа государственной власти. Например, участие Аппарата Губернатора и Правительства Чукотского автономного округа устанавливается в Постановлении Правительства Чукотского автономного округа от 12 марта 2024 года № 90 «Об утверждении Регламента Правительства Чукотского автономного округа»¹, которое закрепляет за ним проведение правовой и антикоррупционной экспертиз проектов законов автономного округа, формирование планов законопроектных работ на основе предложений органов исполнительной власти автономного округа, федеральных органов исполнительной власти, государственных и иных организаций, предварительную экспертную оценку законодательных предложений органов исполнительной власти автономного округа, направление

поступивших законопроектов на правовую и антикоррупционную экспертизы в Прокуратуру Чукотского автономного округа и Управление Министерства юстиции по Магаданской области и Чукотскому автономному округу.

Кроме того, в соответствии с Постановлением Губернатора Чукотского автономного округа от 4 октября 2013 года № 80 «Об утверждении Положения об Аппарате Губернатора и Правительства Чукотского автономного округа» ему предоставляются следующие права и обязанности: учет и хранение законов автономного округа на бумажных и электронных носителях; обеспечение к ним санкционированного доступа; оформление, выпуск законов автономного округа, передача в средства массовой информации для официального опубликования; обеспечение предоставления обязательных бесплатных экземпляров нормативных правовых актов автономного округа соответствующим уполномоченным органам и организациям; участие в разработке и подготовке проектов нормативных правовых и иных актов, регулирующих жизнедеятельность коренных малочисленных народов; разработка по поручению Губернатора автономного округа и Руководителя Аппарата проектов законов; участие в разработке проектов законов и иных нормативных правовых актов автономного округа по вопросам государственной гражданской службы в пределах полномочий, установленных законодательством Российской Федерации; участие в разработке проектов законов и иных нормативных правовых актов автономного округа по вопросам противодействия и профилактики коррупции, в том числе программ и планов, в пределах полномочий, установленных законодательством Российской Федерации; анализ состояния законодательства автономного округа и разработка предложений о совершенствовании правового регулирования в автономном округе и т. д.

Итак, третью организационно-правовую модель участия аппарата высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации

¹ Об утверждении Регламента Правительства Чукотского автономного округа : постановление Правительства Чукотского автономного округа от 12 марта 2024 г. № 90 // Приложение к газете «Крайний Север». 2024. 15 марта.

в обеспечении регионального законодательного процесса посредством содействия в осуществлении собственной законопроектной и иной законодательной деятельности можно назвать относительно неограниченной. Таким образом, в субъектах Российской Федерации выработаны следу-

ющие организационно-правовые формы участия аппарата высшего исполнительного органа государственной власти в обеспечении законопроектной деятельности последнего: делегировано-специализационная, относительно ограниченная и относительно неограниченная.

Список литературы

1. Административное право / под ред. Ю.М. Козлова, Л.Л. Попова, М. : Юрист, 1999. – 728 с.
2. Дулинов М.В. Регламентация законопроектной деятельности федеральных органов исполнительной власти // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2001. № 2. С. 97–99.
3. Юхнова В.А. Участие губернатора Хабаровского края в законодательном процессе на стадии проектирования // Власть и управление на Востоке России. 2008. № 1 (42). С. 145–149.

References

1. Administrativnoe pravo / pod red. Yu.M. Kozlova, L.L. Popova, M. : Yurist, 1999. – 728 s.
2. Dulinov M.V. Reglamentaciya zakonoproektnoj deyatel'nosti federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2001. № 2. S. 97–99.
3. Yuhnova V.A. Uchastie gubernatora Habarovskogo kraja v zakonodatel'nom processe na stadii proektirovaniya // Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii. 2008. № 1 (42). S. 145–149.

Информация об авторе (авторах): Гатин Булат Ильфирович, аспирант кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета, (450103, Россия, Казань, ул. Кремлевская, 18).

Information about the author(s): Gatin Bulat Ilfirovich, postgraduate student of the Department of Constitutional and Administrative Law, Kazan (Volga) Federal University, (450103, Russia, Kazan, Kremlin St., 18).

Статья поступила в редакцию 15.07.2024; одобрена после рецензирования 19.08.2024; принята к публикации 25.09.2024.

The article was submitted to the editorial office of the 15.07.2024; approved after 19.08.2024 review; accepted for publication 25.09.2024.

УДК 342.723

DOI: 10.70569/2949-5725.2024.4.3.006

К вопросу о публичности региональной правовой политики в правозащитной сфере

Н.С. Татаренко

Казань, Российская Федерация

kon-kafedra@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется одно из политико-правовых свойств региональной правовой политики, определяющее характер взаимодействия органов государственной власти субъектов Российской Федерации с институтами гражданского общества при ее создании и реализации. По мнению автора, публичность региональной правовой политики в области защиты прав человека и гражданина отражается в субъектном составе проводимой организационной деятельности по формированию и осуществлению данной правовой политики (органы публичной власти, институты гражданского общества); официальном характере правовых документов, оформляющих соответствующую деятельность; наличии материально-технических средств и организационно-правовых механизмов, позволяющих гражданам, многообразным институтам гражданского общества непосредственно ознакомиться с их содержанием; легитимных каналах связи между органами публичной власти и институтами гражданского общества.

Ключевые слова: региональная правовая политика, защита прав и свобод человека и гражданина, публичность, открытость.

Для цитирования: Татаренко Н.С. К вопросу о публичности региональной правовой политики в правозащитной сфере // Право и государственность. 2024. № 3 (4). С. 47–50.

On the issue of publicity of regional legal policy in the human rights sphere

N.S. Tatarenko

Kazan, Russian Federation

kon-kafedra@yandex.ru

Abstract. The article analyzes one of the political and legal properties of regional legal policy, which determines the nature of the interaction of state authorities of the constituent entities of the Russian Federation with civil society institutions during its creation and implementation. According to the author, the publicity of the regional legal policy in the field of protection of human and civil rights is reflected in the subject composition of the ongoing organizational activities for the formation and implementation of this legal policy (public authorities, civil society institutions); the official nature of the legal documents formalizing the relevant activities; availability of material and technical means and organizational and legal mechanisms that provide citizens, various institutions of civil society with direct familiarization with their content; legitimate channels of communication between public authorities and civil society institutions.

Keywords: regional legal policy, protection of human and civil rights and freedoms, publicity, openness.

For citation: Tatarenko N.S. On the issue of publicity of regional legal policy in the human rights sphere // Law and statehood. 2024. № 3 (4). P. 47–50.

В юридической науке правовая политика в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина рассматривается как деятельность государственных, муниципальных органов и общественных объединений, а также самой личности, обеспечивающая создание, поддержание, развитие и реализацию условий для их защиты, и поэтому признается средством реализации правомерных притязаний

личности [1, с. 10]. При этом правовая политика в данной сфере подразделяется на федеральную и региональную, поскольку согласно ст. 72 (ч. 1 п. «б») Конституции Российской Федерации¹ защита прав и свобод человека и гражданина находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов.

Специфика правовой политики вы-

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 2020. 4 июля.

ражается в том, что ей присущи особые черты, позволяющие раскрыть ее сущность. Учеными высказываются различные предложения относительно ее признаков. В частности, Ю.К. Краснов безотносительно к уровню и сферам жизнедеятельности отмечает следующие общие признаки правовой политики: интегративный и официальный характер, системность, публичность, фундаментальность, концептуальность, реалистичность, динамичность и стабильность, плановость, зависимость от факторов внешней и внутренней среды [2, с. 33]. А.П. Коробова, исходя из понимания правовой политики как средства воздействия на правовую жизнь общества с целью ее преобразования наиболее желательным для государства образом, как целеполагающей, организующей деятельности в правовом поле, осуществляемой государством и другими субъектами политического общения при помощи специфического набора как правовых, так и организационных способов и средств, по сути, признает за данным явлением целый ряд качеств: целесообразность, организованность и публичность [3, с. 42]. В то же время В.В. Трофимов выделяет следующие признаки государственно-правовой политики: системность, предсказуемость и научная обоснованность [4, с. 83]. А.Б. Киреев применительно к судебно-правовой политике как одной из форм государственно-правовой политики упоминает публичность, официальность и властно-императивное содержание [5, с. 50]. Таким образом, одним из ключевых признаков региональной правовой политики в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина признается публичность.

По мнению Ш.З. Маталаева, понятие публичности используется юридическим сообществом в нескольких толкованиях, прежде всего в значении принадлежности к государству, предполагающей в широком смысле то, что относится к государству, гласности, открытости правосудия, открытости и доступности суда для публики и т. п. В своей трактовке публичности автор опирается в том числе и на ее лексическое

значение, поскольку в справочной литературе она отождествляется с гласностью, общеизвестностью, явностью и общественностью [6, с. 427]. Вместе с тем предложенная авторская позиция, на наш взгляд, ограничивает представления о публичности правовой политики, поскольку касается исключительно открытости судебной деятельности, а значит, и судебно-правовой политики. В то же время гласность и открытость присущи всем формам и видам юридической деятельности.

К примеру, Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» предусматривает, что деятельность полиции является открытой для общества в той мере, в какой это не противоречит требованиям законодательства Российской Федерации об уголовном судопроизводстве, о производстве по делам об административных правонарушениях, об оперативно-розыскной деятельности, о защите государственной и иной охраняемой законом тайны, а также не нарушает прав граждан, общественных объединений и организаций¹. Причем граждане, общественные объединения и организации имеют право в установленном порядке получать достоверную информацию о деятельности полиции, а также получать от полиции информацию, непосредственно затрагивающую их права, за исключением той, доступ к которой ограничен федеральным законом. Кроме того, публичность и открытость обязывают полицию регулярно информировать государственные и муниципальные органы, граждан о своей деятельности через средства массовой информации, информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, а также путем отчетов должностных лиц (не реже одного раза в год) перед законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации, представительными органами муниципальных образований и гражданами, в том числе предоставлять сведения о своей деятельности средствам массовой информации по официальным запросам их редакций и путем проведения пресс-конференций, рассылки справочных

¹ См.: ст. 8 (ч. 1, 2, 3 и 4) Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

и статистических материалов и в иных формах и т. д.

В то же время правовое оформление публичности и открытости может иметь свою специфику в зависимости от уровня и ветви власти. Так, в Законе Челябинской области от 28 февраля 2006 г. № 1-ЗО «О Законодательном Собрании Челябинской области»¹ отсутствует норма о принципах деятельности высшего представительного учреждения, что существенно обедняет правовое нормирование его конституционно-правового статуса. Однако Регламент Законодательного Собрания Челябинской области, восполняя законодательный пробел, фиксирует, что его деятельность основывается на принципах свободного обсуждения и коллективного решения вопросов²; кроме того, в его внутренней структуре имеется отдельная глава, посвященная организации доступа к информации о деятельности Законодательного Собрания, порядку присутствия граждан, представителей организаций, общественных объединений, государственных органов и органов местного самоуправления на открытых заседаниях Законодательного Собрания, депутатских и общественных (публичных) слушаниях, проводимых законодательным органом. Соответственно, названный Регламент устанавливает, что обеспечение доступа к информации о деятельности Законодательного Собрания Челябинской области осуществляется посредством ее размещения на офици-

альном сайте Законодательного Собрания в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, средствах массовой информации, а также присутствием граждан и представителей организаций, общественных объединений, государственных органов и органов местного самоуправления при проведении открытых заседаний Законодательного Собрания, депутатских слушаний. Помимо этого, перечисленные субъекты вправе ознакомиться с информацией о деятельности Законодательного Собрания в специально отведенных помещениях в здании законодательного органа власти³.

Таким образом, публичность региональной правовой политики в области защиты прав человека и гражданина отражается в субъектном составе проводимой организационной деятельности по формированию и осуществлению данной правовой политики (органы публичной власти, институты гражданского общества); официальном характере правовых документов, оформляющих соответствующую деятельность; наличии материально-технических средств и организационно-правовых механизмов, позволяющих гражданам, многообразным институтам гражданского общества непосредственно ознакомиться с их содержанием; легитимных каналах связи между органами публичной власти и институтами гражданского общества по вопросам разработки, одобрения и реализации региональной правовой политики в сфере правозащитных отношений.

Список литературы

1. Рыбаков О.Ю. Российская правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности: вопросы теории : автореф. дис... д-ра юрид. наук. Саратов, 2005. – 366 с.
2. Краснов Ю.К. Правовая политика России на современном этапе : учебное пособие / Ю.К. Краснов; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (университет) МИД России. М. : Прометей, 2019. – 182 с.
3. Коробова А.П. О некоторых признаках правовой политики // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2020. № 2. С. 35–43.
4. Трофимов В.В. Государственно-правовая политика современной России: от доктрины к практике реализации // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. № 3. С. 79–86.
5. Киреев А.Б. Признаки и принципы судебно-правовой политики как ее важнейшие характеристики // Современное право. 2008. № 10. С. 50–52.

¹ Южноуральская панорама. 2006. 21 марта.

² См.: пункт 3 Постановления Законодательного Собрания Челябинской области от 26 ноября 2015 г. № 157 «О Регламенте Законодательного Собрания Челябинской области» // Ведомости Законодательного собрания Челябинской области. 2006. 28 февр.

³ См.: пункты 220 и 223 Постановления Законодательного Собрания Челябинской области от 26 ноября 2015 г. № 157 «О Регламенте Законодательного Собрания Челябинской области» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/430687633> (дата обращения: 06.04.2024).

6. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка: материалы для лексической разработки заимствованных слов в рус. лит. Речи : с портр. и краткой биограф. А.Н. Чудинова / сост. под ред. А.Н. Чудинова. 3-е изд., тщательно испр. и знач. доп. (более 5 000 новых слов) преимущественно соц.-полит. терминами, вошедшими в жизнь в последние годы. СПб. : В.И. Губинский, 1910. – 676 с.

References

1. Rybakov O.Yu. Rossijskaya pravovaya politika v sfere zashchity prav i svobod lichnosti: voprosy teorii : avtoref. dis... d-ra jurid. nauk. Saratov, 2005. – 366 s.
2. Krasnov Yu.K. Pravovaya politika Rossii na sovremennom etape : uchebnoe posobie / Yu.K. Krasnov; Mosk. gos. in-t mezhdunar. otnoshenij (universitet) MID Rossii. M. : Prometej, 2019. – 182 s.
3. Korobova A.P. O nekotoryh priznakah pravovoj politiki // Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva. 2020. № 2. S. 35–43.
4. Trofimov V.V. Gosudarstvenno-pravovaya politika sovremennoj Rossii: ot doktriny k praktike realizacii // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2018. № 3. S. 79–86.
5. Kireev A.B. Priznaki i principy sudebno-pravovoj politiki kak ee vazhnejshie harakteristiki // Sovremennoe pravo. 2008. № 10. S. 50–52.
6. Slovar' inostrannyh slov, voshedshih v sostav russkogo yazyka: materialy dlya leksicheskoy razrabotki zaimstvovannyh slov v rus. lit. Rechi : s portr. i kratkoj biogr. A.N. Chudinova / sost. pod red. A.N. Chudinova. 3-e izd., tshchatel'no ispr. i znach. dop. (bolee 5 000 novyh slov) preimushchestvenno soc.-polit. terminami, voshedshimi v zhizn' v poslednie gody. SPb. : V.I. Gubinskij, 1910. – 676 s.

Информация об авторе (авторах): Татаренко Никита Сергеевич, аспирант кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета (450103, Россия, Казань, ул. Кремлевская, 18).

Information about the author(s): Tatarenko Nikita Sergeevich, postgraduate student of the Department of Constitutional and Administrative Law, Kazan (Volga) Federal University (450103, Russia, Kazan, Kremlin Street 18).

Статья поступила в редакцию 17.07.2024; одобрена после рецензирования 20.08.2024; принята к публикации 25.09.2024.

The article was submitted to the editorial office of the 17.07.2024; approved after 20.08.2024 review; accepted for publication 25.09.2024.

УДК 341.234

DOI: 10.70569/2949-5725.2024.4.3.007

К вопросу о праве народов на самоопределение: конституционно-правовые аспекты

Д.И. Набаталиев

Уфа, Российская Федерация

dozer95@mail.ru

Аннотация. В статье автор анализирует отдельные вопросы правового регулирования права народов на самоопределение. Автор соотносит реализацию права на самоопределение с вопросами развития территорий, языковой сферы, идентичности в контексте поликультурного формирования. По мнению автора, важнейшей государственной задачей в плане реализации права народов на самоопределение является формирование такой концепции регионально-субъектного развития, когда население совместно с органами государственной власти будут определять «опорные точки» своего развития. Включаясь в поликультурную общность малочисленные народы должны иметь специальные конституционно-правовые гарантии защиты, особенно когда речь идет о добыче объектов животного мира.

Ключевые слова: право народов, самоопределение, законодательство, гарантии, органы государственной власти, культурное развитие, малочисленные народы.

Для цитирования: Набаталиев Д.И. К вопросу о праве народов на самоопределение: конституционно-правовые аспекты // Право и государственность. 2024. № 3 (4). С.51–54.

On the question of the right of peoples to self-determination: constitutional and legal aspects

D.I. Nabataliev

Ufa, Russian Federation

dozer95@mail.ru

Abstract. In the article, the author analyzes certain issues of legal regulation of the right of peoples to self-determination. The author correlates the realization of the right to self-determination with issues of territorial development, language sphere, identity in the context of multicultural formation. According to the author, the most important state task in terms of realizing the right of peoples to self-determination is the formation of such a concept of regional-subject development, when the population, together with state authorities, will determine the «reference points» of their development. Being included in the multicultural community, small peoples should have special constitutional and legal guarantees of protection, especially when it comes to the extraction of objects of the animal world.

Key words: the right of peoples, self-determination, legislation, guarantees, government bodies, cultural development, small peoples.

For citation: Nabataliev D.I. On the question of the right of peoples to self-determination: constitutional and legal aspects//Law and statehood. 2024. № 3 (4). P. 51–54.

Федеративное устройство России основано на самоопределении¹, что означает свободное развитие человека в социальном, экономическом и культурном отношениях. Принципы равноправия и самоопределения народов закреплены в Уставе ООН и других нормативных актах универсального права – в международном пакте о гражданских и политических правах (1966 г.), пакте

об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.). В данных международных правовых актах говорится о том, что все народы имеют право на самоопределение. В связи с самоопределением возникает множество вопросов. Анализируемое право возникает у народа или народов. Если народ, проживающий на территории конкретного государства, желает демократически само-

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 1. Ст. 4392.

определился, то исходя из юридической логики положений международных правовых актов, речь идет о форме или формах развития народа, народностей, в конечном итоге человека, проживающего на той или иной территории. Разумеется, для самоопределения должны быть выбраны политические формы избрания той или иной модели управления, самоуправления. Демократические формы волеизъявления являются самыми предпочтительными в контексте права народов на самоопределение. Исследователи вопроса о принципе народа на самоопределение связывают его, этот принцип с территориальным вопросом [1, с. 57], что правильно, поскольку самоопределение нужно связывать с определенной территорией государства. Как справедливо отмечает профессор В.А. Кряжков, образ жизни малочисленных народов неразрывно связан с землей, территориями исконного проживания [2, с. 22].

Оставаясь в составе государства в качестве субъекта Федерации и избирая для этого тот или иной вид автономии народ или народности тем самым выбирают свой путь развития. Политологи считают, что население Крыма имеет больше прав на самоопределение, чем было у Косово, так как на Украине произошел «крах государственности»¹. С позиции реализации права на самоопределение, очевидно, что люди выбирали безопасные условия и стабильное развитие общества в составе Российской Федерации. Конституция РФ не содержит положений о выходе субъектов из состава Федерации. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 13 марта 1992 г. № П-РЗ-1 определил: не отрицая права народа на самоопределение, осуществляемого посредством законного волеизъявления, следует исходить из того, что международное право ограничивает его соблюдением требований принципа территориальной целостности и принципа соблюдения прав человека².

Необходимо отметить, что одностороннее установление Республикой такого права означало бы признание правомерности полного или частичного нарушения территориального единства суверенного федеративного государства, что, вне всякого сомнения, повлияло бы на сохранение единства народов, которые населяют каждый субъект Федерации. В единстве и целостности народов формируется сила общества и государства, поэтому разрушение единства народов может нанести ущерб конституционному строю государства, а также обусловить конфликтные ситуации между представителями той или иной народности. Вместе с тем республики имеют право на постановку вопроса об изменении статуса по взаимному согласию с федеральным центром. Поскольку субъекты Федерации лучше знают ситуацию в своем регионе, они должны опираться на интересы народов, проживающих на соответствующей территории. С позиции Федерального закона Российской Федерации от 7 мая 2001 года № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», органы государственной власти субъектов Федерации должны обеспечивать защиту исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных народов; сохранение и развитие самобытной культуры малочисленных народов. Это означает, что важнейшей задачей в плане самоопределения народов является формирование такой концепции регионально-субъектного развития, когда население совместно с органами государственной власти будут определять «опорные точки» своего развития.

Согласно положениям Федерального закона Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» к коренным малочисленным

¹ Крым имеет больше прав на самоопределение // ТАСС. 2017. 6 нояб.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 13 марта 1992 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности Декларации о государственном суверенитете Татарской ССР от 30 августа 1990 года, Закона Татарской ССР от 18 апреля 1991 года «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Татарской ССР», Закона Татарской ССР от 29 ноября 1991 года «О референдуме Татарской ССР», постановления Верховного Совета Республики Татарстан от 21 февраля 1992 года «О проведении референдума Республики Татарстан по вопросу о государственном статусе Республики Татарстан». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1675704/> (дата обращения 11.06.2024).

народам относит народы, проживающие на территории традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционный образ жизни, хозяйствование и промыслы. Важно, что в данном законе в части реализации права народов на самоопределение установлено положение, согласно которому такие народы осознают себя самостоятельными этническими общностями. Такой подход дает возможность коренным малочисленным народам придерживаться своего пути развития, при этом, не отступая от поликультурных связей и образований. В этом плане сохраняются и традиционные связи «малых народов» и одновременно обеспечивается развитие государственно-правовых образований, которые выступают прочной опорой для сохранения культурной национальной идентичности. Вместе с тем в части реализации права на самоопределение для признания народа коренным малочисленным требуется включения его по представлению органа государственной власти субъекта Федерации, на территории которого он проживает, в Единый перечень коренных малочисленных народов, утверждаемый высшим исполнительным органом Российской Федерации. Данный законодательный подход вовсе не «умалывает» права народов на самоопределение, а скорее является гарантией сохранения и развития коренных малочисленных народов. В современных условиях народы не смогут обходиться без взаимных гарантий и поддержки государства. Необходимо отметить, что коренные малочисленные народы относятся к этническим группам с особым статусом т.к. включают в себя относительно небольшое количество населения. А это требует его защиты на государственном уровне публичного властвования, поскольку малочисленные этносы являются одновременно и народами, и национальными меньшинствами, и особыми этническими общностями. Именно это определяет особый правовой статус коренных малочисленных народов. Как справедливо отмечает О.Г. Морозова, статьи 68 и 69 Конституции

Российской Федерации гарантируют право на использование языка титульной нации субъекта и языков коренных малых народов, что позволяет рассматривать вопрос о самоопределении [3, с. 231].

Совершенно очевидно, что включаясь в поликультурную общность такие народы должны иметь специальные конституционно-правовые гарантии защиты, особенно когда речь идет о добыче объектов животного мира. Некоторые коллизии наблюдаются в Конституции Российской Федерации в вопросе разграничения предметов ведения между Российской Федерацией и субъектами по поводу реализации прав национальных меньшинств. Так пункт «в» ст. 71 Конституции Российской Федерации относит к ведению Российской Федерации регулирование и защиту прав и свобод человека и гражданина, регулирование и защиту прав национальных меньшинств. В свою очередь пункт «б» части 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации устанавливает, что в совместном ведении РФ и субъектов РФ находятся защита прав и свобод человека и гражданина; защита прав национальных меньшинств. Таким образом, защита прав национальных меньшинств одновременно относится и к исключительному и совместному ведению одновременно. Кроме того следует отметить, что право на исконную среду обитания и традиционный образ жизни малочисленных этнических общностей относится к правам человека вообще и правам национальных меньшинств в частности. На наш взгляд такой специальный конституционно-правовой режим регулирования защиты прав национальных меньшинств, свидетельствуют об особом отношении государства к этому вопросу. Между тем в соответствии со статьей 76 Конституции РФ законы субъектов Федерации могут приниматься только по предметам совместного ведения РФ и ее субъектов. Такой подход законодателя оставляет свободное поле для дискуссии по вопросу о праве народов на самоопределение.

Список литературы

1. Аль Али Насер Абдель Рахим. Принцип права народа на самоопределение и право на отделение в международном праве // Вестник Академии права и управления. 2018. № 1. С. 57-62.

2. Кряжков В.А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. – М.: норма, 2010. – 560 с.
3. Морозова О.Г. Конституционное и международное право российской федерации в трактовке принципа «права наций на самоопределение» // Теория и практика общественного развития. 2014. № 5. С. 229-231.

References

1. Al' Ali Naser Abdel' Rahim. Princip prava naroda na samoopredelenie i pravo na otdelenie v mezhdunarodnom prave // Vestnik Akademii prava i upravleniya. 2018. № 1. S. 57-62.
2. Kryazhkov V.A. Korennye malochislennye narody Severa v rossijskom prave. – М.: норма, 2010. – 560 с.
3. Morozova O.G. Konstitucionnoe i mezhdunarodnoe pravo rossijskoj federacii v traktovke principa «prava nacij na samoopredelenie» // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2014. № 5. S. 229-231.

Информация об авторе (авторах): Набаталиев Джамиль Иманович, соискатель ученой степени кандидата наук (450076, Россия, Уфа, ул. Коммунистическая, д. 22).

Information about the author (s): Nabataliev Jamil Imanovich, applicant for the degree of candidate of sciences (450076, Russia, Ufa, Kommunisticheskaya St., 22).

Статья поступила в редакцию 23.07.2024; одобрена после рецензирования 02.09.2024; принята к публикации 25.09.2024.

The article was submitted to the editorial office of the 23.07.2024; approved after 02.09.2024 review; accepted for publication 25.09.2024.

Административная ответственность несовершеннолетних: правовые коллизии

Д.Б. Миннигулова

Санкт-Петербургский университет МВД России

Санкт-Петербург, Российская Федерация

civilistmvd@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются отдельные дискуссионные аспекты административной ответственности несовершеннолетних. В материале отмечается, что в Российской Федерации сложилась система административной ответственности несовершеннолетних и нормативно-правовая база, регулирующая обозначенную сферу, что позволяет выделить специфические черты такой ответственности. По мнению автора, к таким особенностям относятся: специфические органы, рассматривающие административные правонарушения несовершеннолетних; отсутствие специальных административных наказаний для несовершеннолетних; особые возможности освобождения от административной ответственности; особый возраст административной ответственности для несовершеннолетних; специфический круг лиц, защищающий несовершеннолетних в производстве по делам об административных нарушениях. Автор предлагает закрепить принцип индивидуализации наказания в отношении несовершеннолетних лиц в общей части КоАП РФ, применять к несовершеннолетним лицам административную санкцию в виде обязательных работ вместо административного штрафа, снижение возраста административной ответственности до 14 лет, в качестве обязательных мер для несовершеннолетних лиц – правонарушителей закрепить меры воспитательного воздействия на них.

Ключевые слова: административная ответственность, несовершеннолетние, административные правонарушения, виды наказания, освобождение от наказания, возраст административной ответственности.

Для цитирования: Миннигулова Д.Б. Административная ответственность несовершеннолетних: правовые коллизии // Право и государственность. 2024. № 3 (4). С. 55–58.

Administrative responsibility of minors: legal collisions

D.B. Minnigulova

Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Saint-Petersburg, Russian Federation

civilistmvd@mail.ru

Abstract. The article analyzes some controversial aspects of the administrative responsibility of minors. The article notes that in the Russian Federation there is a system of administrative responsibility of minors and a regulatory framework governing the designated area, which allows us to identify the specific features of such responsibility. According to the author, such features include: specific bodies dealing with administrative offenses of minors; the absence of special administrative penalties for minors; special opportunities for exemption from administrative responsibility; a special age of administrative responsibility for minors; a specific circle of persons protecting minors in proceedings on administrative violations. The author proposes to consolidate the principle of individualization of punishment against minors in the general part of the Administrative Code of the Russian Federation, to apply administrative sanctions to minors by the form of compulsory work instead of an administrative fine, to reduce the age of administrative responsibility to 14 years, and to consolidate educational measures on minors as mandatory measures for offenders.

Keywords: administrative responsibility, minors, administrative offenses, types of punishment, exemption from punishment, age of administrative responsibility.

For citation: Minnigulova D.B. Administrative responsibility of minors: legal collision // Law and statehood. 2024. № 3 (4). P. 55–58.

Несовершеннолетние относятся к особым субъектам административной ответственности [1, с. 97]. Средства массовой информации все чаще размещают сообщения

о деструктивном поведении несовершеннолетних. Примерами могут послужить трагедии, произошедшие, к примеру, в Казани и Перми в 2021 году. В мае 2021 года «казан-

ский стрелок» совершил массовое убийство в гимназии¹; в сентябре того же года в Перми студент беспощадно расстрелял обучающихся и преподавателей, находящихся в университете²; в апреле 2023 года 16-летний подросток забил молотком 13-летнюю девочку в Санкт-Петербурге³ и т. д.

Согласно данным Росстата, в 2021 году количество выявленных несовершеннолетних, совершивших административные правонарушения, составило 198 900 человек, в 2022 году – 170 458, в 2023 году – 157 409⁴. Обозначенная редукция количества выявленных несовершеннолетних лиц, совершивших административные правонарушения, не умаляет сложности дифференциации административной ответственности такого особого субъекта, как несовершеннолетние.

В то же время спад количества административных правонарушений, совершенных несовершеннолетними, обусловлен тем, что указанные правонарушения, совершенные лицами от 14 до 16 лет, не фиксируются. Фактически количество таких несовершеннолетних было бы выше при условии регистрации административных правонарушений, совершенных лицами, не достигшими 16 лет [2, с. 58]. Эти факты не могут не вызывать опасения со стороны общества за подрастающее поколение.

Несмотря на то, что в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях⁵ (далее – КоАП РФ) присутствует несколько статей, где субъектами ответственности выступают исключительно несовершеннолетние граждане, привлечение их к подобной ответственности требует четкой регламентации, поэтому нуждается в совершенствовании. Так, к примеру, в проекте КоАП РФ от 30 января 2020 года⁶, выделена специальная глава, которая регламентирует особенности административной ответственности несовершеннолетних.

Тем не менее она вызывает дискуссии административистов, так как остается несовершенной.

Административная ответственность представляет собой вид государственного принуждения, выражающийся в применении административного наказания к субъектам права, совершившим административное правонарушение, виновность которых была установлена в процессе производства по делам об административных правонарушениях. Порядок применения административной ответственности формируется в соответствии с ее системой принципов. Законодательно закреплены субъекты административной ответственности, к ним относятся физические и юридические лица. Отдельные виды административной ответственности (должностных лиц, военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, и лиц, имеющих специальные звания, иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц, собственников транспортных средств, собственников или иных владельцев земельных участков либо других объектов недвижимости) регламентированы соответствующими статьями КоАП РФ.

В Российской Федерации сложилась система административной ответственности несовершеннолетних, нормативно-правовая база, регулирующая правоотношения несовершеннолетних в сфере административных правонарушений, что позволяет выделить специфические черты такой ответственности:

1. К административной ответственности несовершеннолетних привлекают особые органы (ст. 23.2 КоАП РФ). Дела об административных правонарушениях, совершенных несовершеннолетними, рассматривают районные (городские), районные в городах комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав по месту их жительства. К примеру, в случаях совершения несовер-

¹ «Казанский стрелок» Ильназ Галябиев // РБК. URL: <https://rt.rbc.ru> (дата обращения: 30.08.2024).

² Стрельба в университете в Перми // РБК. URL: <https://www.rbc.ru> (дата обращения: 30.08.2024).

³ Рождественский Д. «Вырву волосы и выпущу кишки»: что известно о школьнике-блогере, который зверски убил на камеру 13-летнюю девочку / Дмитрий Рождественский // Комсомольская правда. 2023. 3 мая. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/27498/4757727/> (дата обращения: 30.08.2024).

⁴ Количество выявленных несовершеннолетних, совершивших административные правонарушения // ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/36187> (дата обращения: 30.08.2024).

⁵ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сентября 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ст. 1.

⁶ Проект «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/01-20/00099059) (текст по состоянию на 30 августа 2024 г.).

шеннолетним правонарушения в области дорожного движения (гл. 12 КоАП РФ), а также правонарушений, предусмотренных ст. 11.18 КоАП РФ, дела указанной категории могут быть рассмотрены комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав лишь постольку, поскольку орган или должностное лицо передает (в установленном порядке) дело об административном правонарушении указанным комиссиям¹.

2. Законом не предусмотрено специальных видов наказания, применяемых только к несовершеннолетним, но закреплены некоторые особенности. Так, несовершеннолетним не может быть назначено административное наказание в виде административного ареста. Чаще всего к ним применяются такие виды наказаний, как предупреждение и штраф. При этом сумма административного штрафа взыскивается с самого несовершеннолетнего правонарушителя, а при отсутствии у него самостоятельного заработка – с его родителей, иных законных представителей².

3. В соответствии со ст. 2.3. КоАП РФ привлечение к административной ответственности несовершеннолетних возможно только после достижения несовершеннолетним 16-летнего возраста.

4. Несовершеннолетние граждане, достигшие 16-летнего возраста, могут быть освобождены от административного наказания с применением к ним мер воспитательного характера, предусмотренных федеральным законодательством о защите прав несовершеннолетних, с учетом конкретных обстоятельств дела и данных о личности несовершеннолетнего. К примеру, при малозначительности совершенного административного правонарушения (ст. 2.9 КоАП РФ) комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав может освободить несовершеннолетнего от административной ответственности и ограничиться устным замечанием. Совершение административного правонарушения несовершеннолетним ст. 4.2 КоАП РФ само по себе отнесено к обстоя-

тельствам, смягчающим административную ответственность³.

5. Защиту прав и законных интересов физического лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, осуществляют его родители, иные законные представители (прокурор, представители воспитательных и учебных заведений, иных органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в целях всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств дела и разрешения его в соответствии с законом), примерами могут служить ст. 25.3, 29.7, 25.11 КоАП РФ.

Анализ судебной и административной практики позволяет сделать следующие предложения по устранению существующих коллизий.

1. Целесообразно закрепить принцип индивидуализации наказания в отношении несовершеннолетних лиц в общей части КоАП РФ, предусматривающий также единый порядок освобождения последних от административной ответственности с применением в их отношении мер воспитательного воздействия.

2. Применять к несовершеннолетним лицам административную санкцию в виде обязательных работ вместо административного штрафа.

3. Предусмотреть в качестве обязательных для несовершеннолетних правонарушителей меры воспитательного воздействия: профилактическую беседу для разъяснения норм действующего законодательства, ограничений и запретов, которые они нарушили, социальных и правовых последствий продолжения антиобщественного поведения и т. д.

4. Рассмотреть возможность повышения порога административной ответственности до 14 лет. Данное положение показало свою целесообразность в практике регулирования привлечения несовершеннолетних к административной ответственности. Так, законодатель Республики Беларусь закрепил

¹ Особенности привлечения к административной ответственности несовершеннолетних // Официальный сайт администрации муниципального образования «Черняховский муниципальный округ Калининградской области». URL: <https://che.gov39.ru/poleznaya-informatsiya/3261/> (дата обращения: 30.08.2024).

² Соблюдение прав несовершеннолетних при привлечении их к административной ответственности. URL: <https://che.gov39.ru/poleznaya-informatsiya/3261/> (дата обращения: 30.08.2024).

³ Соблюдение прав несовершеннолетних при привлечении их к административной ответственности. URL: https://советский43.рф/prokuratura/obshh/?ELEMENT_ID=19431 (дата обращения: 30.08.2024).

в кодифицированный акт, регулирующий административные правонарушения, строго установленный перечень, состоящий из 16 деликтов, за совершение которых административная ответственность наступает с 14 лет (ч. 2 ст. 4.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях¹).

На наш взгляд, уже в возрасте 14-ти лет подросток отдает отчет своим поступкам, он в состоянии оценить негативный характер своих противоправных действий, а также принять и оценить неблагоприятные последствия, наступающие в случае привлечения к уголовной ответственности. Более того, физические возможности ребенка, достигшего 14-летнего возраста, позволяют ему совершать деяния, признаваемые административными правонарушениями. Уровень восприятия мира подростками, достигшими возраста 14 лет, несмотря на то, что он еще не является оформившимся,

требует возможности применения к ним мер административной ответственности. Ответственность несовершеннолетних, достигших возраста 14 лет, по иным статьям КоАП РФ представляется оправданной с той точки зрения, что уровень жестокости детей в современном мире существенным образом возрос, в то время как уровень ответственности остался прежним. Тем более что уголовное законодательство допускает привлечение лиц, достигших возраста 14 лет, к уголовной ответственности за совершенные ими преступления.

Полагаем, что вышеуказанные пути совершенствования правового регулирования привлечения несовершеннолетних к административной ответственности будут способствовать проведению более эффективной предупредительной деятельности в сфере криминализации несовершеннолетних и позволит снизить уровень совершаемых ими административных правонарушений.

Список литературы

1. Административное право. Общая часть : учебно-методическое пособие / А.А. Мамедов, Е.И. Маторина, Д.Н. Палагин; под ред. А.Ю. Соколова; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». 2-е изд., испр. и доп. Саратов : ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2018. – 108 с.
2. Арсланбекова А.З. Проблемы применения административных наказаний к несовершеннолетним // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2019. № 3. С. 57–61.

References

1. *Administrativnoe pravo. Obshchaya chast'* : *uchebno-metodicheskoe posobie* / A.A. Mamedov, E.I. Matorina, D.N. Palagin; pod red. A.Yu. Sokolova; FGBOU VO «Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya». 2-e izd., ispr. i dop. Saratov : FGBOU VO «Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya», 2018. – 108 s.
2. Arslanbekova A.Z. *Problemy primeneniya administrativnyh nakazaniy k nesovershennoletnim* // *Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019. № 3. S. 57–61.

Информация об авторе (авторах): Миннигулова Динара Борисовна, профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД России» (198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1), доктор юридических наук, доцент.

Information about the author(s): Minnigulova Dinara Borisovna, Professor of the Department of Civil Law and Civil Procedure of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (198206, St. Petersburg, Pilyutova Str., 1), Doctor of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 14.08.2024; одобрена после рецензирования 06.09.2024; принята к публикации 25.09.2024.

The article was submitted to the editorial office of the 14.08.2024; approved after 06.09.2024 review; accepted for publication 25.09.2024.

¹ Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 21 апреля 2013 г. № 194-3 // Официальный сайт Национального правового Интернет-портала Республики Беларусь. URL: <http://www.pravo.by> (дата обращения: 25.08.2024).

УДК 342.951

DOI: 10.70569/2949-5725.2024.4.3.009

Нарушение законодательства о рекламе: проблемные аспекты

С.М. Рукавишников

Саратовская государственная юридическая академия,

Саратов, Российская Федерация

s.rukavishnikov2013@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с привлечением к административной ответственности за нарушение законодательства о рекламе. Актуальность проведения исследования обусловлена наличием проблем, возникающих при привлечении лиц к административной ответственности в отдельных сферах деятельности. Проведенный анализ правовых норм общей части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и составов административных правонарушений, связанных с нарушением законодательства о рекламе, закрепленных за антимонопольным органом, дает основание выделить проблему возможности повторного привлечения лица к административной ответственности за совершение одного и того же правонарушения. По результатам проведенного исследования предлагается внесение изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, направленных на устранение недостатков правовых норм, не учитывающих особенности привлечения лиц к административной ответственности за нарушение законодательства о рекламе.

Ключевые слова: административная ответственность, антимонопольный орган, государственный контроль, (надзор) в сфере рекламы, интернет, сайт.

Для цитирования: Рукавишников С.М. Нарушение законодательства о рекламе: проблемные аспекты // Право и государственность. 2024. № 3 (4). С. 59–63.

Violation of advertising legislation: problematic aspects

S.M. Rukavishnikov

Saratov State Law Academy,

Saratov, Russian Federation

s.rukavishnikov2013@yandex.ru

Abstract. The article considers problematic issues related to bringing to administrative responsibility for violation of legislation on advertising. The relevance of the study is conditioned by the presence of problems arising in bringing persons to administrative responsibility in certain spheres of activity. The conducted analysis of legal norms of the general part of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation and compositions of administrative offenses related to violation of legislation on advertising, assigned to the antimonopoly authority, gives reason to highlight the problem of the possibility of repeated bringing a person to administrative responsibility for committing the same offense. According to the results of the conducted research it is proposed to introduce amendments to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, aimed at eliminating the shortcomings of legal norms that do not take into account the peculiarities of bringing persons to administrative responsibility for violation of legislation on advertising.

Keywords: administrative responsibility, antimonopoly authority, state control, (supervision) in the sphere of advertising, Internet, website.

For citation: Rukavishnikov S.M. Violation of advertising legislation: problematic aspects // Law and statehood. 2024. № 3 (4). P. 59–63.

Основу российской системы законодательства, регламентирующего отношения в сфере рекламы, составляет Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» (далее – ФЗ о рекламе)¹. Указанное

положение вытекает из содержания правовой нормы, закрепленной в ст. 4 ФЗ о рекламе, согласно которой законодательство Российской Федерации о рекламе состоит из данного федерального закона. Именно

¹ О рекламе : федеральный закон Российской Федерации от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ (в ред. от 23 апреля 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 12. Ст. 1232; 2024. № 18. Ст. 2411.

в ФЗ о рекламе определены основные понятия, используемые в рекламной сфере (реклама, объект рекламирования, рекламодатель, рекламопроизводитель, рекламораспространитель и другие), установлены требования, предъявляемые к рекламе, особенности отдельных способов распространения рекламы, особенности рекламы отдельных видов товаров. При этом нормы законодательства о рекламе подвергаются постоянным корректировкам. Так, с момента принятия ФЗ о рекламе в 2006 г. по состоянию на 1 июля 2024 г. в него были внесены различные изменения и дополнения 89 федеральными законами, в том числе 6 – в 2022 г., 4 – в 2023 г. и 3 – в первом полугодии 2024 г. Например, изначальная норма в п. 3 ч. 5 ст. 5 ФЗ о рекламе, содержащая запрет демонстрации процессов курения и потребления алкогольной продукции, а также пива и напитков, изготавливаемых на его основе, была изменена законодателем три раза. После первого изменения норма устанавливала запрет демонстрации процессов курения и потребления алкогольной продукции¹, второго – запрет демонстрации процессов курения табака или потребления никотинсодержащей продукции и потребления алкогольной продукции², текущая редакция запрещает демонстрацию процессов курения табака или потребления никотинсодержащей продукции, в том числе с использованием устройств для потребле-

ния никотинсодержащей продукции, и потребления алкогольной продукции³.

В качестве примера внесения дополнений можно привести закрепление в 2018 г. в ст. 7 ФЗ о рекламе пункта, не допускающего рекламу услуг по подготовке и написанию выпускных квалификационных работ, научных докладов об основных результатах подготовленных научно-квалификационных работ (диссертаций) и иных работ, предусмотренных государственной системой научной аттестации или необходимых для прохождения обучающимися промежуточной или итоговой аттестации (п. 10 ст. 7 ФЗ о рекламе)⁴. В последнее время ФЗ о рекламе дополняется нормами, регулирующими распространение рекламы в информационно-телекоммуникационной сети Интернет⁵.

Появление новых норм или изменение действующих обуславливает необходимость правильного трактования и применения современных положений ФЗ о рекламе, что может являться проблемой для субъектов рыночных отношений и выступать одной из причин нарушения требований законодательства о рекламе. Отмечается, что наибольшее количество нарушений приходится на случаи рекламы при распространении по сетям электросвязи (31,4 % от всех выявленных нарушений в 2023 г., 31,9 % – в 2022 г.)⁶. Представляется, что участникам рекламного рынка важно знать

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу Федерального закона «Об ограничениях розничной продажи и потребления (распития) пива и напитков, изготавливаемых на его основе» : федеральный закон Российской Федерации от 18 июля 2011 г. № 218-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 30 (ч. 1). Ст. 4566.

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу охраны здоровья граждан от последствий потребления никотинсодержащей продукции : федеральный закон Российской Федерации от 31 июля 2020 г. № 303-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5062.

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 178-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 18. Ст. 3255.

⁴ О внесении изменения в статью 7 Федерального закона «О рекламе» : федеральный закон Российской Федерации от 30 октября 2018 г. № 383-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 45. Ст. 6838.

⁵ О внесении изменений в Федеральный закон «О рекламе» : федеральный закон Российской Федерации от 30 апреля 2021 г. № 124-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 18. Ст. 3068; О внесении изменений в Федеральный закон «О рекламе» : федеральный закон Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 347-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. 1). Ст. 5175; О внесении изменений в статью 27 Федерального закона «О рекламе» : федеральный закон Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 232-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 27. Ст. 4633; О внесении изменений в статью 11 Федерального закона «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 11 марта 2024 г. № 42-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 12. Ст. 1566 и др.

⁶ Доклад по итогам обобщения правоприменительной практики осуществления антимонопольными органами государственного надзора в сфере рекламы за 2023 год // Официальный сайт ФАС России. URL: https://fas.gov.ru/pages/rezultati_raboti_v_reklame (дата обращения: 12.07.2024).

и учитывать позицию органа, осуществляющего государственный контроль (надзор) в сфере рекламы. Указанным органом в соответствии со ст. 35.1 ФЗ о рекламе является антимонопольный орган. Таким образом, федеральный государственный контроль (надзор) в сфере рекламы относится к компетенции Федеральной антимонопольной службы (далее также – ФАС России, антимонопольный орган).

За нарушение требований, установленных в ФЗ о рекламе, виновные лица подлежат привлечению к административной ответственности. Вопросы привлечения к административной ответственности за нарушение законодательства о рекламе рассматривались многими авторами [1–4]. В частности, А.С. Киселевым, С.В. Ледашевым, А.М. Петровым исследовались проблемы привлечения к административной ответственности за рекламу услуг по подготовке и написанию работ, предусмотренных государственной системой научной аттестации [2]. Нельзя не согласиться с позицией указанных авторов о сложности доказывания перехода грани между помощью в подготовке такой работы и написанием ее вместо обучающегося. Кроме того, необходимо доказать, что на размещенную лицом информацию распространяются положения ФЗ о рекламе.

Антимонопольный орган в течение многих лет разъяснял свою официальную позицию по вопросам применения законодательства в сфере рекламы, издавая письма, однако указанные разъяснения были признаны недействующими в 2022 г.¹ В настоящее время разъяснения органа контроля (надзора) в сфере законодательства о рекламе размещаются на официальном сайте ФАС России по адресу: <https://fas.gov.ru/>, в 2023 г. антимонопольным органом утверждены руководства по соблюдению обязательных требований в сфере рекламы.² Например, размещенная на официальном

сайте ФАС России позиция правоприменителя, посвященная ответу на вопрос «Что не будет рекламой в интернете?», содержит следующее разъяснение: «информация о своих товарах, акциях, новостях компании на своем сайте и в соцсетях в обычном, едином стиле»³. Таким образом, по мнению антимонопольного органа, информация об оказании услуг по консультированию обучающихся в написании научных работ, размещенная лицом на своем сайте, рекламой не является. Однако рекламодатели часто используют собственные технические средства, с помощью которых распространение рекламы осуществляется на стороннем сайте. В этом случае возникает проблема, связанная с количеством раз привлечения лица к административной ответственности за нарушение законодательства о рекламе, поскольку данный субъект может совершить одни запрещенные ФЗ о рекламе действия как рекламодатель, а другие – как рекламораспространитель.

Проблема, связанная с возможностью повторного привлечения лица к административной ответственности за совершение одного и того же правонарушения, остается по-прежнему актуальной и находит свое освещение в работах ученых Саратовской научной школы административного права. Так, А.Ю. Соколов отмечает, что «текущее состояние административно-деликтного законодательства значительно снижает конституционные гарантии соблюдения принципа недопустимости двойной ответственности лица за одно и то же деяние, предусматривая возможность вынесения постановления о назначении административного наказания за правонарушение с теми же фактическими обстоятельствами, в связи с которыми ранее ему уже было назначено административное наказание» [5, с. 452]. Рассмотрим вышеуказанную проблему, выделив особенности привлечения лиц к административной ответственности

¹ О направлении информации : письмо ФАС России от 2 декабря 2022 г. № МП/109196-ПП/22 // Официальный сайт ФАС России. URL: <https://fas.gov.ru/documents/688720> (дата обращения: 12.07.2024).

² Об утверждении руководства по соблюдению обязательных требований «Понятие рекламы» : приказ ФАС России от 14 ноября 2023 г. № 821/23; Об утверждении руководств по соблюдению обязательных требований в сфере рекламы : приказ ФАС России от 28 декабря 2023 г. № 1079/23 // Официальный сайт ФАС России. URL: https://fas.gov.ru/pages/obyazatel_trebovaniya (дата обращения: 12.07.2024).

³ Примеры рекламы в интернете, подлежащей маркировке // Официальный сайт ФАС России. URL: <https://fas.gov.ru/pages/primery-reklamy-v-internete-podlezhaschey-markirovke> (дата обращения: 12.07.2024).

за нарушение законодательства о рекламе.

Особенностью ряда дел об административных правонарушениях в сфере рекламы является ситуация, когда рекламодателем, рекламопроизводителем и рекламораспространителем одновременно может являться одно и то же лицо. При этом законодательство возлагает на вышеперечисленных субъектов ответственность за соблюдение разных требований. Так, рекламодатель несет ответственность за нарушение требований, перечисленных в ч. 6 ст. 38 ФЗ о рекламе, рекламораспространитель – за нарушение требований, перечисленных в ч. 7 ст. 38 ФЗ о рекламе, а рекламопроизводитель привлекается к ответственности в случае, если будет доказано, что нарушение требований, указанных в ч. 6 и 7 ст. 38 ФЗ о рекламе, произошло по его вине. Вместе с тем в соответствии с ч. 1 ст. 4.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях¹ (далее – КоАП РФ) при совершении лицом двух и более административных правонарушений административное наказание назначается за каждое совершенное административное правонарушение,

за исключением случаев, предусмотренных ч. 5 и 6 ст. 4.4 КоАП РФ.

Проведенный анализ правовых норм общей части КоАП РФ и составов административных правонарушений, связанных с нарушением законодательства о рекламе, закрепленных за антимонопольным органом (ч. 1–14 ст. 14.3, ч. 4 и 5 ст. 14.3.1, ч. 1, 3–5 ст. 14.38, ст. 19.31 КоАП РФ), свидетельствует об отсутствии в КоАП РФ запрета двойного привлечения лица к административной ответственности за нарушение законодательства о рекламе. В свете изложенного в качестве одного из возможных вариантов решения рассматриваемой проблемы предлагается закрепить в КоАП РФ положение о том, что если при назначении административного наказания за нарушение законодательства о рекламе специальный субъект, совершивший правонарушение, выступает в отношении одной и той же рекламы рекламодателем, рекламопроизводителем и рекламораспространителем, то за соответствующее правонарушение он не подлежит привлечению к административной ответственности повторно.

Список литературы

1. Ермакова И.В. Защита прав потребителей от недобросовестной сетевой рекламы: некоторые теоретические и практические аспекты // Юридические исследования. 2021. № 7. С. 29–47.
2. Киселев А.С., Ледащев С.В., Петров А.М. Актуальные проблемы привлечения к административной ответственности за рекламу услуг по подготовке и написанию работ..., предусмотренных государственной системой научной аттестации // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76. № 2 (195). С. 46–55.
3. Логинов А.Н. Некоторые особенности административной ответственности за нарушение законодательства о рекламе в сети «Интернет» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 3. С. 94–100.
4. Лукина А.Н. Административная ответственность за нарушение законодательства Российской Федерации о рекламе // Право и государство: теория и практика. 2019. № 4 (172). С. 110–112.
5. Соколов А.Ю. О некоторых вопросах реализации принципа недопустимости двойной ответственности в производстве по делам об административных правонарушениях // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 марта 2023 года / под общей редакцией А.И. Каплунова, сост.: А.И. Каплунов, А.О. Дрозд, Н.М. Крамаренко, Э.Х. Мамедов. СПб. : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. С. 444–452.

References

1. Ermakova I.V. Zashchita prav potrebitel'ej ot nedobrosovestnoj setevoj reklamy: nekotorye teoreticheskie i prakticheskie aspekty // Yuridicheskie issledovaniya. 2021. № 7. S. 29–47.
2. Kiselev A.S., Ledashchev S.V., Petrov A.M. Aktual'nye problemy privlecheniya k administrativnoj otvetstvennosti za reklamu uslug po podgotovke i napisaniyu rabot..., predusmotrennyh gosudarstvennoj sistemoy nauchnoj attestacii // Lex Russica (Russkij zakon). 2023. T. 76. № 2 (195). S. 46–55.

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 22 июня 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст.1; 2024. № 26. Ст. 3554.

3. Loginov A.N. Nekotorye osobennosti administrativnoj otvetstvennosti za narushenie zakonodatel'stva o reklame v seti «Internet» // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2019. № 3. S. 94–100.
4. Lukina A.N. Administrativnaya otvetstvennost' za narushenie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii o reklame // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2019. № 4 (172). S. 110–112.
5. Sokolov A.Yu. O nekotoryh voprosah realizacii principa nedopustimosti dvojnoj otvetstvennosti v proizvodstve po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah // Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-processual'nogo prava (Sorokinskie chteniya) : sbornik statej po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Sankt-Peterburg, 24 marta 2023 goda / pod obshchej redakciej A.I. Kaplunova, sost.: A.I. Kaplunov, A.O. Drozd, N.M. Kramarenko, E.H. Mamedov. SPb. : Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii, 2023. S. 444–452.

Информация об авторе (авторах): Рукавишников Сергей Михайлович, старший преподаватель кафедры административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина Саратовской государственной юридической академии, соискатель ученой степени (410056, Россия, Саратов, ул. Чернышевского, 104, стр. 1).

Information about the author(s): Rukavishnikov Sergey Mikhailovich, Senior lecturer of the Department of Administrative and Municipal Law named after Professor Vassily Mikhailovich Manokhin of Saratov State Law Academy, Applicant of science degree (410056, Russia, Saratov, Chernyshevsky, 104, Str. 1).

Статья поступила в редакцию 20.07.2024; одобрена после рецензирования 17.08.2024; принята к публикации 25.09.2024.

The article was submitted to the editorial office of the 20.07.2024; approved after 17.08.2024 review; accepted for publication 25.09.2024.

Продовольственная безопасность как особая составляющая национальной безопасности

Н.В. Галицкая

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

Санкт-Петербург, Российская Федерация

ngalitskaya@hse.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы обеспечения продовольственной безопасности России, выявляется связь национальной и продовольственной безопасности. Анализируются законы, регулирующие данную сферу. Исследуются сложности выявления фальсификации продуктов питания, которая является препятствием на пути к обеспечению продовольственной безопасности. Выявляются пробелы в законодательстве, делаются предложения по закреплению системы продовольственной безопасности, а также продовольственной безопасности как вида безопасности в Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности».

Ключевые слова: продовольственная безопасность, национальная безопасность, фальсификация пищевых продуктов, Россельхознадзор, Роспотребнадзор.

Для цитирования: Галицкая Н.В. Продовольственная безопасность как особая составляющая национальной безопасности // Право и государственность. 2024. № 3 (4). С. 64–69.

Food security as a special component of national security

N.V. Galitskaya

National Research University

«Higher School of Economics»,

Saint Petersburg, Russian Federation

ngalitskaya@hse.ru

Abstract. The article examines the issues of ensuring food security in Russia, reveals the connection between national and food security. The laws governing this area are analyzed. The difficulties of detecting food adulteration, which is an obstacle to ensuring food security, are investigated. Gaps in legislation are being identified, proposals are being made to consolidate the food security system, as well as food security, as a type of security in the Federal Law dated 28.12.2010 No. 390-FZ «On Security».

Keywords: food safety, national security, food adulteration, Rosselkhoznadzor, Rospotrebnadzor.

For citation: Galitskaya N.V. Food security as a special component of national security // Law and statehood. 2024. № 3 (4). P. 64–69.

На современном этапе продовольственная безопасность как особая составляющая национальной безопасности приобретает все большее государственное и общественное значение. Ее глобальное воздействие на российскую экономику диктует новые подходы для определения ключевых аспектов развития деятельности, направленной на производство качественных и безопасных продуктов питания. Бесперебойное снабжение населения продовольствием уже давно стало ключевой задачей органов государственного и муниципального управления. Решение стоящих перед совре-

менным обществом проблем обеспечения населения качественными и натуральными продуктами питания, формирование условий для конкурентной способности отечественных товаропроизводителей, обеспечение их отвечающим необходимым требованиям сырьем, создание прочных основ продовольственной независимости, надлежащая организация своевременной доставки продовольствия в отдаленные регионы нашей страны зависят от слаженности государственного аппарата, который, с одной стороны, должен формировать и реализовывать механизмы различной

поддержки предпринимательства, а с другой – предотвращать злоупотребления и пресекать правонарушения в данной сфере. Анализируемые аспекты тесно связаны с экономическими показателями развития государства, которые определяют возможность формировать долгосрочные стратегии поэтапного улучшения качества жизни населения.

Необходимо отметить, что корни обеспечения продовольственной безопасности заложены в отдельных статьях Конституции Российской Федерации, тем не менее нет специфической нормы, которая непосредственно была бы посвящена административно-правовому обеспечению анализируемой сферы. При этом данный контекст прослеживается в ряде статей, имеющих важнейшее значение для жизнедеятельности государства. В Конституции Российской Федерации и принятом в ее развитии законодательстве отражены гарантии обеспечения безопасности личности, общества и государства, а личная безопасность выступает элементом национальной безопасности, включающей в себя безопасность общества и государства [1, с. 433]. В конституциях некоторых стран закреплена обязанность беречь свое здоровье (например, Конституция Монголии). В России данная обязанность содержится в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹. По мнению М.В. Преснякова, государство не имеет право вмешиваться в пищевые привычки граждан, несмотря на их прямое влияние на здоровье людей, а обязанность заботиться о своем здоровье не подкреплена никакой санкцией [2, с. 28]. Однако обязанность заботиться о здоровье граждан лежит не только на населении, но и на государстве. В этой связи архиважно бороться с контрафактными продуктами

питания, представляющими опасность для здоровья людей.

Российская Федерация активно поддерживает внутренний рынок и защищает отечественных производителей [3, с. 363]. Тем не менее государство должно контролировать и качество производимых ими продовольственных товаров. В настоящее время фальсификации подвержены практически все пищевые продукты. Так, инспекторами Россельхознадзора в 2021 г. в результате проверок были выявлены нарушения более чем в 13 % проверенной молочной продукции. Результаты лабораторных исследований 12 028 проб молочной продукции и молока показали, что 1 575 (13,09 %) проб не соответствовали заявленному производителем качественному составу, т. е. были фальсифицированы². В 2022 г. сотрудниками Роспотребнадзора на ГИР ЗПП (государственный информационный ресурс в сфере защиты прав потребителей) внесены сведения о 5 772 партиях выявленной сфальсифицированной пищевой продукции³. По результатам итогового отчета Россельхознадзора за 2023 г. снижения фальсифицированной продукции не наблюдается. Инспекторы выявили 5 наиболее распространенных видов нарушений. Это несоответствие объема и типа сырья объему и типу произведенной продукции, отсутствие информации о сырье, незаконное изменение сроков годности товаров, изменение объемов продуктов с помощью функции инвентаризации⁴. Поскольку существует запрет на проведение проверок и Россельхознадзор не штрафует и не приостанавливает деятельность организаций-нарушителей, ситуацию пока не удается преломить. А.Ю. Соколов справедливо предлагает с осторожностью относиться к послаблениям в контрольно-надзорной деятельности государства, поскольку отсут-

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.

² Россельхознадзор выявил нарушения в 13 % проверенной молочной продукции // ТАСС. 2022. 23 марта. URL: <https://tass.ru/ekonomika/14160845> (дата обращения: 12.07.2024).

³ Несоответствующая продукция, выявленная Роспотребнадзором в 2022 году // Портал пищевой промышленности «Foodsmi». 2023. 16 января. URL: <https://foodsmi.com/statistika-i-issledovaniya-nesootvetstvuyushchaya-produktsiya-vyyavlennaya-gospotrebnadzorom-v-2022-godu/> (дата обращения: 12.07.2024).

⁴ Итоговый доклад об основных результатах деятельности Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору за 2023 год // Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору (Россельхознадзор). URL: <https://fsvps.gov.ru/files/itogovyy-doklad-ob-osnovnyh-rezultatah-deyatelnosti-federalnoj-sluzhby-po-veterinarnomu-i-fitosanitarnomu-nadzoru-za-2023-god/?ysclid=lx9dzsq3i526467367> (дата обращения: 12.07.2024).

ствие давления на бизнес не должно мешать осуществлению дисциплины и законности в вопросах обеспечения продовольственной безопасности [4, с. 434].

Органами Роспотребнадзора отмечается, что наибольшая доля фальсификата выявляется при проведении проверки реализуемых молока и молочной продукции – 6 %, консервов – 7 %, мясной продукции – 4,1 %, птицы – 2,6 %; рыбы и рыбных продуктов – 5,4 %¹. Однако по данным компетентных специалистов доля фальсификата на рынках и в магазинах гораздо выше. В настоящее время уместно говорить о повсеместном введении в заблуждение покупателя. В 2022 г. выявлено порядка 36 % фальсифицированной молокосодержащей продукции. По-прежнему пользуется популярностью разбавление молочных продуктов крахмалом, а также сухим молоком. Несколько выше подделки продуктов питания, содержащих переработанное мясо, – 40 %. Экспертами в реализуемом мясном товаре выявлены не заявленные на этикетках компоненты, такие как соя, коллагеновый белок, свиная и куриная шкурка, каррагинан и другие². Пробелы и противоречия в законодательстве, а также частые поправки и изменения затрудняют понимание и соблюдение законов [5, с. 206].

Стратегия развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 г.³ говорит об активном использовании импортной продовольственной продукции в отдельных направлениях. Так, производство пищевого яйца осуществляется с использованием птицы 9 кроссов, из которых 2 являются отечественной селекции (имеются в полном комплекте) и 6 – зарубежной селекции (с разным объемом поголовья исходных, прародительских и родительских форм). В молочном скотоводстве ежегодный импорт – 35–50 тыс. голов (93 % – голштинская порода, для комплектования производственных мощностей в рамках

инвестпроектов). Для воспроизводства молочного скота осуществляется производство семени быков-производителей внутри страны (7,3 млн доз) и его поставка из-за рубежа (4,8 млн доз, 99 % голштинской породы). Производство мяса птицы (бройлеров) в России осуществляется за счет использования собственного инкубационного яйца, а также импортируемого финального гибрида (доля использования которого имеет тенденцию снижения). Поставщиками же генетического материала являются 2 ведущие транснациональные компании, которые сопровождают технологии выращивания и содержания поставляемой птицы.

Экономики стран постепенно становятся цифровыми, а бизнес-процессы – все более инновационными [6, с. 267]. Тем не менее проблемы остаются прежними. Так, на всемирной выставке «ЭКСПО-2020» в Дубае была обозначена проблема мирового масштаба, связанная с несбалансированным между странами ростом населения на планете и отсутствием продовольственных ресурсов, способных обеспечить гармоничный рост подрастающего поколения. В связи с этим была заявлена необходимость скорейшего снижения себестоимости пищевого сырья и его переработки. Как отмечают ученые, это благая идея, направленная на развитие конкуренции, формирование многопрофильных рынков сбыта продуктов питания, поддержание активного спроса на них, а также внедрение инновационных технологий в пищевую промышленность.

Между тем снижение в нашей стране покупательской способности в отношении натуральных продуктов питания ежедневного потребления, таких как молоко, мясо и рыба, обусловленное нестабильным курсом рубля, введенными в 2014 г. экономическими санкциями, нереализованными проектами импортозамещения, ростом стоимости жизни в городах в денежном выражении, породило новое явление – развитие сетей продуктовых

¹ Сколько фальсификата на российском рынке? // Росконтроль. 2020. 28 февраля. URL: <https://roscontrol.com/journal/news/skolko-falsifikata-na-rossiyskom-rinke/> (дата обращения: 12.07.2024).

² Фальсификат продукции: что, где и кто отвечает? // Росконтроль. 2022. 18 марта. URL: <https://roscontrol.com/journal/articles/falsifikat-produktsii-cto-gde-i-kto-otvechaet/> (дата обращения: 12.07.2024).

³ Об утверждении Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 сентября 2022 г. № 2567-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 38. Ст. 6481.

дискаунтеров, реализующих продукты питания по заниженным ценам. В настоящее время в России действуют сети так называемых магазинов для бедных – «Чижик», «Светофор», «Маяк», «Доброцен», которые активно развиваются и создают серьезную конкуренцию фермерским рынкам, магазинам, реализующим товары от производителя. Ранее взаимодействие товаропроизводителей, поставщиков и торговых сетей шло по классической схеме, при которой торговые сети брали фактически на реализацию поставляемые им продукты питания, формировали ценовое предложение, исходя из перспектив продажи. Однако теперь ситуация изменилась. Обозначенные ценовые дискаунтеры сами создают производителей, которые поставляют товары исключительно им. При такой схеме товарооборота торговая сеть определяет форму и содержание продукции, создает ее упаковку, устанавливает закупочную цену, а также контролирует процесс ее производства и доставки в магазины¹.

Представляется, что подобное явление есть ожидаемая реакция экономического общества на показатели спроса со стороны населения на продукты. С одной стороны, недостаточность участия государства в мероприятиях, направленных на повышение процента продаж именно натуральных продуктов, а с другой – нестабильная экономическая ситуация в стране, вследствие которой основная масса населения вынуждена экономить на продуктах, явились причиной увеличения фальсификатов. Важно отметить, что формирование кластера «магазинов для бедных» создает предпосылки для расслоения общества, роста социальной нестабильности и формирования устойчивой социальной группы официально бедных людей.

Национальная безопасность напрямую связана с продовольственной безопасностью и нуждается не только в контроль-

но-надзорном обеспечении, но и в правовом регулировании. Однако в правовых актах, затрагивающих вопросы национальной безопасности, имеются пробелы. Например, в Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности»² не содержится определения системы обеспечения безопасности; по мнению ученых, это говорит о том, что данная функция возложена на органы федеральной власти, а также органы власти субъектов и местного самоуправления, целью которых является предупреждать негативные последствия [7, с. 84]. Видится правильным закрепить подобную дефиницию и детально прописать меры профилактического и контрольного характера в данном законе.

В контексте исследования тематических нормативных актов также следует особо отметить Указ Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации»³, определяющей продовольственную безопасность Российской Федерации как состояние социально-экономического развития страны, при котором обеспечивается продовольственная независимость Российской Федерации, гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого гражданина страны пищевой продукции, соответствующей обязательным требованиям, в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевой продукции, необходимой для активного и здорового образа жизни. Подобное позволяет сделать вывод о том, что продовольственная безопасность является одним из важнейших видов национальной безопасности. Однако это не согласуется с положениями Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности», который говорит о том, что виды безопасности должны быть закреплены законодательно. Представляется, что для исчерпывающего понимания

¹ Степанова В. Магазины-склады с дешевыми продуктами: что известно о «таинственной» сети «Светофор» с выручкой почти 200 млрд рублей / Виктория Степанова // Vc.ru. 2021. 22 апреля. URL: <https://vc.ru/trade/236537-magaziny-sklady-s-deshevymi-produktami-cto-izvestno-o-tainstvennoy-seti-svetofor-s-vyruchkoy-pochti-200-mlrd-rublej> (дата обращения: 12.07.2024).

² О безопасности : федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1. Ст. 2.

³ Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 4. Ст. 345.

механизмов административно-правового обеспечения безопасности, сил и средств, применяемых для достижения продовольственной безопасности, требуется закрепить продовольственную безопасность как вид безопасности в обозначенном законе.

Список литературы

1. Рыбакова О.С. Право на безопасность как субъективное право: анализ конституционных и доктринальных положений // Права человека и политика права в XXI в.: перспективы и вызовы : сборник научных трудов по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 27–28 мая 2022 года. Саратов : Издательство «Саратовский источник», 2022. С. 426–440.
2. Пресняков М.В. Обязанность граждан заботиться о своем здоровье: можно ли заставить человека быть здоровым? // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 10 (143). С. 24–33.
3. Баринов В.А. Нетарифное регулирование внешнеэкономической деятельности // Новеллы права, экономики и управления 2021 : сборник научных трудов по материалам VII Международной научно-практической конференции, Гатчина, 26–27 ноября 2021 года. Том 2. Гатчина : Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2022. С. 363–365.
4. Соколов А.Ю. Вопросы применения риск-ориентированного подхода в сфере государственного регулирования сельского хозяйства // Актуальные вопросы контроля и надзора в социально значимых сферах деятельности общества и государства : материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию образования прокуратуры России, Нижний Новгород, 2 июня 2022 года. Нижний Новгород : КТ «Буки-Веди», 2023. С. 430–434.
5. Баринов В.А. Особенности подготовки нормативных правовых актов в эпоху цифровизации // XVI итоговая студенческая научная конференция : сборник статей. В 3 т. Санкт-Петербург, 19 апреля 2024 года. СПб. : Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2024. С. 205–209.
6. Баринов В.А. Цифровизация: внедрение передовых технологий в бизнес // Экономика будущего: тренды, вызовы и возможности : материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, Казань, 23–24 мая 2023 года / под редакцией А.В. Гумерова, М.Ф. Сафаргалиева. Казань : Общество с ограниченной ответственностью «АРТИТЕХ», 2023. С. 624–628.
7. Арсентьева Н.А., Самойлова Л.К., Трофимов Е.В. Противодействие коррупции и теневой экономике в условиях обострения международных противоречий. СПб. : Санкт-Петербургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», 2023. – 148 с.

References

1. Rybakova O.S. Pravo na bezopasnost' kak sub»ektivnoe pravo: analiz konstitucionnyh i doktrinal'nyh polozhenij // Prava cheloveka i politika prava v XXI v.: perspektivy i vyzovy : sbornik nauchnyh trudov po itogam Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Moskva, 27–28 maya 2022 goda. Saratov : Izdatel'stvo «Saratovskij istochnik», 2022. S. 426–440.
2. Presnyakov M.V. Obyazannost' grazhdan zabotit'sya o svoem zdorov'e: mozjno li zastavit' cheloveka byt' zdorovym? // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2022. T. 17. № 10 (143). S. 24–33.
3. Barinov V.A. Netarifnoe regulirovanie vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti // Novelly prava, ekonomiki i upravleniya 2021 : sbornik nauchnyh trudov po materialam VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Gatchina, 26–27 noyabrya 2021 goda. Tom 2. Gatchina : Gosudarstvennyj institut ekonomiki, finansov, prava i tekhnologij, 2022. S. 363–365.
4. Sokolov A.Yu. Voprosy primeneniya risk-orientirovannogo podhoda v sfere gosudarstvennogo regulirovaniya sel'skogo hozyajstva // Aktual'nye voprosy kontrolya i nadzora v social'no znachimyh sferah deyatel'nosti obshchestva i gosudarstva : materialy VII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 300-letiyu obrazovaniya prokuratury Rossii, Nizhnij Novgorod, 2 iyunya 2022 goda. Nizhnij Novgorod : KT «Buki-Vedi», 2023. S. 430–434.
5. Barinov V.A. Osobennosti podgotovki normativnyh pravovyh aktov v epohu cifrovizacii // XVI itogovaya studencheskaya nauchnaya konferenciya : sbornik statej. V 3 t. Sankt-Peterburg, 19 aprelya 2024 goda. SPb. : Vserossijskij gosudarstvennyj universitet yusticii (RPA Minyusta Rossii), 2024. S. 205–209.
6. Barinov V.A. Cifrovizaciya: vnedrenie peredovyh tekhnologij v biznes // Ekonomika budushchego: trendy, vyzovy i vozmozhnosti : materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Kazan', 23–24 maya 2023 goda / pod redakciej A.V. Gumerova, M.F. Safargaliev. Kazan' : Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «ARTITEH», 2023. S. 624–628.
7. Arsent'eva N.A., Samojlova L.K., Trofimov E.V. Protivodejstvie korrupcii i tenevoj ekonomike v usloviyah obostreniya mezhdunarodnyh protivorechij. SPb. : Sankt-Peterburgskij institut (filial) federal'nogo gosudarstvennogo byudzhethnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya «Vserossijskij gosudarstvennyj universitet yusticii (RPA Minyusta Rossii)», 2023. – 148 s.

Информация об авторе (авторах): Галицкая Наталья Владимировна, доцент кафедры конституционного и административного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (190121, Россия, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16), кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author(s): Galitskaya Natalya Vladimirovna, Associate Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, National Research University «Higher School of Economics» (190121, Russia, St. Petersburg, Soyuz Pechatnikov St., 16), Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 15.07.2024; одобрена после рецензирования 17.08.2024; принята к публикации 25.09.2024.

The article was submitted to the editorial office of the 15.07.2024; approved after 17.08.2024 review; accepted for publication 25.09.2024.

УДК 342.951

DOI: 10.70569/2949-5725.2024.4.3.011

Структура административной процедуры аккредитации образовательной деятельности

А.А. Краснощеков

Саратовская государственная юридическая академия,

Саратов, Российская Федерация

k_ap@ssla.ru

Аннотация. Изменение правового регулирования государственной аккредитации образовательной деятельности, произошедшее в последние годы в Российской Федерации, обуславливает актуальность не только исследования ее процессуальных аспектов, но и теоретического осмысления соответствующей административной процедуры. Действующие нормативные акты не закрепляют перечня ее стадий, безосновательно используя термин «административная процедура» для обозначения ряда процессуальных действий, складывающихся в рамках самостоятельной процедуры государственной аккредитации. В науке недостаточное внимание уделяется и определению сущности аккредитационного мониторинга как инструмента повышения качества реализации образовательных программ в высшем учебном заведении. В представленной статье дана характеристика стадий административной процедуры аккредитации образовательной деятельности в сфере высшего образования; определено место аккредитационного мониторинга, а также деятельности по обжалованию решений и действий (бездействия) аккредитационного органа и его должностных лиц в ее структуре.

Ключевые слова: образование, аккредитация, мониторинг, обжалование, административный процесс, аккредитационные показатели.

Для цитирования: Краснощеков А.А. Структура административной процедуры аккредитации образовательной деятельности // Право и государственность. 2024. № 3 (4). С. 70–75.

Structure of the administrative procedure for accreditation of educational activities

A.A. Krasnoshchekov

Saratov State Law Academy,

Saratov, Russian Federation

k_ap@ssla.ru

Abstract. The change in the legal regulation of state accreditation of educational activities that has occurred in recent years in the Russian Federation determines the relevance of studying not only its procedural aspects, but also a theoretical understanding of the corresponding administrative procedure. The current regulations do not establish a list of its stages, groundlessly using the term «administrative procedure» to denote a number of procedural actions that develop within the framework of an independent state accreditation procedure. Insufficient attention paid in science to defining the essence of accreditation monitoring as a tool for improving the quality of implementation of educational programs in a higher educational institution. The presented article provides a description of the stages of the administrative procedure for accreditation of educational activities in the field of higher education; the place of accreditation monitoring, as well as activities to appeal decisions and actions (inaction) of the accreditation body and its officials in its structure is determined.

Keywords: education, accreditation, monitoring, appeal, administrative process, accreditation indicators.

For citation: Krasnoshchekov A.A. Structure of the administrative procedure for accreditation of educational activities // Law and statehood. 2024. № 3 (4). P. 70–75.

В структуру административной процедуры государственной аккредитации образовательной деятельности в сфере высшего образования входят как обязательные, так и факультативные стадии. Так, целью ста-

дии возбуждения аккредитационного дела выступает решение вопроса о возможности рассмотрения заявления о государственной аккредитации и приложенных к нему документов. Моментом возникновения ад-

министративной процедуры является поступление заявления, которое подлежит регистрации.

На данной стадии осуществляется межведомственное информационное взаимодействие. Согласно Административному регламенту, Рособрнадзором «направляется запрос в Федеральную налоговую службу, предусматривающий получение сведений из единого государственного реестра юридических лиц; запрос в Федеральное казначейство в целях получения сведений об уплате государственной пошлины»¹. На стадии возбуждения заявления и документы подлежат проверке на предмет соответствия нормативно установленной форме, а также с точки зрения полноты и достоверности содержащихся в них сведений. Результатом проверки заявления и документов является их прием к рассмотрению, после чего стадия возбуждения завершается.

В течение трех рабочих дней со дня принятия заявления и документов к рассмотрению Рособрнадзор издает распорядительный акт о проведении аккредитационной экспертизы. Издание соответствующего акта следует признать моментом начала стадии рассмотрения аккредитационного дела. Это обосновано тем, что экспертиза необходима для определения соответствия качества образования нормативно установленным аккредитационным показателям.

При этом важно отметить, что ст. 92 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон об образовании) закрепляет в качестве цели процедуры государственной аккредитации образовательной деятельности «подтверждение аккредитационным органом соответствия качества образования в организации, осуществляющей образовательную деятельность по заявленным для государственной аккредитации образовательным программам, установленным аккредитационным показателям»².

Поскольку стадия рассмотрения аккре-

дитационного дела является центральной в анализируемой процедуре, ее результат является определяющим для достижения цели государственной аккредитации образовательной деятельности в сфере высшего образования. Результаты аккредитационной экспертизы оформляются заключением экспертной группы и актом о результатах проведенной аккредитационной экспертизы, составленным работником Рособрнадзора, ответственным за рассмотрение заключения.

На основе заключения принимается решение о предоставлении государственной услуги или об отказе в ее предоставлении. Решение о предоставлении государственной услуги, на основании которого организации направляется результат, оформляется распорядительным актом Рособрнадзора. Принятием соответствующего решения стадия рассмотрения аккредитационного дела завершается.

Стадия предоставления результата государственной услуги связана с ведением так называемого реестра организаций, осуществляющих образовательную деятельность по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам. После внесения сведений в реестр образовательной организации направляется уведомление о ее государственной аккредитации. Результат государственной услуги организация может также получить посредством обращения к единому portalу или информационной системе Рособрнадзора. Факт получения результата предоставления государственной услуги подлежит внесению в реестр. Согласно Административному регламенту, на этом процедура завершается. Однако стоит отметить, что новейшие изменения законодательства позволяют сделать вывод о необходимости более широкого понимания рассматриваемой процедуры, выходящего за рамки решения вопроса о возможности выдачи свидетельства о государственной аккредитации.

¹ Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки государственной услуги по государственной аккредитации образовательной деятельности : приказ Рособрнадзора от 4 июля 2023 г. № 1287. Доступ из Официального интернет-портала правовой информации.

² Об образовании в Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 22 июня 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598; 2024. № 26. Ст. 3561.

Так, 24 апреля 2023 г. издан совместный приказ Рособрнадзора, Минпросвещения России, Минобрнауки России «Об осуществлении Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки, Министерством просвещения Российской Федерации и Министерством науки и высшего образования Российской Федерации аккредитационного мониторинга системы образования»¹. Ему подлежат образовательные организации, уже имеющие государственную аккредитацию, при наличии обучающихся, прошедших государственную итоговую аттестацию по соответствующим образовательным программам.

Данный акт не закрепляет цель аккредитационного мониторинга. Однако согласно ст. 97 Закона об образовании, «мониторинг системы образования представляет собой систематическое стандартизированное наблюдение за состоянием образования и динамикой изменений его результатов». Законодательство рассматривает аккредитационный мониторинг как часть мониторинга системы образования, определяя, что его предметом является «систематическое стандартизированное наблюдение за выполнением организациями, осуществляющими образовательную деятельность, аккредитационных показателей».

Периодичность осуществления аккредитационного мониторинга составляет не реже одного раза в три года. Впервые он был проведен в 2023 г. Согласно вышеназванному приказу, порядок аккредитационного мониторинга включает в себя «сбор информации; ее обработку, обобщение и анализ путем сопоставления, систематизации, обобщения и структурирования; подготовку итогового отчета; направление его Рособрнадзором в Министерство просвещения Российской Федерации и Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; подготовку рекомендаций по повышению качества образования и направление их в образовательные организации; размещение итогового отчета

на официальных сайтах Рособрнадзора, Министерства просвещения Российской Федерации и Министерства науки и высшего образования Российской Федерации».

Внедрение аккредитационного мониторинга послужило следствием установления бессрочного характера процедуры государственной аккредитации образовательной деятельности. Ввиду этого, а также моратория на проведение контрольно-надзорных мероприятий он выступает способом обеспечения гарантий получения качественного образования гражданами со стороны государства. Как справедливо отмечают исследователи, «внесенные нормативные изменения снижают бюрократическую нагрузку на образовательные организации, связанную с подготовкой документов для периодического прохождения государственной аккредитации, а также предусматривают реальный переход к оценке качества образовательных программ» [2, с. 11].

По мнению И.В. Костериной, аккредитационный мониторинг – это мера государственного контроля в сфере образования [3, с. 9]. А.Ю. Назинцева подчеркивает, что «контрольно-надзорная деятельность является одним из механизмов обеспечения законности существующих правовых отношений, а также средством своевременного выявления нарушений, в том числе в сфере образования» [4, с. 408]. С.М. Рукавишников говорит об успешной практике антимонопольного комплаенса, когда при коммерческих организациях создаются специальные структурные подразделения, анализирующие риски нарушения антимонопольного законодательства и непрерывно взаимодействующие с уполномоченными органами для минимизации таких рисков [1, с. 60]. В то же время важно отметить, что аккредитационный мониторинг не является инструментом государственного контроля (надзора).

Так, Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле

¹ Об осуществлении Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки, Министерством просвещения Российской Федерации и Министерством науки и высшего образования Российской Федерации аккредитационного мониторинга системы образования : приказ Рособрнадзора № 660, Минпросвещения России № 306, Минобрнауки России № 448 от 24 апреля 2023 г. Доступ из Официального интернет-портала правовой информации.

ле в Российской Федерации»¹ регламентирует порядок наблюдения за соблюдением обязательных требований (мониторинга безопасности). Однако положения законодательства о государственном контроле (надзоре) не распространяются на процедуру аккредитационного мониторинга. По его результатам не применяются меры административного принуждения в виде лишения государственной аккредитации, приостановления или аннулирования лицензии на осуществление образовательной деятельности. Данные аккредитационного мониторинга позволяют выработать рекомендации для образовательных организаций, не получивших необходимое количество баллов по тому или иному аккредитационному показателю, а также выявить причины соответствующей ситуации.

Таким образом, аккредитационный мониторинг следует рассматривать в неразрывной связи с процедурой государственной аккредитации. Несмотря на то, что в вышеупомянутом приказе он рассматривается в качестве самостоятельной административной процедуры, необходимо отметить, что аккредитационный мониторинг выступает способом обеспечения соответствия качества образования аккредитационным показателям, что и является целью процедуры государственной аккредитации образовательной деятельности. Он проводится в отношении всех образовательных организаций высшего образования, получивших государственную аккредитацию. В связи с этим стадия аккредитационного мониторинга является обязательной стадией рассматриваемой административной процедуры.

Факультативная стадия – стадия исправления допущенных опечаток и (или) ошибок в сведениях, содержащихся в реестре, осуществляется лишь при наличии соответствующего заявления. Согласно Административному регламенту, в ее рамках реализуются следующие административные процедуры: «прием заявления об исправлении допущенных опечаток и (или) ошибок в сведениях, содержащихся в ре-

естре; принятие решения о предоставлении (об отказе в предоставлении) государственной услуги; предоставление результата государственной услуги».

Однако поскольку элементами стадий административных процедур являются их этапы, более корректным выступает рассмотрение обозначенных процессуальных действий в качестве таких этапов, а не отдельных административных процедур. Исправление допущенных опечаток и (или) ошибок в сведениях, содержащихся в реестре, не представляется возможным рассматривать и в качестве самостоятельной административной процедуры, поскольку внесение в реестр соответствующих исправлений допускается лишь при наличии ранее принятого решения Рособнадзора о государственной аккредитации.

Следует отметить, что административная процедура государственной аккредитации также может быть связана с внесением изменений в сведения, содержащиеся в реестре, в связи с проведением государственной аккредитации в отношении ранее не аккредитованных основных образовательных программ высшего образования, содержащих сведения, составляющие государственную тайну.

Перечень процессуальных действий, а следовательно, и стадий административной процедуры при этом является аналогичным установленному для общего порядка государственной аккредитации образовательной деятельности. Это обусловлено и общим правовым результатом различных вариантов оказания государственной услуги – предоставлением государственной аккредитации. Предметом аккредитационной экспертизы в обоих вариантах выступает установление соответствия качества образования аккредитационным показателям по заявленным для государственной аккредитации образовательным программам.

Стоит также обратить внимание на то обстоятельство, что Административный регламент устанавливает возможность досудебного (внесудебного) порядка обжалования

¹ О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5007; 2024. № 1 (ч. 1). Ст. 6.

решений и действий (бездействия) органа, предоставляющего государственную услугу, а также его должностных лиц. Так, заинтересованные лица имеют право подать жалобу на решения Рособнадзора и (или) действия (бездействие) его должностных лиц в порядке, предусмотренном главой 2.1 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»¹.

То обстоятельство, что решения Рособнадзора, принятые по результатам процедуры государственной аккредитации в сфере высшего образования, а также действия (бездействие) должностных лиц, могут быть обжалованы, выступает гарантией защиты прав заявителей. Нормативно установленная возможность обжалования необходима для обеспечения законных интересов участников анализируемой административной процедуры. В дальнейшем возможно также судебное обжалование решений и действий (бездействия) уполномоченного органа и его должностных лиц.

Однако стоит отметить, что порядок обжалования решения аккредитационного органа, действий (бездействия) его должностных лиц не регламентирован нормативными актами о государственной аккредитации. Его правовому регулированию посвящены нормы главы 2.1 Закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». Соответствующий законодательный акт устанавливает виды решений, принимаемых по итогам рассмотрения жалобы. Так, правовым результатом рассмотрения жалобы выступает принятие решения о ее удовлетворении, в том числе в форме отмены принятого решения, ис-

правления допущенных опечаток и ошибок в выданных в результате предоставления государственной услуги документах, возврата заявителю денежных средств, взимание которых не предусмотрено нормативными правовыми актами, либо об отказе в удовлетворении жалобы.

В свою очередь, процедура государственной аккредитации образовательной деятельности направлена на оценку соответствия реализации образовательной организацией высшего образования конкретной образовательной программы аккредитационным показателям. Установление данного соответствия не является предметом процессуальной деятельности по обжалованию актов Рособнадзора. Из этого можно сделать вывод, что обжалование решений Рособнадзора, принятых по результатам процедуры государственной аккредитации в сфере высшего образования, а также действий (бездействия) его должностных лиц, реализуется в рамках отдельного административного производства и имеет собственные правовые результаты. В связи с этим стадия обжалования решения в анализируемой административной процедуре отсутствует.

Таким образом, к обязательным стадиям обозначенной процедуры следует отнести: стадию возбуждения аккредитационного дела, стадию рассмотрения аккредитационного дела и принятия по нему решения, стадию предоставления результата государственной услуги по государственной аккредитации образовательной деятельности в сфере высшего образования, стадию аккредитационного мониторинга. В качестве факультативной требуется рассматривать стадию исправления допущенных опечаток и (или) ошибок в сведениях, содержащихся в реестре.

Список литературы

1. Рукавишников С.М. О некоторых вопросах правового регулирования аккредитационных показателей по образовательным программам высшего образования // Право и государственность. 2023. № 1 (1). С. 60–66.
2. Зернов В.А., Дарда И.В., Жидков А.А. Аккредитационный мониторинг программ высшего образования: показатели и методика их расчета // Высшее образование сегодня. 2023. № 1. С. 10–18.
3. Костерина И.В. Аккредитационный мониторинг как инструмент управления качеством образования // Педагогический поиск. 2023. № 7. С. 8–11.

¹ Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг : федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ (ред. от 8 июля 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31. Ст. 4179; 2024. № 29 (ч. 2). Ст. 4101.

4. Назинцева А.Ю. О некоторых проблемах осуществления государственного контроля (надзора) в сфере образования на основании риск-ориентированного подхода // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12. № 1. С. 407–412.

References

1. Rukavishnikov S.M. O nekotoryh voprosah pravovogo regulirovaniya akkreditacionnyh pokazatelej po obrazovatel'nyum programmam vysshego obrazovaniya // Pravo i gosudarstvennost'. 2023. № 1 (1). S. 60–66.
2. Zernov V.A., Darda I.V., Zhidkov A.A. Akkreditacionnyj monitoring programm vysshego obrazovaniya: pokazateli i metodika ih rascheta // Vysshee obrazovanie segodnya. 2023. № 1. S. 10–18.
3. Kosterina I.V. Akkreditacionnyj monitoring kak instrument upravleniya kachestvom obrazovaniya // Pedagogicheskij poisk. 2023. № 7. S. 8–11.
4. Nazinceva A.Yu. O nekotoryh problemah osushchestvleniya gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) v sfere obrazovaniya na osnovanii risk-orientirovannogo podhoda // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2022. Т. 12. № 1. С. 407–412.

Информация об авторе (авторах): Краснощеков Александр Алексеевич, соискатель кафедры административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина СГЮА (410056, Россия, Саратов, ул. Чернышевского Н.Г., д. 104, каб. 123).

Information about the author(s): Krasnoshchekov Alexander Alekseevich, applicant for the Department of Administrative and municipal Law named after Professor Vasily Mikhailovich Manokhin (410056, Russia, Saratov, Chernyshevsky N.G. St., 104, office 123).

Статья поступила в редакцию 07.08.2024; одобрена после рецензирования 21.08.2024; принята к публикации 25.09.2024.

The article was submitted to the editorial office of the 07.08.2024; approved after 21.08.2024 review; accepted for publication 25.09.2024.

Алгоритм оценки характера гражданско-правовой нормы для выявления недействительных сделок

В.М. Андрианов

Северо-Западный филиал

Российского государственного университета правосудия,

Санкт-Петербург; Российский государственный

университет правосудия, Москва, Российская Федерация;

avmurist@mail.ru

Аннотация. В статье осуществляется анализ ключевых аспектов, влияющих на квалификацию сделок в соответствии с п. 1 и п. 2 ст. 168 ГК РФ и ст. 169 ГК РФ. Автор обращает внимание на сложности в интерпретации норм, лишённых явных показателей императивности или диспозитивности. Для решения этой проблемы предлагается методология телеологического толкования, которая включает пять тестов (на защиту слабой стороны договора, третьих лиц, публичных интересов, сущности законодательного регулирования и добрых нравов). Каждый тест направлен на выявление императивных характеристик норм и их влияние на законность сделок. Результаты исследования подтверждают необходимость применения телеологического подхода в правоприменительной практике для адекватной квалификации сделок. Отражаются вызовы и нюансы, связанные с интерпретацией гражданских норм, что в свою очередь обосновывает и практическую значимость предложенной автором методики. Таким образом, правильное толкование норм права, основанное на чётком понимании их целей и назначения, становится ключевым элементом в обеспечении стабильности гражданского оборота и защиты прав участников сделок.

Ключевые слова: норма права, метод правового регулирования, толкование, императивность, диспозитивность.

Для цитирования: Андрианов В.М. Алгоритм оценки характера гражданско-правовой нормы для выявления недействительных сделок // Право и государственность. 2024. № 3 (4). С. 76–79.

Algorithm for assessing the nature of a civil law norm to identify invalid transactions

V.M. Andrianov

North-West Branch of the Russian State University of Justice,

St. Petersburg, Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation;

avmurist@mail.ru

Annotation. The article analyses the key aspects affecting the qualification of transactions in accordance with paragraph 1 and paragraph 2 of Art. 168 of the Civil Code of the Russian Federation and Art. 169 of the Civil Code of the Russian Federation. The author draws attention to the difficulties in interpreting the norms that lack explicit indicators of imperative or dispositive. To solve this problem, a methodology of teleological interpretation is proposed, which includes five tests (for the protection of the weaker party to the contract, third parties, public interests, the essence of legislative regulation and good morals). Each test is aimed at identifying the imperative characteristics of norms and their impact on the legality of transactions. The results of the study confirm the need to apply the teleological approach in law enforcement practice for adequate qualification of transactions. The challenges and nuances associated with the interpretation of civil norms are reflected, which in turn substantiates and practical significance of the methodology proposed by the author. Thus, the correct interpretation of legal norms, based on a clear understanding of their goals and purpose, becomes a key element in ensuring the stability of civil turnover and protection of the rights of parties to transactions.

Keywords: norm of law, method of legal regulation, interpretation, imperative, dispositive.

For citation: Andrianov V.M. Algorithm for assessing the nature of a civil law norm to identify invalid transactions // Law and statehood. 2024. № 3 (4). P. 76–79.

Имея в виду, что признаки сделки, описанные в нормах права, в реальной жизни существуют не сами по себе, а лишь в конкретных сделках, можно отметить, что нару-

шение сделкой требований норм права имеет место тогда, когда противоречат признаки сделки и признаки, указанные в правовых нормах, причём речь ведётся именно не просто о «не соответствии», а именно о «нарушении» указанных в нормах требований [1, с.105], выраженных либо путём прямого запрета, либо в императивных нормах закона или иного правового акта.

Если по поводу прямого законодательного запрета («соглашение об ином ничтожно», «запрещено») или наоборот указания на возможность иного урегулирования, чем в законе («если иное не предусмотрено соглашением сторон») при толковании нормы у правоприменителя практических сложностей не вызывает, то с определением характера требований нормы без чётких текстуальных указателей все сложнее, а это, как полагает автор, влияет как на квалификацию сделки по п. 1, так и по п. 2 ст. 168 ГК РФ, а также ст. 169 ГК РФ.

Вопрос императивности, диспозитивности и вообще толкования норм гражданского права является крайне специфичным и автор не ставит себе целью доскональное его изучение, поэтому акцентирует внимание на тех аспектах, которые имеют непосредственное отношение к предмету исследования.

В настоящее время у судов нет иного более эффективного варианта толкования норм гражданского права, в которых отсутствуют явные атрибуты императивности или диспозитивности, как телеологическое (то есть целевое) толкование. ПП ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 в п. 1 ориентирует суды при толковании норм гражданского права уделять внимание не столько буквальному смыслу нормы, сколько делать акцент на цели [2, с.48], которые преследовал законодатель, формулируя то или иное правило.

Таким образом, правоприменительная и судебная практика вынуждены были в качестве реакции на изменения в рамках реформы ГК РФ в 2013 г. сформулировать, апробировать и распространить методику оценки характера гражданско-правовой нормы на императивный характер [3, с.45], которая включает в себя пять основных этапов (ступеней) алгоритма, коррелирующихся с вопросами определения недействи-

тельности сделок по ст.ст. 168 и 169 ГК РФ.

1. Тест на защиту слабой стороны договора – предполагает определение со стороны правоприменителя наличия абсолютного равноправия сторон сделки. Если такового нет, то задача правоприменителя понять имеет ли своей целью толкуемая норма защиту интересов экономически или информационно слабой стороны. При положительном ответе толкуемая норма является императивной, а значит её изменение, а тем более – нарушение будет являться как минимум признаком сделки, предусмотренной п. 1 ст. 168 ГК РФ, то есть указанная сделка будет являться оспори-мой. Однако и тут следует быть внимательнее, ибо в силу, например, прямого указания п. 1 ст. 16 Закона РФ от 07.02.92 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее - ЗоЗПП) условия договора, ущемляющие права потребителя по сравнению с правилами, установленными законами или иными правовыми актами РФ в области защиты прав потребителей [4, с.185], признаются недействительными, то есть подчёркивается императивность норм конкретного Закона в обусловленных границах.

При этом возникает вопрос – как понимать «недействительность» в указанной формулировке ЗоЗПП: как ничтожность или как оспоримость, которая после реформы ГК РФ в 2013 году презюмируется?

Ответ, по мнению автора, лежит в историческом толковании – в периоде, когда принимался указанный закон, когда недействительность сделки означала её ничтожность и, соответственно, вся конструкция указанного закона построена именно вокруг ничтожности, а не оспоримости сделок. Так что указанный пример с защитой прав потребителей, как полагает автор, является скорее примером ярко выраженного запрета (п. 2 ПП ВАС РФ от 14.03.2014 № 16). Указанное также подтверждается п. 76 ПП ВС РФ от 23.06.2015 № 25, где указанный пример был прямо квалифицирован как ничтожная сделка в силу прямого указания в законе (ст. 3, п. 4 и 5 ст. 426 ГК РФ) либо как нарушающая явно выраженный законодательный запрет ограничения прав потребителей (п. 2 ст. 16 ЗоЗПП), что в совокупности с п. 75 указанного постановления

Пленума приводит к квалификации указанной сделки как посягающая на публичные интересы, а значит, имеющей признаки недействительной сделки, предусмотренной п. 2 ст. 168 ГК РФ.

2. Тест на защиту третьих лиц - предполагает определение со стороны правоприменителя последствий изменения гражданско-правовой нормы, а именно как изменение, нарушение указанной нормы повлияет на права и интересы третьих лиц [5, с.55], не участников сделки. Если такое происходит, то имеет факт наличия императивной нормы, нарушение которой напрямую демонстрирует нам признаки недействительной сделки, предусмотренной в п. 2 ст. 168 ГК РФ.

3. Тест на защиту публичных интересов – по своей сути дублирует предыдущий тест с той лишь разницей, что речь будет идти уже о нарушении «публичного интереса», понятие которого в гражданском праве нами будет посвящён отдельный параграф (см. §1 главы II).

4. Тест на существование законодательного регулирования (юридическую догматику) – предполагает определение со стороны правоприменителя цель, назначение принятия и применения конкретного нормативного правового акта, регулирующего указанные гражданско-правовые отношения [6, с.42], а также вкладываемый законодателем смысл в толкование конкретных норм и правил при помощи их системного историко-телеологического толкования с учётом конкретно сложившихся политико-правовых обстоятельств. Указанное

необходимо раскрывать при вынесении решений по делам, в которых определённая сторонами структура прав и обязанностей не соответствует цели, смыслу и назначению законодательного регулирования [7, с. 9] рассматриваемых гражданско-правовых отношений, в связи с чем не одобряется и отвергается судом в интересах ожидаемости правовых выводов суда и стабильности гражданского оборота [8, с.55] в целом. Именно так понимается автором указанная категория, зафиксированная в п. 74 ПП ВС РФ от 23.06.2015 № 25. При наличии положительного ответа перед нами сделка, имеющая признаки недействительной согласно п. 2 ст. 168 ГК РФ.

5. Тест на защиту добрых нравов – предполагает со стороны правоприменителя установить повлечёт ли изменение или нарушение применяемой гражданско-правовой нормы морали, нравственности или к появлению антисоциальной сделки, насколько это будет противоречить, в том числе нормам публичного законодательства. При наличии положительного ответа перед нами сделка, имеющая признаки ничтожной, предусмотренной ст. 169 ГК РФ.

При применении указанной методики следует обращать внимание на методы как телеологического, так и исторического толкования, чтобы точно установить цель правового регулирования. Одновременно важно не забывать, что у императивной нормы могут быть пределы императивности, а у диспозитивной – пределы диспозитивности. Выявить эти пределы также помогает целевое толкование нормы.

Список литературы

1. Варвенко А.С. Теоретико-правовые положения о принципе добросовестности в гражданском праве / А.С. Варвенко, С.С. Желонкин, В.В. Жукавин // Ленинградский юридический журнал. 2020. № 1(59). С. 105-113.
2. Гутников О.В. Деление недействительных сделок на ничтожные и оспоримые: основные идеи и результаты реформирования Гражданского Кодекса Российской Федерации / О.В. Гутников // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2. С. 48-67.
3. Гутников О.В. Защита гражданских прав в Концепции развития гражданского законодательства / О.В. Гутников // Проблемы совершенствования гражданского законодательства : материалы IV Ежегодных научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся, Москва, 28 октября 2009 года / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Ответственный редактор В.М. Жуйков. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Юриспруденция», 2010. С. 45-51.
4. Желонкин С.С. Институт недействительности сделки как один из гражданско-правовых механизмов противодействия коррупции в сфере исследований и разработок / С.С. Желонкин // Коррупция в сфере исследований и разработок: выявление причин, специфики и Мер противодействия: материалы международной научно-практической конференции, Москва, 07–08 декабря 2018 года / Всероссийский

- государственный университет юстиции (РПА Минюста России). – Москва: Водолей, 2018. С. 185-189.
5. Желонкин С. С. Основные направления реформирования института недействительности сделок / С.С. Желонкин // Право и экономика. 2010. № 1. С. 55-58.
6. Ильина И.Ю. О правовой категории охраняемого законом интереса в контексте конфликта интересов участников гражданских правоотношений / И. Ю. Ильина // Государственная служба и кадры. 2018. № 3. С. 42-46.
7. Павлова И.Ю. Недействительность сделок в российском гражданском праве: автореф. дисс. канд. юрид. наук. – М., 2004. – 33 с.
8. Погорелова Г.М. Принципы добросовестности и справедливости при заключении договора / Г.М. Погорелова, П.П. Волков // Актуальные вопросы современного государства и права: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 28 апреля 2017 года. – Санкт-Петербург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Государственный университет морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова, 2017. С. 55-62.

References

1. Varvenko A.S. Teoretiko-pravovye polozheniya o principe dobrosovestnosti v grazhdanskom prave / A.S. Varvenko, S.S. Zhelonkin, V.V. Zhukavin // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. – 2020. – № 1(59). – S. 105-113.
2. Gutnikov, O.V. Delenie nedejstvitel'nyh sdelok na nichtozhnye i osporimye: osnovnye idei i rezul'taty reformirovaniya Grazhdanskogo Kodeksa Rossijskoj Federacii / O. V. Gutnikov // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. – 2017. – № 2. – S. 48-67.
3. Gutnikov, O.V. Zashchita grazhdanskih prav v Konceptii razvitiya grazhdanskogo zakonodatel'stva / O.V. Gutnikov // Problemy sovershenstvovaniya grazhdanskogo zakonodatel'stva : materialy IV Ezhegodnyh nauchnyh chtenij pamyati professora S.N. Bratusya, Moskva, 28 oktyabrya 2009 goda / Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii; Otvetstvennyj redaktor V.M. Zhujkov. – Moskva: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Izdatel'skij dom «YUrisprudenciya», 2010. – S. 45-51.
4. Zhelonkin, S.S. Institut nedejstvitel'nosti sdelki kak odin iz grazhdansko-pravovyh mekhanizmov protivodejstviya korrupcii v sfere issledovanij i razrabotok / S.S. Zhelonkin // Korrupciya v sfere issledovanij i razrabotok: vyyavlenie prichin, specifik i Mer protivodejstviya : materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 07–08 dekabrya 2018 goda / Vserossijskij gosudarstvennyj universitet yusticii (RPA Minyusta Rossii). – Moskva: Vodoley, 2018. – S. 185-189.
5. Zhelonkin, S.S. Osnovnye napravleniya reformirovaniya instituta nedejstvitel'nosti sdelok / S.S. Zhelonkin // Pravo i ekonomika. – 2010. – № 1. – S. 55-58.
6. Il'ina, I. Yu. O pravovoj kategorii ohranyaemogo zakonom interesa v kontekste konflikta interesov uchastnikov grazhdanskih pravootnoshenij / I. Yu. Il'ina // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. – 2018. – № 3. – S. 42-46.
7. Pavlova, I. Yu. Nedejstvitel'nost' sdelok v rossijskom grazhdanskom prave : special'nost' 12.00.03 «Grazhdanskoe pravo; predprinimatel'skoe pravo; semejnoe pravo; mezhdunarodnoe chastnoe pravo» : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk / Pavlova Irina Yur'evna. – Moskva, 2004. – 33 s.
8. Pogorelova, G.M. Principy dobrosovestnosti i spravedlivosti pri zaklyuchenii dogovora / G.M. Pogorelova, P.P. Volkov // Aktual'nye voprosy sovremennogo gosudarstva i prava: teoriya i praktika: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Sankt-Peterburg, 28 aprelya 2017 goda. – Sankt-Peterburg: Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya Gosudarstvennyj universitet morskogo i rechnogo flota im. admirala S.O. Makarova, 2017. – S. 55-62.

Информация об авторе (авторах): Андрианов Владимир Михайлович, преподаватель кафедры гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, (197046, Россия, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 5); соискатель кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия (117418, Россия, Москва, ул. Новочерёмушкинская, д. 69).

Information about the author (s): Andrianov Vladimir Mikhailovich, Lecturer, Department of Civil Law, North-West Branch of the Russian State University of Justice, (197046, Russia, St. Petersburg, Aleksandrovsky Park, 5); Applicant of the Department of Civil Law of the Russian State University of Justice (69 Novocheryomushkinskaya St., Moscow, Russia, 117418).

Статья поступила в редакцию 04.08.2024; одобрена после рецензирования 12.09.2024; принята к публикации 25.09.2024.

The article was submitted to the editorial office of the 04.08.2024; approved after 12.09.2024 review; accepted for publication 25.09.2024.

О некоторых аспектах уголовного правоприменения по делам о незаконной банковской деятельности

И.Р. Диваева

*Уфимский юридический институт МВД России,
Уфа, Российская Федерация
irina_di77@mail.ru*

М.С. Шайхуллин

*Уфимский юридический институт МВД России,
Уфа, Российская Федерация
selir07@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются отдельные актуальные аспекты уголовного правоприменения по делам о незаконной банковской деятельности. Авторы отмечают, что в настоящее время совершение преступлений с использованием банковских инструментов и возможностей не снижается, а наоборот возрастает. Преступники, используя право на регистрацию юридического лица, а также запрос организаций различных форм собственности на обналичивание денежных средств с контрагентами, не осуществляющими реальной хозяйственной деятельности, извлекают преступный доход в обход бюджетной, налоговой системы Российской Федерации, что рассматривается как преступление по статье 172 УК РФ. Авторы формулируют собственные позиции относительно уголовного правоприменения по делам о незаконной банковской деятельности с целью улучшения работы по пресечению исследуемых противоправных деяний.

Ключевые слова: уголовное правоприменение, незаконная банковская деятельность, обналичивание денежных средств, банковские операции, контрагенты.

Для цитирования: Диваева И.Р., Шайхуллин М.С. О некоторых аспектах уголовного правоприменения по делам о незаконной банковской деятельности // Право и государственность. 2024. № 3 (4). С. 80–85.

On certain aspects of criminal enforcement in cases of illegal banking activities

I.R. Divaeva

*Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ufa, Russian Federation*

M.S. Shaikhullin

*Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ufa, Russian Federation
selir07@mail.ru*

Abstract. The article analyzes certain relevant aspects of criminal law enforcement in cases of illegal banking activities. The authors note that at present, the commission of crimes using banking instruments and opportunities does not decrease, but, on the contrary, increases. Criminals, using the right to register a legal entity, as well as a request from organizations of various forms of ownership to cash out funds with counterparties that do not carry out real economic activities, extract criminal income bypassing the budgetary and tax system of the Russian Federation, which is considered a crime under Article 172 of the Criminal Code of the Russian Federation. The authors formulate their own positions regarding criminal law enforcement in cases of illegal banking activities in order to improve the work to suppress the investigated illegal acts.

Keywords: criminal enforcement, illegal banking, cash withdrawal, banking, counterparties.

For citation: Divaeva I.R., Shaikhullin M.S. On some aspects of criminal law enforcement in cases of illegal banking activities // Law and statehood. 2024. № 3 (4). P. 80–85.

В данной статье рассматриваются лишь отдельные аспекты уголовного правоприменения по статьям 172 и 210 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. 17 июня. № 25. Ст. 2954.

РФ). Исследование постановлений о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительных заключений, приговоров судов по указанной категории дел показывает, что совершение различных деяний в области банковской деятельности еще нуждается в проведении глубоких и всесторонних исследований. Как отмечают ученые, состав преступления, предусмотренный статьей 172 УК РФ, ранее был известен отечественному дореволюционному законодательству. В статье 322 Уголовного уложения России 1903 г. содержалась ответственность содержателя банкирского заведения или меняльной лавки [1, с. 287].

В наши дни злоумышленники, используя право на регистрацию юридического лица, а также запрос организаций на обналичивание денежных средств с контрагентами, не осуществляющими реальной хозяйственной деятельности, извлекают преступный доход в обход бюджетной, налоговой системы Российской Федерации, что рассматривается как преступление по статье 172 УК РФ. Следует полностью согласиться с тем, что определение незаконной банковской деятельности содержит в себе целый ряд фактических пробелов, основанных на отсутствии комплексного, межотраслевого подхода к понятию «незаконная банковская деятельность» [2, с. 120]. Практика показывает, что с формально юридической точки зрения каждую вменяемую операцию по переводу денежных средств из расчетного счета одной организации на расчетный счет другой организации относят к незаконной банковской операции.

Так, органами предварительного расследования гражданин Т. обвинялся в том, что, преследуя цель незаконного обогащения, действуя умышленно, из корыстных побуждений, в течение двух лет участвовал в преступном сообществе (преступной организации), деятельность которого была направлена на совместное с соучастниками совершение тяжкого преступления – осуществление банковской деятельности (банковских операций) без регистрации или без специального разрешения (лицензии),

сопряженное с извлечением дохода в особо крупном размере. По версии органа предварительного расследования, в указанный период руководитель преступного сообщества, руководители структурных подразделений, активные участники этого сообщества и неустановленные следствием лица, находясь на территории нескольких субъектов Российской Федерации, в нарушение требований федерального законодательства, выступая как физические лица и не имея специального разрешения (лицензии), за денежное вознаграждение предоставляли гражданам и юридическим лицам услуги по открытию и ведению банковских счетов физических и юридических лиц, осуществлению переводов денежных средств по поручению физических и юридических лиц по их банковским счетам, кассовому обслуживанию физических и юридических лиц, которые указанным законом отнесены к банковским операциям, в обход государственного контроля.

По сути, подсудимые занимались так называемым «обналичиванием» денежных средств. Подсудимые свою вину не признавали. По мнению стороны защиты, органы предварительного расследования неверно определили структуру преступного сообщества. В частности, подсудимому Т. инкриминировали руководство структурным подразделением. Общеизвестно, что наличие структурных подразделений характеризует преступное сообщество как наиболее опасную форму соучастия. Вместе с тем из содержания судебного акта следовало, что подсудимый Т. выполнял роли активного участника и руководителя структурного подразделения. При этом другие члены этого структурного подразделения следствием не были установлены, что вступает в противоречие с пунктом 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)»¹, согласно которому под структурным подразделением пре-

¹ О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. № 8. 2010.

ступного сообщества (преступной организации) следует понимать функционально и (или) территориально обособленную группу, состоящую из двух или более лиц (включая руководителя этой группы), которая в рамках и в соответствии с целями преступного сообщества (преступной организации) осуществляет преступную деятельность; действующему в единстве и системной взаимосвязанности с положениями статьи 210 УК РФ и части 4 статьи 35 УК РФ. Это, в свою очередь, означает, что вменяемое в вину подсудимому структурное подразделение преступного сообщества существовало только «на бумаге», т. к. не могло функционировать только с участием гражданина Т. Практический анализ материалов уголовного дела позволил прийти к выводу о том, что при описании организованной деятельности структурного подразделения преступного сообщества правоприменитель не указал конкретных участников структурного подразделения, которых, по версии следствия, приискал подсудимый Т. Вместе с тем в системе действующего уголовно-правового регулирования и квалификации деяний, совершенных в составе организованного преступного сообщества, не допускается описание события преступления без указания на конкретных субъектов преступного деяния, в данном случае необходимых для описания деятельности структурного подразделения организованного преступного сообщества.

Решая вопрос о виновности лица в совершении преступления, предусмотренного статьей 210 УК РФ, судам надлежит учитывать, что, исходя из положений части 4 статьи 35 УК РФ, преступное сообщество (преступная организация) отличается от иных видов преступных групп, в том числе от организованной группы, более сложной внутренней структурой, наличием цели совместного совершения тяжких или особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды, а также возможностью объединения двух или более организованных групп с той же целью. С учетом данной позиции, сформулированной в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской

Федерации от 10 июня 2010 г. № 12, органами предварительного расследования не установлен, а соответственно не доказан признак сложной структуры организованного преступного сообщества. В соответствии с положениями пункта 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 преступное сообщество (преступная организация) может осуществлять свою преступную деятельность либо в форме структурированной организованной группы, либо в форме объединения организованных групп, действующих под единым руководством. Это означает, что действиям подсудимого Т. дана неверная уголовно-правовая оценка в смысле вменения ему части 2 статьи 210 УК РФ.

Анализ материалов судебно-следственной практики показывает, что достаточно часто органами предварительного расследования аргументируется позиция о том, что обвиняемые привлекались в преступное сообщество в связи с наличием у них специальных познаний, необходимых для осуществления незаконной банковской деятельности. Такая аргументация не выдерживает никакой критики, поскольку в таком случае в материалах уголовного дела должна содержаться какая-либо информация об уровне полученного профессионального и иного образования, которым могли обладать обвиняемые. Кроме того, проводимые в рамках расследования уголовных дел о незаконной банковской деятельности оперативно-розыскные мероприятия должны содержать какие-либо сведения о том, что обвиняемые добровольно либо под принуждением дали свое согласие на участие в преступном сообществе в целях осуществления незаконной банковской деятельности. В противном случае наличие *In dubio pro reo*, когда возникающие сомнения толкуются в пользу подсудимого.

Уголовное дело должно быть основано на фактах, однако применительно к данной позиции фактические обстоятельства принятия на себя обязанностей руководителя структурного подразделения преступного сообщества должны содержаться в материалах уголовного дела с той целью, чтобы в последующем исключить негативные последствия.

Недостаточно обстоятельно выглядит позиция правоприменителя, когда постановления о рассекречивании сведений, составляющих государственную тайну, и их носителей, направленные на проверку данных о совершении организованной группой незаконной банковской деятельности, включая постановления судов первой инстанции, не охватывают собой проведение оперативно-розыскных мероприятий в отношении обвиняемых, которым вменяется такой сложный по своему внутреннему содержанию состав преступления, как незаконная банковская деятельность. Между тем в соответствии с частью 1 статьи 8 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ (далее – ФЗ № 144 «Об ОРД») проведение оперативно-розыскных мероприятий связано с информацией: а) о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, по которому производство предварительного следствия обязательно; б) о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, по которому производство предварительного следствия обязательно; в) о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации. Согласно указанной статье ФЗ № 144 «Об ОРД» прослушивание телефонных и иных переговоров допускается только в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений средней тяжести, тяжких или особо тяжких преступлений, а также лиц, которые могут располагать сведениями об указанных преступлениях.

Если в отношении обвиняемого не проводились оперативно-розыскные мероприятия в части снятия информации с каналов связи, правоприменитель не может сформировать достаточные данные, указывающие на признаки подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния. В противном случае

такие сведения должны быть представлены в суд и соответственно подлежать исследованию. Также условия проведения оперативно-розыскных мероприятий в соответствии с положениями статьи 8 ФЗ № 144 «Об ОРД» предусматривают их проведение в отношении событий или действий (бездействии) лиц, создающих угрозу государственной, экономической и иной безопасности страны. Вместе с тем путем прослушивания телефонных переговоров возможно зафиксировать факты устойчивости и предварительной договоренности членов организованной группы, как того требует часть 3 статьи 35 УК РФ. Между тем невключение обвиняемого в перечень лиц, подлежащих наблюдению, свидетельствует об отсутствии каких-либо оснований (событий, действий (бездействии)) для проведения в отношении обвиняемого оперативно-розыскных мероприятий и, как следствие, он не представляет оперативно-розыскного интереса для органов, осуществляющих оперативно-розыскные мероприятия, и органа предварительного расследования.

Что касается вменения статьи 172 УК РФ, то о фактах, указывающих на осуществление поиска клиентов незаконной банковской деятельности, постоянного контроля за незаконными банковскими операциями, движением денежных средств по банковским счетам и других действий, включающихся в признаки данного состава преступления, должны свидетельствовать, во-первых, встречи, контакты с какими-либо физическими и юридическими лицами с целью вовлечения их в незаконную банковскую деятельность; во-вторых, обеспечение контроля за незаконными банковскими операциями и движением денежных средств по банковским счетам с целью выявления причастности обвиняемого к учреждению, созданию, организации и функционированию юридических лиц, а также коммуникация между обвиняемым и контрагентами, заинтересованными в обналичивании денежных средств; в-третьих, контакты с организациями различных форм собственности в инкриминируемый период

¹ Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон Российской Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 29 декабря 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. 14 августа. № 33. Ст. 3349.

(особенно с теми, посредством которых осуществлялся перевод денежных средств в подконтрольные организации), а также факты участия в составе учредителей таких юридических лиц. Здесь, как представляется, имеет существенное значение наличие в материалах уголовного дела фактических данных, указывающих на какую-либо устную или информационно-техническую коммуникацию обвиняемого с такими организациями.

Для правильного вменения незаконной банковской деятельности важно представлять суду данные о том, что между представителями контрагентов и обвиняемым, подсудимым имелись взаимоотношения в части как минимум места и времени такого взаимодействия. В пункте 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности»¹ отмечается: «Обратить внимание судов на то, что по делам о преступлениях, предусмотренных... статьями 171–174 УК РФ, уголовным и уголовно-процессуальным законодательством установлены особенности уголовного судопроизводства, касающиеся, в частности, порядка рассмотрения сообщения о пре-

ступлении (части 7–9 статьи 144 УПК РФ) и возбуждения уголовного дела (часть 3 статьи 20, часть 1.2 статьи 140 УПК РФ), признания предметов и документов вещественными доказательствами (статья 81.1 УПК РФ), применения меры пресечения в виде заключения под стражу (часть 1.1 статьи 108 УПК РФ), а также особенности освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного преследования (статья 76.1 УК РФ, статья 28.1 УПК РФ)». Вместе с тем следует принять во внимание, что «открытие и управление расчетными счетами «фирм-однодневок», незаконное обналичивание и транзит денежных средств представляют собой квазибанковские операции, которые лишь по существу, а не по юридической форме соответствуют банковским операциям» [3, с. 105]. Установление основания для возбуждения уголовного дела о преступлении, предусмотренном статьей 172 УК РФ, включает в себя: а) выяснение обстоятельств совершенного деяния; б) установление в этом деянии признаков преступления; в) сбор достаточных данных, указывающих на признаки этого преступления. Из материала должно быть четко видно, что в действиях того или иного лица либо группы лиц усматривается состав преступления о незаконной банковской деятельности, то есть установление всех признаков преступления.

Список литературы

1. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. Ф.Р. Сундунова, М.В. Талан. М. : Статут, 2012. – 943 с.
2. Афанасьева С.И., Афанасьев А.Б. Проблемы правовой квалификации незаконной банковской деятельности по объективной стороне преступления // *Ex jure*. 2019. № 4. С. 116–128.
3. Сизов В.А. Проблемы выявления и пресечения преступлений, связанных с незаконным обналичиванием денежных средств и созданием «фирм-однодневок» // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2016. № 2 (38). С. 100–106.

References

1. *Ugolovnoe pravo Rossii. Osobennaya chast'* : uchebnik / pod red. F.R. Sundurova, M.V. Talan. M. : Statut, 2012. – 943 s.
2. Afanas'eva S.I., Afanas'ev A.B. Problemy pravovoj kvalifikacii nezakonnij bankovskoj deyatel'nosti po ob"ektivnoj storone prestupleniya // *Ex jure*. 2019. № 4. S. 116–128.

¹ О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. № 48 // *Российская газета*. № 266. 2016. 24 ноября.

3. Sizov V.A. Problemy vyjavleniya i presecheniya prestuplenij, svyazannyh s nezakonnym obnalichivaniem denezhnyh sredstv i sozdaniem «firm-odnodnevok» // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki. 2016. № 2 (38). S. 100–106.

Информация об авторе (авторах): Диваева Ирина Рафаэловна, начальник кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России (450103, Россия, Уфа, ул. Муксинова, 2), кандидат юридических наук, доцент.

Шайхуллин Марат Селирович, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России (450103, Россия, Уфа, ул. Муксинова, 2), доктор юридических наук, доцент.

Information about the author(s): Divaeva Irina Rafaelovna, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (450103, Russia, Ufa, Muksinova St., 2), Candidate of Law, Associate Professor.

Shaikhullin Marat Selirovich, Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, (450103, Russia, Ufa, Muksinova St., 2), Doctor of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 11.07.2024; одобрена после рецензирования 03.08.2024; принята к публикации 25.09.2024.

The article was submitted to the editorial office of the 11.07.2024; approved after 03.08.2024 review; accepted for publication 25.09.2024.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Уголовная ответственность за нарушение требований промышленной безопасности на опасных производственных объектах: зарубежный опыт

М.В. Прокофьев

Уфа, Российская Федерация

mp06041982@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается зарубежный опыт уголовной ответственности за нарушение требований промышленной безопасности на опасных производственных объектах на примере отдельных государств. Автор отмечает, что исследование уголовной ответственности за указанное нарушение требует системного анализа зарубежных источников уголовного права с целью выявления наиболее эффективных инструментов противодействия преступлениям, совершаемым на стратегически важных объектах. Изучение зарубежного законодательства в данной сфере показывает, что в нем используются различные модели применения ответственности за нарушение стандартов промышленной безопасности.

Ключевые слова: уголовная ответственность, нарушение требований, промышленная безопасность, зарубежный опыт, страны СНГ, статья 217 УК РФ.

Для цитирования: Прокофьев М.В. Уголовная ответственность за нарушение требований промышленной безопасности на опасных производственных объектах: зарубежный опыт // Право и государственность. 2024. № 3 (4). С. 86–89.

Criminal liability for violation of industrial safety requirements at hazardous production facilities: foreign experience

M.V. Prokofiev

Ufa, Russian Federation

mp06041982@mail.ru

Abstract. The article considers foreign experience of criminal liability for violation of industrial safety requirements at hazardous production facilities on the example of individual states. The author notes that the study of criminal liability for violation of industrial safety requirements at hazardous production facilities requires a systematic analysis of foreign sources of criminal law in order to identify the most effective tools for countering crimes committed at strategically important facilities. Analysis of foreign legislation in this sphere shows that foreign legislation uses various models of application of liability for violation of industrial safety standards.

Keywords: criminal liability, violation of requirements, industrial safety, foreign experience, CIS countries, article 217 of the Criminal Code of the Russian Federation.

For citation: Prokofiev M.V. Criminal liability for violation of industrial safety requirements at hazardous production facilities: foreign experience // Law and statehood. 2024. № 3 (4). P. 86–89.

Исследование уголовно-правовых и криминологических аспектов уголовной ответственности за нарушение требований промышленной безопасности на опасных производственных объектах требует системного изучения зарубежных источников уголовного права с целью выявления наиболее эффективных инструментов противодействия преступлениям, совершаемым на стратегически важных объектах. Как отмечают О.Г. Савчишкина и М.А. Артамонова, анализ зарубежного законодательства не только дает представление о сильных и слабых

сторонах действующих уголовно-правовых запретов, но и определяет потенциальные направления совершенствования уголовного законодательства и его правоприменения [1, с. 96]. Между тем внутренние стандарты обеспечения требований безопасности на опасных производственных объектах, имеющиеся в разных странах, могут различаться. Поэтому и уголовное законодательство зарубежных стран содержит различные модели охраны стратегически важных объектов от преступных посягательств.

Так, уголовное законодательство Испа-

нии устанавливает ответственность за целый ряд деяний, связанных с нарушениями требований безопасности на опасных производственных объектах. Статья 350 Уголовного кодекса Испании предусматривает ответственность для тех, кто при работе в шахтах, котлованах, зданиях, дамбах, канализационных коллекторах и аналогичных сооружениях нарушает установленные стандарты [2, с. 126]; ст. 342 Уголовного кодекса Испании устанавливает ответственность за нарушение функционирования ядерных или радиационных установок или процессов, связанных с материалами или оборудованием, содержащими ионизирующее излучение. Несмотря на акцент модели, предусматривающей ответственность в конкретных сферах производства, стоит отметить, что уголовное законодательство рассматриваемой страны не содержит каких-либо специальных правил, касающихся уголовной ответственности за нарушения промышленной безопасности.

В Уголовном кодексе Республики Таджикистан в качестве отдельных составов преступных деяний указаны: нарушение правил безопасности ведения горных, строительных или иных работ (ст. 190); нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах (ст. 191); нарушение правил пожарной безопасности (ст. 192)¹. Уголовный закон Армении выделяет такие составы преступлений в сфере безопасности, как нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики (ст. 227); нарушение правил, связанных с безопасностью эксплуатации источников ионизирующего излучения (ст. 228); нарушение правил, связанных с безопасностью эксплуатации ускорителей электронов, протонов, тяжелых ионов (ст. 229); нарушение

правил безопасности при ведении горно-рудных, строительных или иных работ (ст. 230); нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах (ст. 231); нарушение правил пожарной безопасности (ст. 232)². По российскому законодательству, как отмечают специалисты, уголовная ответственность за нарушение требований промышленной безопасности на опасных производственных объектах будет иметь место даже тогда, когда содеянное создавало реальную угрозу смерти хотя бы одного человека [3, с. 315].

Уголовный кодекс Республики Узбекистан содержит некоторые из указанных составов: нарушение правил эксплуатации ядерных установок (ст. 255); нарушение правил безопасности горных, строительных или взрывоопасных работ (ст. 258); нарушение правил пожарной безопасности (ст. 259)³. В Казахстане уголовная ответственность предусмотрена за нарушение правил безопасности на объектах использования атомной энергии (ст. 276); нарушение правил безопасности при ведении горных или строительных работ (ст. 277); недоброкачественное строительство (ст. 278); нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах (ст. 281)⁴. Необходимо отметить, что несмотря на специализацию уголовно-правовых норм, устанавливающих уголовную ответственность за нарушение правил безопасности, в большинстве стран СНГ не выделяется состав, аналогичный ст. 217 УК РФ. Такой подход характерен не только для вышеуказанных государств, но и для Азербайджана⁵ и Киргизии⁶.

Более приближена к отечественной конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 217 УК РФ, норма ст. 302 Уголов-

¹ Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 24 декабря 2022 г.) // Портал правовой информации Online.zakon.kz. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325&pos=8;-108#pos=8;-108 (дата обращения: 24.03.2024).

² Уголовный кодекс Республики Армения // Портал правовой информации Республики Армения. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus#23> (дата обращения: 24.03.2024).

³ Уголовный кодекс Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012-ХП) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19 октября 2022 г.) // Портал правовой информации Online.zakon.kz. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110&pos=3170;-59#pos=3170;-59 (дата обращения: 24.03.2024).

⁴ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 26 марта 2023 г.) // Портал правовой информации Online.zakon.kz. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&pos=4257;-55#pos=4257;-55 (дата обращения: 26.03.2024).

⁵ Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 29 ноября 2022 г.) // Портал правовой информации Online.zakon.kz. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&pos=4257;-55#pos=4257;-55 (дата обращения: 26.03.2024).

⁶ Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 127 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 28 октября 2021 г.) // Портал правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112309?cl=ru-ru> (дата обращения: 26.03.2024).

ного кодекса Республики Беларусь, в которой регламентируется уголовная ответственность за нарушение правил производственно-технической дисциплины, правил безопасности на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах либо правил безопасности взрывоопасных работ¹. Две схожие нормы присутствуют в уголовных законах Молдовы: нарушение правил эксплуатации объектов энергетики (ст. 298) и нарушение правил безопасности во взрывоопасных предприятиях или цехах (ст. 301)². В Туркменистане также предусмотрена уголовная ответственность за нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах (ст. 316)³, в Украине – за нарушение правил безопасности на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах (ст. 273)⁴. Однако при подобном подходе данные статьи воспроизводят российскую уголовно-правовую норму ст. 217 УК РФ не дословно и охватывают иной круг общественных отношений.

Государства – участники СНГ обладают полной независимостью в формировании и реализации своей национальной политики в области промышленной безопасности на опасных производственных объектах. Эта независимость позволяет каждой стране разрабатывать свой уникальный подход, отражающий ее конкретные потребности и приоритеты. Несмотря на это, страны – участницы СНГ в целом основывают свое правовое регулирование и государственный надзор в области промышленной безопасности на общих национальных принципах и подходах. В области охраны промышленной безопасности законодательство стран СНГ вполне соответствует российскому. Например, 11 апреля 2014 года в Республике Казахстан вступил в силу Закон № 188-V «О промышленной

безопасности на опасных производственных объектах»⁵. Кроме того, 10 января 2000 года в Республике Беларусь был принят Закон № 363-З «О промышленной безопасности опасных производственных объектов»⁶. Однако несмотря на принятие законов о промышленной безопасности в некоторых государствах – членах СНГ, нормы об уголовной ответственности за нарушение правил промышленной безопасности не включены в их законодательство. Что касается частных, то следует отметить один немаловажный аспект. На опасных производственных объектах лица, осуществляющие профессиональную деятельность, могут испытывать нервно-психические перегрузки [4, с. 18], поскольку порой работают в экстремальных условиях. Поэтому при вменении ст. 217 УК РФ следует учитывать положения ч. 2 ст. 28 УК РФ, содержание которой, на наш взгляд, коррелируется с особенностями нарушения правил промышленной безопасности на опасных производственных объектах.

В целом анализ зарубежного законодательства об уголовной ответственности за нарушение требований промышленной безопасности на опасных производственных объектах показывает, что в нем используются различные модели применения ответственности за нарушение стандартов промышленной безопасности. Эти модели различаются с точки зрения используемых в них правовых норм и сфер деятельности, которые они охватывают. В Австрии, Франции, Швеции, Албании, Дании, Норвегии, Бельгии и Соединенных Штатах Америки причинение вреда здоровью или жизни человека или крупного ущерба признается преступлением против личности или собственности. В Канаде, Нидерландах, Поль-

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 14 марта 2023 г.) // Портал правовой информации Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (дата обращения: 26.03.2024).

² Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. № 985-XV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 2 февраля 2023 г.) // Портал правовой информации Online.zakon.kz. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923&pos=3926;-27#pos=3926;-27 (дата обращения: 26.03.2024).

³ Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 г. № 222-I (с изменениями и дополнениями по состоянию на 17 апреля 2022 г.) // Портал правовой информации Online.zakon.kz. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923&pos=3926;-27#pos=3926;-27 (дата обращения: 26.03.2024).

⁴ Уголовный кодекс Украины от 5 апреля 2001 г. № 2341-III (с изменениями и дополнениями по состоянию на 13 декабря 2022 г.) // Портал правовой информации Online.zakon.kz. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418109&pos=2456;-53#pos=2456;-53 (дата обращения: 26.03.2024).

⁵ О промышленной безопасности на опасных производственных объектах : закон Республики Казахстан от 11 апреля 2014 г. № 188-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 13 января 2014 г.) // Портал правовой информации Online.zakon.kz. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1030549 (дата обращения: 26.03.2024).

⁶ О промышленной безопасности : закон Республики Беларусь от 5 января 2016 г. № 354-З // Портал правовой информации Республики Беларусь. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=81930#A000000046 (дата обращения: 26.03.2024).

ше, Турции и Японии сочетаются общие и специальные нормы об ответственности за причинение смерти или увечий работнику или другим лицам или вреда имуществу при осуществлении любой профессиональной деятельности, независимо от объема работ. Такой подход позволяет устанавливать более конкретные правила и наказания, связанные с безопасностью на рабочем месте и защитой работников. В Азербайджане, Армении, Беларуси, Испании, Казахстане, Китае, Кыргызстане, Молдове, Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане, Германии и Швейцарии предусматривается ответственность за причинение смерти или вреда здоровью работника, или других лиц, или имуществу только в специальной норме, указывающей на определенную сферу промышленного или иного производства, в которой выполняются эти работы. Такая модель формирует систему норм, обеспечивающих общественную без-

опасность, и предназначена для конкретных отраслей или секторов с потенциально опасными условиями труда. Как представляется, действующее законодательство Российской Федерации следует модели, которая согласуется с подходом, принятым рядом бывших советских республик и стран – участниц СНГ. Этот выбор отражает акцент на регулировании конкретных секторов и отраслей промышленности, где присутствуют повышенные риски, с целью минимизации вреда для работников и населения. В Таджикистане, Армении, Узбекистане, Казахстане, Азербайджане и Киргизии подобных норм не наблюдается, хотя присутствуют смежные правила в области строительной безопасности, безопасности радиационных объектов и пр. В законодательстве Республики Беларусь, Украины, Молдовы, Туркменистана применяется другой подход – имеются одна или две нормы, похожие на ст. 217 УК РФ.

Список литературы

1. Савчишкина О.Г., Артамонова М.А. Сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за нарушение требований промышленной безопасности на примере зарубежных государств // Право и государственность. 2024. № 1 (2). С. 95–100.
2. Уголовный кодекс Испании / МГУ им. М.В. Ломоносова, юрид. фак. каф. уголов. права и криминологии; под ред. д-ров юрид. наук, профессоров Н.Ф. Кузнецовой и Ф.М. Решетникова; пер. с исп. В.П. Зыряновой, Л.Г. Шнайдер. М., 1998. 213 с.
3. Уголовное право. Особенная часть: курс лекций. В 2-х частях. Часть 1 / М.С. Шайхуллин, Б.З. Маликов, И.Р. Диваева [и др.]. Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2023. 320 с.
4. Уголовное право. Общая часть: курс лекций. В 2-х частях. Часть 1 / И.Р. Диваева, Т.В. Николаева, Б. З. Маликов [и др.]. Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2022. 232 с.

References

1. Savchishkina O.G., Artamonova M.A. Sravnitel'no-pravovoj analiz ugolovnoj otvetstvennosti za narushenie trebovanij promyshlennoj bezopasnosti na primere zarubezhnyh gosudarstv // Pravo i gosudarstvennost'. 2024. № 1 (2). S. 95–100.
2. Ugolovnyj kodeks Ispanii / MGU im. M.V. Lomonosova, yurid. fak. kaf. ugovol. prava i kriminologii; pod red. d-rov yurid. nauk, professorov N.F. Kuznecovoj i F.M. Reshetnikova; per. s isp. V.P. Zyryanovoj, L.G. Shnajder. M., 1998. 213 s.
3. Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast': kurs lekciy. V 2-h chastyah. Chast' 1 / M.S. Shajhullin, B.Z. Malikov, I.R. Divaeva [i dr.]. Ufa : Ufinskij YuI MVD Rossii, 2023. 320 s.
4. Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast': kurs lekciy. V 2-h chastyah. Chast' 1 / I.R. Divaeva, T.V. Nikolaeva, B. Z. Malikov [i dr.]. Ufa : Ufinskij YuI MVD Rossii, 2022. 232 s.

Информация об авторе (авторах): Прокофьев Максим Валерьевич, соискатель ученой степени кандидата наук (450059, Россия, Уфа, ул. Р. Зоре, 20).

Information about the author(s): Prokofiev Maxim Valerievich, applicant for the degree of candidate of sciences (450059, Russia, Ufa, R. Zore St., 20).

Статья поступила в редакцию 06.07.2024; одобрена после рецензирования 11.08.2024; принята к публикации 25.09.2024.

The article was submitted to the editorial office of the 06.07.2024; approved after 11.08.2024 review; accepted for publication 25.09.2024.

Уголовное противодействие терроризму на современном этапе развития общества и государства

В.А. Зиявудинова¹

Уфимский юридический институт МВД России,
Уфа, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются некоторые аспекты уголовного противодействия терроризму на современном этапе развития общества и государства. По мнению автора, уголовное противодействие терроризму сегодня должно включать в себя не только использование уголовно-правовых норм и средств – к ним должны добавляться усилия и инициативы простых граждан, а также институтов гражданского общества, заинтересованных в сохранении стабильной обстановки в государстве. В работе по борьбе с терроризмом должны быть прямо и косвенно задействованы все органы публичной власти, как в плане профилактики и предупреждения преступлений, так и в части содействия правоохранительным органам по выявлению деструктивных сообществ, объединений граждан, деятельность которых носит незаконный характер.

Ключевые слова: уголовное противодействие, терроризм, экстремизм, профилактика, предупреждение, средства борьбы с терроризмом, последствия.

Для цитирования: Зиявудинова В.А. Уголовное противодействие терроризму на современном этапе развития общества и государства // Право и государственность. 2024. № 3 (4). С. 90–93.

Criminal counteraction to terrorism at the present stage of development of society and the state

V.A. Ziyavudinova

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ufa, Russian Federation

Abstract. In the article, the author analyzes some aspects of criminal counteraction to terrorism at the current stage of development of society and the state. According to the author, criminal counteraction to terrorism at the present stage of the development of society and the state should include not only the use of criminal law norms and means – to such norms and means should be added the efforts and initiatives of ordinary citizens, as well as civil society institutions interested in maintaining a stable situation in the state. In the fight against terrorism, all public authorities should be directly and indirectly involved, both in terms of prevention and prevention of crimes, and in terms of assisting law enforcement agencies to identify destructive communities, associations of citizens whose activities are illegal.

Keywords: criminal counteraction, terrorism, extremism, prevention, counterterrorism tools, consequences.

For citation: Ziyavudinova V.A. Criminal counteraction to terrorism at the present stage of development of society and the state // Law and statehood. 2024. № 3 (4). P. 90–93.

В настоящее время борьба с терроризмом и террористическими проявлениями имеет для общества и государства приоритетный характер, поскольку терроризм является одним из наиболее опасных преступлений. Борьба с террористическими проявлениями происходит постоянно и имеет системный характер, т. к. в ней задействованы значительные силы

правоохранительных органов и средства органов публичной власти. Следует принять во внимание, что терроризм является сложным, многоаспектным, разнообразным по своим формам явлением [1, с. 3]. Иногда люди для достижения своих целей идут на крайние меры, среди которых – теракты, разбои, захват заложников. Людей, приверженных к радикальным взглядам,

---

¹ Научный руководитель – М.С. Шайхуллин, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, доктор юридических наук, доцент.

называется экстремистами. Экстремизм, в свою очередь, подразумевает крайние взгляды во всем – в политике, религии и т. д. Экстремизм порождает радикализм и терроризм. Так, в человеке с крайними взглядами рождается идеология. Термин, который часто путают и ошибочно считают синонимичным с экстремизмом – радикализм – это бескомпромиссная приверженность к каким-либо взглядам. Чаще всего это относится к политике. Такие люди хотят резких и кардинальных изменений в обществе. Существует такое понятие, как радикальный консерватизм – он характеризуется желанием любыми способами избежать перемен.

Вышеописанные явления, как правило, появляются в кризисные и тяжелые исторические периоды, когда люди чувствуют угрозу их привычному миру. Умеренный радикализм имеет свои отличия, он не отрицает применение насилия в преобразовании, но старается применять либеральные меры. Существует праворадикальное направление и леворадикальное: представители первого стремятся вернуть традиционный строй, а вторым необходим новый строй, не существовавший ранее. Наивысшая точка радикализма – терроризм. Согласно Федеральному закону от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»¹: «терроризм – идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами публичной власти федеральных территорий, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий».

Большинство людей считает, что террористы – это последователи религии, но терроризм – это идеология насилия, и главной его целью является воздействие на органы власти с помощью устрашения населения. В определении терроризма нет ни слова о личности террориста, его убеждениях,

национальности, вероисповедании и иных качествах. В этом смысле можно констатировать, что нет никаких личностных стереотипов терроризма. Человек может быть признан террористом только по факту совершения им террористических действий.

Вместе с тем опасность терроризма заключается в том, что его характерной особенностью является его политическая направленность [2, с. 100]. Представляя собой категорию более объемного явления – экстремизма, терроризм выступает наиболее опасной формой его проявления. В теории и на практике существуют серьезные различия между экстремистом и террористом. Кого можно называть экстремистом? Человека, который нарушает права и свободы человека и гражданина, своими публичными действиями оправдывает терроризм и террористическую деятельность. Экстремизм не может быть умеренным, в отличие от радикализма. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»² говорит нам о характерных признаках экстремизма, к которым относятся: насильственное изменение основ конституционного строя, возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни, пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности и т. п.

В Конституции Российской Федерации³ закрепляются идеологическое и политическое многообразие, многопартийность; запрещается создание общественных объединений, деятельность которых направлена на нарушение целостности государства, разжигание расовой национальной розни. Необходимо отметить, что экстремизм и терроризм подпитываются радикальными идеологиями. Чаще всего теракты происходят тогда, когда в государстве нестабильная социальная, экономическая обстановка, когда люди чувствуют себя уязвимее, чем

¹ О противодействии терроризму : федеральный закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 10 июля 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146.

² О противодействии экстремистской деятельности : федеральный закон Российской Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (посл. ред.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.

³ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 2020. 4 июля.

обычно. Конкретно такой период прослеживается в России после распада СССР.

Практически все в нашем Отечестве помнят борьбу с террористами на территории Чеченской Республики, теракт в Беслане, взрывы в Москве, Волгодонске и т. д.

Позиция России в отношении террористов заключается в том, чтобы не вести с ними переговоры; лиц, совершивших террористические акты, необходимо сурово наказывать в соответствии с законами Российской Федерации. Россия, строго придерживаясь международных стандартов, соблюдает принцип отказа от какого-либо диалога с террористами, поскольку такой диалог поощряет преступников к совершению тяжких и особо тяжких преступлений. Уничтожение террористов¹ является эффективным средством в борьбе с наиболее опасными проявлениями преступности, поскольку лицо, замышляющее совершить теракт, должно подумать, достигнет ли оно своей цели, если с ним не будут вести переговоры. Вместе с тем следует усомниться в когнитивных способностях рядовых террористов, которые своими действиями причиняют вред простым людям, ведь обычные люди не влияют на принятие управленческих решений.

Как справедливо отмечает С.М. Ивлиев, уголовно-правовой механизм противодействия терроризму может существовать только при единстве и взаимосвязи его элементов [3, с. 10]. Это означает, что совокупность уголовно-правовых норм и институтов уголовного права, направленных на решение задачи по противодействию терроризму, должна иметь четкую направленность. Необходимо отметить, что уголовно-правовые средства являются основными, но единственными средствами противодействия терроризму.

Терроризм – глобальная проблема современности. На сегодняшний день в мире насчитывается около 500 террористических организаций, а деятельность экстремистски настроенных лиц возрастает с каждым днем. Проблемным вопросом противодействия терроризму является функционирование террористических организаций

на Украине. Список таких организаций был согласован в рамках ОДКБ еще в 2016 г. Также проблемными остаются организации, функционирующие на Востоке. Они хотят распространить свою идеологию на остальную часть мира с целью воплощения идеи объединения халифата. Совершенно очевидно, что противодействие организованному терроризму невозможно без консолидации государств, в частности, в рамках ОДКБ. Необходимо отметить, что люди, вступившие в ряды террористической организации, не знают истории, искажают ее смысл и бросают тень на богатую культуру ислама. Члены ближневосточных группировок разрушили многие памятники культуры, которые строились десятилетиями древними халифами. Современные меры борьбы с терроризмом приносят свои плоды, однако общественные отношения развиваются настолько динамично, что требуют новых мер и средств, в том числе уголовного противодействия в борьбе с этим опасным и глобальным явлением. Такие меры и средства необходимы в контексте предупреждения и профилактики терроризма с целью противостояния насилию и устрашению и усовершенствования защищенности нашего государства.

Президент Российской Федерации отметил, что имея дело с таким сложным явлением, как терроризм, за последние годы многое изменилось в плане совершенствования методов, способов борьбы с организованной преступностью и террором. Российские службы начали действовать гораздо более эффективно: «любой просчет стоит очень дорого, поэтому нужно работать без пауз, решительно, на опережение и там, где нужно, дерзко»². Терроризм невозможно победить только лишь силой, потому что организаторы используют людей ради своей выгоды и не собираются жертвовать собой для достижения цели. Для таких акций они нанимают жителей экономически отсталых регионов, таких как Центральная Азия. При этом экстремизм в молодежной среде становится наиболее опасным риском. Самую большую роль в популяризации терроризма и экстремизма играет Интернет –

¹ Путин: Россия не ведет переговоры с террористами, она их уничтожает // РИА Новости. 2024. 6 февраля.

² Путин требует в борьбе с терроризмом действовать на опережение // ТАСС. 2024. 16 октября.

сеть, которую используют террористы для вербовки обычных граждан. В этом смысле важно быть бдительными в социальных сетях как по отношению к другим людям, так и по отношению к самому себе. Для эффективного противодействия терроризму в профилактическую работу должны быть включены не только правоохранительные органы, но и каждый гражданин нашего государства.

Уголовное противодействие терроризму на современном этапе развития общества и государства должно включать в себя не только использование уголовно-правовых норм и средств – к ним должны добавляться усилия и инициативы простых граждан, а также институтов гражданского общества, заинтересованных в сохранении стабильной обстановки в государстве. В работе по борьбе с терроризмом должны быть прямо и косвенно задействованы все органы публичной власти, как в плане профилактики и предупреждения преступлений, так и в части содействия правоохранительным органам

по выявлению деструктивных сообществ, объединений граждан, деятельность которых носит незаконный характер. В целях информирования граждан о последствиях терроризма важно усилить работу по правовой пропаганде знаний, особенно среди молодежи, с целью исключения всякого негативного влияния на несовершеннолетних, главным образом в информационной среде. Для этого в образовательные организации, школы необходимо постоянно приглашать практических работников системы правоохранительных органов, а также ученых и научных работников, для того чтобы специалисты могли на простом и понятном языке объяснять несовершеннолетним правовые, социальные, экономические и иные последствия терроризма и экстремизма. Такая работа должна проводиться в постоянном режиме и на системном уровне, обеспечивая в обществе «атмосферу» нетерпимости к наиболее опасным формам преступных посягательств.

Список литературы

1. Дерюгина Ю.Н. Терроризм: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. – 252 с.
2. Румянцев А.Ю., Башкатов И.В. Меры по совершенствованию законодательства в сфере противодействия терроризму // Ленинградский юридический журнал. 2011. № 2. С. 93–106.
3. Ивлиев С.М. Уголовно-правовые средства противодействия терроризму : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. – 210 с.

References

1. Deryugina Yu.N. Terrorism: ugovolno-pravovoj i kriminologicheskij aspekty : dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2001. – 252 s.
2. Rumyancev A.Yu., Bashkatov I.V. Mery po sovershenstvovaniyu zakonodatel'stva v sfere protivodejstviya terrorizmu // Leningradskij juridicheskij zhurnal. 2011. № 2. S. 93–106.
3. Ivliev S.M. Ugolovno-pravovye sredstva protivodejstviya terrorizmu : dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2008. – 210 s.

Информация об авторе (авторах): Зиявудинова Валерия Артуровна, курсант 5 курса Уфимского юридического института МВД России (450000, Россия, Уфа, ул. Муksiнова, 2).

Information about the author(s): Ziyavudinova Valeria Arturovna, 5th year cadet of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (450000, Ufa, Russia, Muksinova St., 2).

Статья поступила в редакцию 03.07.2024; одобрена после рецензирования 06.08.2024; принята к публикации 25.09.2024.

The article was submitted to the editorial office of the 03.07.2024; approved after 06.08.2024 review; accepted for publication 25.09.2024.

Принцип самоуправления в адвокатуре

М.С. Шайхуллин

Уфимский юридический институт МВД России,

Уфа, Российская Федерация

selir07@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные вопросы, характеризующие принцип самоуправления адвокатуры в Российской Федерации. По мнению автора, в ней должны применяться такие принципы самоуправления, которые отвечают формам управления демократического порядка – выборы, инициативы, предложения и другие обращения, собрания, конференции, объединения адвокатов и т. п. Одним из важнейших принципов самоуправления в адвокатуре является принцип выборности в органы адвокатского самоуправления. Автор придерживается позиции, согласно которой в них должен применяться правовой режим прямого и тайного голосования при непосредственном участии адвокатов в процессе принятия важных внутрикорпоративных решений.

Ключевые слова: принцип самоуправления, адвокатура, адвокатская деятельность, выборы, тайное голосование, система гарантий, права адвокатов.

Для цитирования: Шайхуллин М.С. Принцип самоуправления в адвокатуре // Право и государственность. 2024. № 3 (4). С. 94–98.

The principle of self-governance in the legal profession

M.S. Shaikhullin

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

Ufa, Russian Federation

selir07@mail.ru

Abstract. The article deals with some issues characterizing the principle of self-governance of the Bar in the Russian Federation. In the author's opinion, the Bar should apply such principles of self-governance that meet the forms of governance of democratic order – elections, initiatives, proposals and other appeals, meetings, conferences, associations of lawyers, etc. One of the most important principles of self-governance in the Bar is the principle of election to the bodies of advocates' self-governance. The author takes the position that the legal regime of direct and secret voting should be applied in the bodies of advocates' self-governance with direct participation of advocates in the process of making important internal decisions.

Keywords: the principle of self-government, advocacy, elections, secret ballot, the system of guarantees, the rights of lawyers.

For citation: Shaikhullin M.S. The principle of self-governance in the legal profession // Law and statehood. 2024. № 3 (4). P. 94–98.

Правовой статус адвокатуры в России определяется конституционными положениями о том, что ее вопросы находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (ст. 72 Конституции Российской Федерации)¹. Государство обеспечивает правовое регулирование адвокатской деятельности, однако адвокатура представляет и защищает него-

сударственный, частный интерес [1, с. 25]. Основной массив правового регулирования адвокатской деятельности обеспечивается федеральными законами [2, с. 10]. Текущее законодательство об адвокатской деятельности и адвокатуре Российской Федерации закрепляет, что она действует на основе принципа самоуправления и других принципов, определенных в Фе-

---

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 1. Ст. 4392.

деральном законе от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 63)¹.

В литературе принцип адвокатского самоуправления рассматривается в плане того, что адвокатские образования не могут быть созданы, управляемы или ликвидированы государственными или иными органами. Всеми делами создания, деятельности адвокатуры ведают сами адвокаты непосредственно или путем избрания органов управления, которые действуют на основе принимаемых только адвокатами внутренних нормативных актов (уставов, положений, договоров и проч.) [3, с. 48]. Данный принцип рассматривается также с позиции создания системы гарантий адвокатской деятельности для самостоятельного ведения хозяйственной деятельности [4, с. 52]. Принципы самоуправления и корпоративности предполагают, что законодатель определяет лишь общие, стратегически важные правила, а остальное решают органы адвокатского самоуправления [5, с. 93]. Все это правильно. Но важно не столько закрепление в законодательстве принципа самостоятельности в адвокатуре, сколько то, как этот принцип должен реализовываться, насколько его реализация соответствует демократическим формам волеизъявления.

Признаки самоуправления в публичном праве и в частном (некоммерческом) секторе хозяйствования имеют существенные различия. Самоуправление означает, что какая-либо организация может собственными силами управлять внутренними делами в коллективе. В самом общем виде такая постановка вопроса о самоуправлении в коммерческой или некоммерческой организации является правильной. Однако адвокатуру, адвокатские образования нельзя отождествлять с организациями коммерческого или иного сектора хозяйствования, поскольку без ее функционирования невозможно формировать правовое государство, гражданское общество, ибо она нужна для противодействия произволу и беззаконию. При этом следует принять во внимание,

что органы корпоративного самоуправления адвокатуры нацелены на организацию юридической помощи населению адвокатами, но не на ее оказание [6, с. 8].

Какие же формы управления в адвокатских образованиях должны использоваться, чтобы соответствовать принципу самоуправления? В идеале адвокатские образования должны использовать исключительно формы управления демократического порядка – выборы, инициативы, предложения и другие обращения, собрания, конференции, объединения адвокатов и т. п. Недемократические способы управления в адвокатуре искажают смысл и значение этого важного для общества и государства института гражданского общества, если опираться на принцип самоуправления и другие принципы адвокатуры. С этим тесно взаимосвязан другой важнейший принцип демократии – выборности. В литературе отмечается, что адвокаты самостоятельно, объединяясь в профессиональную группу, решают организационные вопросы относительно деятельности адвокатуры, руководствуясь принципами выборности, гласности, подотчетности [7, с. 71].

Между тем, в отличие от всеобщего равного и прямого избирательного права, реализация принципа выборности в адвокатуре имеет свои особенности. Если в обычной процедуре голосования на федеральном, региональном и муниципальном уровнях публичного властвования используется тайное голосование, то в адвокатуре (адвокатских образованиях), согласно проведенным исследованиям корпоративных актов коллегий адвокатов и т. п., реализуется «открытое голосование», т. е. решения общего собрания коллегии адвокатов принимаются простым большинством голосов. Насколько такой подход отвечает мажоритарным формам демократии? Известно, что принцип тайного голосования исключает контроль за волеизъявлением. Во многих отношениях такой подход является правильным, поскольку открытое голосование основывается на доверии голосующих друг к другу и кандидатам на выборную должность. Имеется

¹ Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 22 апреля 2024 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 июля 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 23. Ст. 2102.

ли абсолютная убежденность в том, что голосующий в открытом режиме адвокат доверяет другому адвокату или кандидату, которому в таком режиме отдает свой голос? Такой убежденности нет, поскольку в случае с открытым голосованием адвокат находится в рамках императивного воздействия, исключающего иные демократические альтернативные способы выявления мнения голосующего. А это важно для получения объективной оценки о кандидате на выборную должность и соответственно противопоставления все еще сохраняющемуся субъективизму и волюнтаризму.

Следует полностью согласиться с мнением Президента Гильдии российских адвокатов профессора Г.Б. Мирзоева о том, что все внутрикорпоративные отношения в адвокатуре должны устанавливаться самим сообществом и избранными им на основе прямого, непосредственного и тайного голосования органами самоуправления адвокатуры. Президенты (председатели, директора Бюро и иные первые лица органов самоуправления адвокатуры) снизу доверху должны избираться непосредственно адвокатами, а не через выборщиков и не посредством ротации, вообще не свойственной ни русской дореволюционной, ни советской адвокатуре [8, с. 6]. Надо сказать, что в ФЗ № 63 слово «выборы» употребляется всего шесть раз, а в Кодексе профессиональной этики адвоката – два раза¹. Такой законодательный подход не усиливает, а наоборот ослабляет демократическую основу адвокатуры как института гражданского общества.

Возникает вопрос о соответствии используемой в адвокатуре формы принятия управленческих решений демократическим формам волеизъявления. И должны ли вообще данные формы соответствовать демократическим? Думается, что должны, поскольку, во-первых, адвокатура как институт гражданского общества не входит в систему органов государственной власти и органов местного самоуправления; во-вторых, адвокаты – это профессиональные юристы, которые хорошо должны понимать смысл и содержание демократии, самоуправления,

форм непосредственного и коллективного волеизъявления, необходимость их укрепления и развития в правовом государстве; в-третьих, если члены коллегии адвокатов не отвечают по ее обязательствам, а коллегия адвокатов не отвечает по обязательствам своих членов, то возникает вопрос, какие формы кроме демократических могут использоваться во взаимоотношениях адвокатов и органов адвокатского самоуправления; в-четвертых, централизованные методы принятия управленческих решений характерны для органов государственной власти, но адвокатура не включается в систему органов публичной власти; в-пятых, по мнению специалистов, сущность принципа самоуправления состоит в том, что адвокаты вправе самостоятельно решать все повседневные вопросы, относящиеся к организации и форме адвокатского образования и места осуществления адвокатской деятельности [9, с. 64]. С этим тезисом не во всех случаях можно согласиться, поскольку контент-анализ корпоративных документов адвокатских образований показал, что в большинстве случаев процедура проведения голосования урегулирована недостаточно (порой такая процедура развивается хаотично), а также по способу сочетания императивного и диспозитивного методов правового регулирования. А это оставляет свободное поле для формирования дискуссии о том, как априори нужно принимать управленческие решения, чтобы максимально учесть права, свободы и законные интересы представителей адвокатской профессии, если при этом соблюдать принцип самоуправления. Если же его не учитывать, то из реального самоуправления можно «скатиться» до централизованного управления.

Между тем введение демократических форм волеизъявления подобных тем, которые используются на выборах различного уровня публичного властвования, означало бы реальную возможность свободного смещения с должности одного руководителя адвокатского образования / адвокатской палаты и соответственно избрание другого. Насколько такой способ замещения должностей подходит адвокатуре? Управ-

¹ Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.) (ред. от 15 апреля 2021 г.) // Российская газета. 2005. 5 октября.

ление в ней строится по принципам непосредственного, делегированного участия адвокатов при принятии управленческих решений. Применяются иные (информационные) способы участия адвокатов в организации внутрикорпоративной деятельности адвокатских образований. Вместе с тем тезис о том, что всеми делами деятельности адвокатуры ведают сами адвокаты непосредственно или путем избрания органов управления, подлежит корректировке с учетом поиска ответов на вопросы: все ли адвокаты участвуют непосредственно при принятии важных управленческих решений? Применяется ли мажоритарный принцип в адвокатуре, когда речь идет об избрании на должность руководителя

адвокатской палаты / адвокатского образования? Ответы на эти вопросы можно найти в самом тезисе, определяющем понятие принципа самоуправления в адвокатуре – все адвокаты непосредственно или путем избрания органов адвокатского самоуправления. Какой способ предпочтительнее – пусть ответят сами адвокаты. В то время когда адвокатура подвергается различного рода трансформациям, обновлениям в плане правового регулирования, сохраняет актуальность тезис профессора Игоря Семеновича Яртых о необходимости какой-либо серьезной научной дискуссии, которая руководством Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации не организована [10, с. 106].

Список литературы

1. Адвокатская деятельность и адвокатура в России: учебник. Сер. 58. Бакалавр. Академический курс / И.Л. Трунов, Л.К. Айвар, В.А. Вайпан [и др.]. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2016. – 427 с.
2. Адвокатура в Российской Федерации : краткий курс лекций / А.В. Молчанова, Ш.Н. Хазиев. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство «Юрайт», 2013. – 172 с.
3. Адвокатура в России : учебник для вузов / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.И. Сергеева. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юстицинформ, 2019. – 548 с.
4. Адвокатура и адвокатская деятельность : учебник для вузов / А.А. Клишин [и др.]; под ред. А.А. Клишина, А.А. Шугаева. 3-е изд., испр. и доп. М. : Издательство «Юрайт», 2021. – 604 с.
5. Анисимов В.Ф., Акинина Н.Ю. Российская адвокатура: общая характеристика и принципы правозащитной деятельности // Мир политики и социологии. 2013. № 11. С. 97–108.
6. Бойков А.Д. Социальная ответственность адвокатуры // Ученые труды Российской академии адвокатуры. 2009. № 1. С. 5–13.
7. Введение в сравнительную адвокатуру : учебное пособие / Н.Ю. Акинина, В.Ф. Анисимов, Е.Н. Кудрина; под ред. В.Ф. Анисимова. Ханты-Мансийск : Югорский государственный университет, 2017. – 217 с.
8. Мирзоев Г.Б. Принципы совершенствования законодательства об адвокатуре // Ученые труды Российской академии адвокатуры. 2012. № 4. С. 5–8.
9. Адвокатская деятельность : учебно-практическое пособие / под общ. ред. канд. юрид. наук В.Н. Буробина. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ИКФ «ЭКМОС», 2003. – 623 с.
10. Яртых И.С. Наука об адвокатуре: вчера, сегодня, завтра // Вестник Университета им. О.Н. Кутафина. 2017. № 12. С. 100–107.

References

1. Advokatskaya deyatel'nost' i advokatura v Rossii: uchebnik. Ser. 58. Bakalavr. Akademicheskij kurs / I.L. Trunov, L.K. Ajvar, V.A. Vajpan [i dr.]. 3-e izd., pererab. i dop. M., 2016. – 427 s.
2. Advokatura v Rossijskoj Federacii : kratkij kurs lekcij / A.V. Molchanova, Sh.N. Haziev. 3 e izd., pererab. i dop. M. : Izdatel'stvo «Yurajt», 2013. – 172 s.
3. Advokatura v Rossii : uchebnik dlya vuzov / pod red. d-ra yurid. nauk, prof. V.I. Sergeeva. 5 e izd., pererab. i dop. M. : Yusticininform, 2019. – 548 s.
4. Advokatura i advokatskaya deyatel'nost' : uchebnik dlya vuzov / A.A. Klishin [i dr.]; pod red. A.A. Klishina, A.A. Shugaeva. 3-e izd., ispr. i dop. M. : Izdatel'stvo «Yurajt», 2021. – 604 s.
5. Anisimov V.F., Akinina N.Yu. Rossijskaya advokatura: obshchaya harakteristika i principy pravozashchitnoj deyatel'nosti // Mir politiki i sociologii. 2013. № 11. S. 97–108.
6. Bojkov A.D. Social'naya otvetstvennost' advokatury // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury. 2009. № 1. S. 5–13.
7. Vvedenie v sravnitel'nyuyu advokaturu : uchebnoe posobie / N.Yu. Akinina, V.F. Anisimov, E.N. Kudrina; pod red. V.F. Anisimova. Hanty-Mansijsk : Yugorskij gosudarstvennyj universitet, 2017. – 217 s.

8. Mirzoev G.B. Principy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva ob advokature // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury. 2012. № 4. S. 5–8.
9. Advokatskaya deyatel'nost': uchebno-prakticheskoe posobie / pod obshch. red. kand. yurid. nauk V.N. Burobina. 2-e izd., pererab. i dop. M. : IKF «EKMOS», 2003. – 623 s.
10. Yartyh I.S. Nauka ob advokature: vchera, segodnya, zavtra // Vestnik Universiteta im. O.N. Kutafina. 2017. № 12. S. 100–107.

Информация об авторе (авторах): Шайхуллин Марат Селирович, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России (450103, Россия, Уфа, ул. Муксинова, 2), доктор юридических наук, доцент, адвокат.

Information about the author(s): Shaikhullin Marat Selirovich, Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, (450103, Russia, Ufa, Muksinova St., 2), Doctor of Law, Associate Professor, Lawyer.

Статья поступила в редакцию 18.07.2024; одобрена после рецензирования 02.08.2024; принята к публикации 25.09.2024.

The article was submitted to the editorial office of the 18.07.2024; approved after 02.08.2024 review; accepted for publication 25.09.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые авторы! Перед направлением материалов в редакцию научно-правового журнала «Право и государственность» просим Вас ознакомиться с правилами опубликования статей.

Все поступающие в редакцию материалы (научные статьи, рецензии и т. д.) проходят обязательное рецензирование, проверку системой «Антиплагиат» (уровень оригинальности статьи не должен быть менее 70%).

Автор (авторы) должны предоставлять в редакцию материалы, обладающие оригинальностью. К опубликованию не принимаются научные статьи, ранее публиковавшиеся в других изданиях или находящиеся на рассмотрении в других изданиях. Предоставляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать выводы или предложения в рамках проведенного исследования. Статьи принимаются на русском языке.

Структура статьи.

Представленная на рассмотрение статья должна иметь следующую структуру:

1. **Индекс УДК.** Для определения индекса УДК можно воспользоваться информационно-справочными системами, описывающими универсальную десятичную классификацию. Индекс УДК должен соответствовать специальности, по которой выполнена научная статья.

2. **Заглавие статьи:** заголовки записываются строчными буквами полужирным шрифтом, выравнивание по левому краю.

3. **Оформление сведений об авторе (авторах).** Ф.И.О. автора (авторов), степень, должность, кафедра (другое место работы), полное официальное название учреждения и его адрес, город, страна, e-mail (авторов). Сведения об авторе (авторах) предоставляются на русском и английском языках. При оформлении указываются инициалы имени, отчества автора и фамилия (пример: И.А. Иванов).

4. **Аннотация и ключевые слова.** Аннотация должна быть не менее 100 и не более 200 слов, представлена на русском и английском языках. Ключевые слова также предоставляются на русском и английском языках, 5 – 10 слов или словосочетаний. Ключевые слова отделяются друг от друга запятой.

5. **Объем рукописи** должен составлять от 7 до 10 стр., формата А4, но не более 20 тыс. знаков.

6. **Список литературы.** На каждый источник, включенный в список литературы, должна быть дана ссылка в квадратных скобках в тексте статьи. При оформлении статьи необходимо указывать в квадратных скобках соответствующие нумерацию и страницу, на которую ссылается автор [1, с. 34–36]. При этом, в списке использованной литературы должны быть указаны все страницы источника на который ссылается автор, полные выходные данные источника.

Цитируемые в тексте нормативные правовые акты должны содержать дату принятия с указанием в скобках даты последней редакции (в ред. от ...) или изменений (с изм. от ...), а также ссылку на первоначальный официальный источник опубликования. Ссылки на справочные правовые системы СПС «Консультант», «Гарант» и др., не допускаются.

Обратите внимание! Если статья выполнена несколькими авторами, то на последней странице представленного материала должно быть указано об отсутствии у авторов научной статьи конфликта интересов. (Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов).

7. **Требования к компьютерному набору:** формат А4; шрифт Times New Roman; межстрочный интервал 1,5; поля все 2 см; абзацный отступ 1,25 см.

- Заглавие статьи: кегль 16, заголовки записываются строчными буквами полужирным шрифтом, выравнивание по левому краю;

- Сведения об авторе (авторах): кегль 12, инициалы и фамилия автора полужирным шрифтом; место работы и др. сведения обычным шрифтом с выделением курсива;

- Аннотация и ключевые слова: кегль 12, объем не менее 100 и не более 200 слов;

Текст статьи: кегль 14, объем не более 20 тыс. знаков.

Список литературы и транслитерация: кегль 12, оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

8. **Таблицы (рисунки)** должны иметь заголовки (названия) и сквозную порядковую нумерацию в пределах статьи, содержание их не должно дублировать текст. Заголовок размещается над полем таблицы (для рисунков – под рисунком). Все сокращения, использованные в таблицах и рисунках (кроме общепринятых), поясняются в примечании. Если в тексте приводится одна таблица, рисунок или формула, они не нумеруются, если более одной, то нумерация обязательна.

Электронный вариант материала и сведений об авторе может быть прислан по электронной почте на адрес редакции журнала: pravoigosudarstvennost@mail.ru

9. Все аспиранты дополнительно предоставляют отзыв научного руководителя.

10. Плата за публикацию статей и их рецензирование не взимается. Гонорар авторам не выплачивается. Статьи аспирантов публикуются бесплатно.